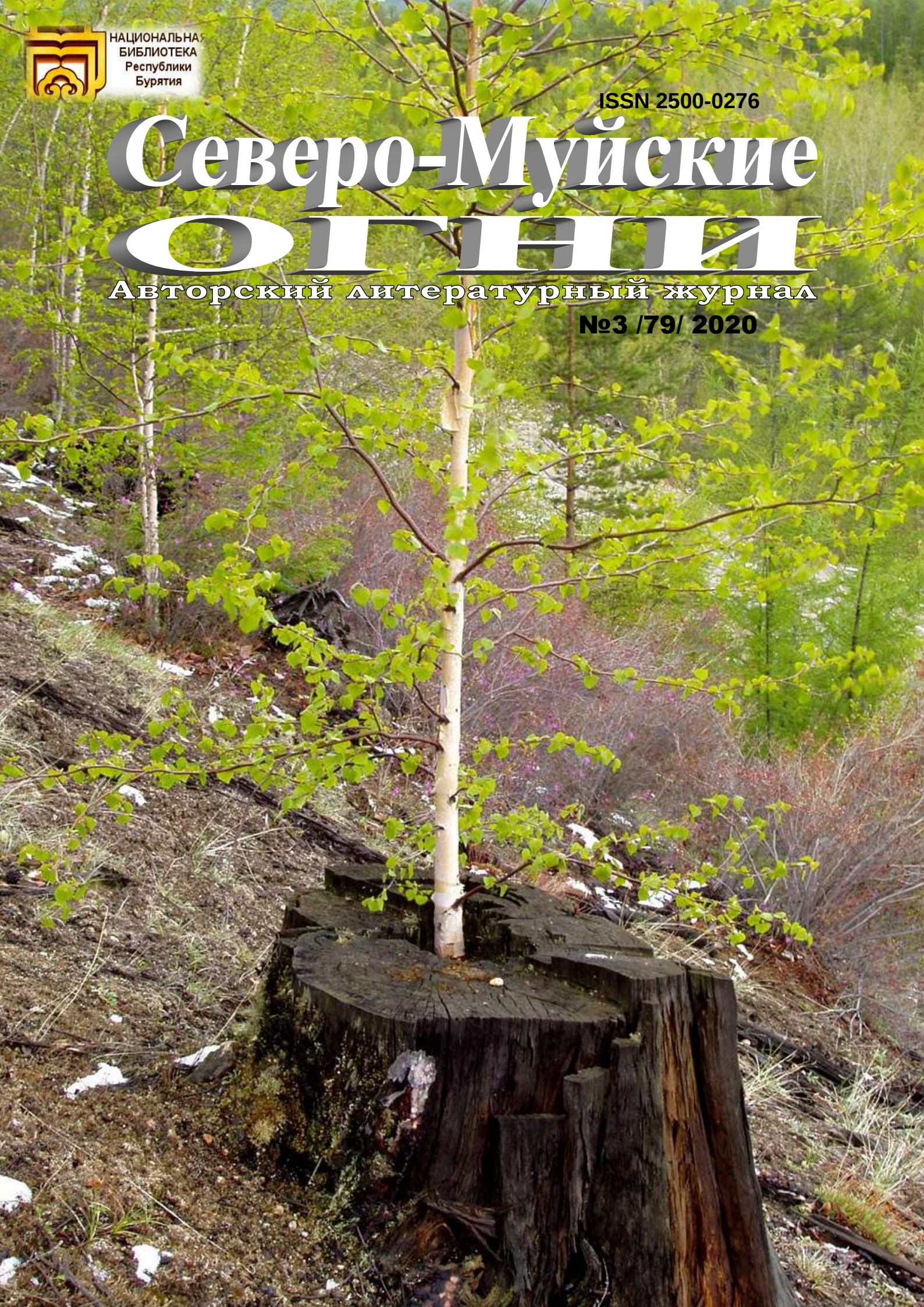
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Республики
Бурятия

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№3 /79/ 2020



***Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /*В. Кузнецов/**

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 3 (79) май-июнь 2020

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов

Секретарь-референт: Елена Зяблова
Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова
Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк
Зам. главного редактора по международным литературным связям: Николай Тимохин
Консультант по международным литературным связям: Елена Думрауф-Шрейдер
Заведующий отделом публицистики: Наталия Каретникова
Заведующий отделом поэзии: Александр Кобелев
Заведующий литотделом «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко
Заведующий отделом культуры: Татьяна Лапахтина

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Зоркин Виталий Иннокентьевич, член Союза писателей России, Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств, Заслуженный работник культуры РФ /Иркутск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Крымской литературной академии /Горловка, ДНР/.
Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Побужанский Эдуард Георгиевич, поэт, издатель, главный редактор издательства «Образ» /Москва/.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Спивак Михаил Анатольевич, прозаик, сценарист, публицист, член Союза журналистов России, один из основателей и редактор литературного журнала «Новый Свет» /Канада, Виннипег/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Харитонов Арнольд Иннокентьевич, публицист, прозаик, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Информационные партнёры:

- **Поэтическое издательство «Образ»** /г. Москва/.
- **Литературный журнал «Новый Свет»** /г. Торонто, Канада/.
- **Литературный журнал «Приокские зори»** /г. Тула/.
- **Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «ИртышЪ-Омь»** /г. Омск/.
- **Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели»** /г. Самара/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.
Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Фото на страницах обложки:

Подписано в печать 05.06.2020.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2020

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 9024582889; 8 9246503603
Секретарь-референт: тел.: 8 9248385348
Форум журнала: http://smogni2008.rusff.ru
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание

Критика
Борис Зорькин. Слово писателя как зеркало его личности……3
Анастасия Веколова. Автобиографизм в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»……6
Максим Орлов. О книге Андрея Хромовских «Двойная жизнь»……9

Публицистика
Татьяна Михайлова. Талант памяти……10

Привал на поэтической тропе
Александр Горшенков. В мерцании электрума……12
Александр Балтин. Музыка женских строф……13

Проза
Михаил Смирнов. Живи, брат. Рассказ……17
Лидия Гусева. V. Рассказ……22
Артур Грюнер. Сердце матери. Повесть……23
Владимир Плотников. Пёстрые картинки из XVI века (фрагменты романа «Московит и язовит»)……31
Борис Фроенченко. О мифах, былинах, сказаниях... Эссе……33
Светлана Донченко. Икона. Рассказ……35
Олег Куимов. Последний штрих. Рассказ……37
Михаил Спивак. Комсомолец и проститутка. Рассказ……40
Милена Миллинткевич. Парк на набережной. Рассказ……41
Дмитрий Побединский. «Почему наступает весна?» Рассказ……45
Альбина Кашапова. Лучшие дни ещё впереди. Рассказ……46
Александр Змушко. Лудильщик и стена. Сказ (фэнтези)... ……47
Сергей Кириллов. А лето только начиналось... Рассказ……49

Поэзия
Александр Шерстюк. «Зачем цветок?..»……54
Марк Полыковский. «Сверчок исчез, и с ним ушла эпоха...»……58
Николай Ерёмин. «Стремятся вслед за мною тени птиц...»……59
Яков Шафран. Берёзовая Русь……60
Ольга Борисова. Стихи начала двадцатого……61
Николай Тимохин. Из нового……62
Марина Скворцова. «Медовый вечер...»……63
Владимир Спектор. Регулировщик света……64
Павел Рославский. «Последние бабочки лета...»……65
Лидия Розин. «И снова счастлива, и снова людям верю...»……66
Юлия Рудомазина. «Всё застыло в ожидании чуда...»……67
Лора Важинская. «И, может быть, тогда найду себя...»……68
Лариса Струина. «Кружатся чайки белые над прудом...»……69
Зинаида Барановская. Лесная сказка……70
Юрий Ананьин. «Отшелестят дожди косые...»……71
Сергей Степанов-Прошельцев. Я – твой солдат, Природа!……72

Поэзия Восточной Сибири
Максим Орлов. «Прав Кенжеев: «Ухи не отведать ершу»...»……73
Татьяна Стрельникова. «Пишу... свою скрижаль...»……74
Инна Коноплёва. «О чём предупреждал седой Байкал...»……75
Раиса Гаврилова. «Зову тебя, но только эхо...»……76
Виктория Астраханцева. «Экспозиция»……77

Сатира и юмор
Владимир Плотников. 1 апреля. Гоголь (1809-2009-...9): поминки по летаргии……78
Лев Рябчиков. Из цикла «Вечера в гараже у Петровича»……80
Валерий Воронков. Метод дедукции. Рассказ……81

Рыбохотобзор
Сокровенности таёжной природы. Токовище каменного (чёрного) глухаря……82
Виктор Шмелёв. Ток весны. Рассказ……83
Пётр Цветков. «Муравей» (ностальгическая зарисовка)……85
Александр Граков. «Трещал камыш…». Отрывок из романа «Алёна, я с тобой!»……86

Критика

Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить.
Вольтер

Борис ЗОРЬКИН

г. Сочи, Краснодарский край

Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. Автор 14 книг стихов и прозы (литературный псевдоним Валерий Румянцев).
Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

Слово писателя как зеркало его личности

Многие известные современные писатели России стремятся как можно чаще появляться на ТВ, радио, раздавать интервью, «присутствовать» в глобальной сети. И ничего плохого в этом нет: ближе познакомившись с личностью писателя, читатель будет лучше понимать особенности его литературного творчества и, скорее всего, по-новому оценит его Художественное Слово. А кто-то впервые услышит имя прозаика или поэта и, возможно, вскоре откроет его книгу для прочтения.

Жаль только, что целый ряд известных российских писателей, образно говоря, растолкав локтями своих литературных героев и представив нам своё «лицо», не понимают, что их «физиономии» не вызывают симпатий. Имею в виду «лицо» их интеллекта и культуры. Часто поражает примитивизм мышления, незнание истории своей страны, политическая близорукость... и даже порой косноязычие. Своими выступлениями они лишь способствуют уничтожению исторической правды, нашей культуры, морали, чести и достоинства, да и теряют «писательский вес» в глазах читателей.

Вот всего несколько примеров.

«Гордость» современной русской литературы Михаил Веллер в своей передаче на радиостанции «Эхо Москвы», говоря о возрастающей популярности Сталина, заявил: «В перевороте двадцать пятого октября семнадцатого года товарищ Сталин сыграл роль предельно небольшую... в общем, в первом ряду он и близко не был».

Никоим образом не покушаясь на компетентность господина Веллера в исторических вопросах, хочу всё же заметить, что реальная картина выглядела совсем иначе. На 6 съезде РСДРП (июль-август 1917 года) Сталин выступил с Отчётным докладом ЦК. А уже на заседании ЦК РСДРП 5 августа 1917 года его избрали членом узкого состава ЦК. 10 октября 1917 года на заседании ЦК его избрали членом Политбюро, куда входило всего ЧЕТЫРЕ члена ЦК. В ночь на 16 октября 1917 года на заседании ЦК Сталин стал членом Военно-революционного центра. Именно он выступал с докладом о вооружённом восстании (В. И. Ленин в это время скрывался в Разливе). Так что в данном вопросе Михаил Веллер или заблуждается, или несколько лукавит.

Кто же после этого будет доверять его художественному слову? Только те, чей мозг не осмеливается мыслить самостоятельно, а «питается» мифами, сочинёнными врагами социалистических идей и России.

В Ютубе можно встретить немало роликов с выступлениями Михаила Иосифовича, в том числе и таких, где он призывает толпу к силовой смене власти. Но это чистой воды провокация.

Да, действительно, сейчас сложилась ситуация, когда ««низы» не хотят, а «верхи» не могут». Однако этого недостаточно; ещё необходимо появление партии трудящихся, которая поведёт за собой массы. А такая партия пока не сформировалась. «Низы» не хотят, но ведут себя пассивно. Никто не сможет отнять у нас наше священное право на бесправие. Прибегая к иронии, можно сказать: так много людей с головой ушло в политику, что выпускаемые ими пузыри создают эффект брожения в обществе.

Вместе с тем, В. В. Путин не должен забывать, что опасность редко кричит о себе и шаг в пропасть определяет весь дальнейший маршрут.

Другая «знаковая» фигура современной русской литературы – Людмила Улицкая – в своём интервью, рассуждая о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и истории России, заявила: «Если бы эта страна прочитала эту книжку своевременно, то в голову бы не пришло выбирать руководителем страны человека из КГБ... организации, которая уничтожила огромное количество лучших людей поколения, нескольких поколений...».

После подобных «казусов Улицкой» у думающих читателей сразу же возникает вопрос: «Если были уничтожены лучшие люди поколений и остались только середнячки и худшие, то кто же построил мощную индустрию, разгромил фашистскую Германию, создал шедевры в искусстве и литературе, первым в мире прорвался в космос?..». Значит, напрашивается другой вывод: уничтожили в основном, наверное, тех, кто на тот момент мешал сделать СССР мировой державой.

В этом же интервью Улицкая с сожалением говорит о том, что «сегодня в книжных магазинах книги «Архипелаг ГУЛАГ» лежат пачками, и никто их не покупает». А не покупают потому, что эта книга закладывает в головы читателей «мстительные фантазии, фобии, недостоверные факты и гипертрофированную антисоветчину» (Юрий Поляков). Слушая интервью Улицкой, так и хочется воскликнуть: «Прошу вас, гражданка, очистить стул!» (Ильф и Петров).

Оба деда Людмилы Евгеньевны в сталинские годы были репрессированы, поэтому её обида на органы госбезопасности в какой-то степени понятна. Однако обида – не лучший союзник в поиске истины. Мой дед по матери – Румянцев Иван Иванович – тоже был репрессирован: 20 декабря 1937 года арестован, 30 декабря 1937 года осужден по ст. 58-10 к ВМН, 3 января 1938 года расстрелян. Фактически только за то, что был священником и в кругу приятелей критиковал некоторые мероприятия советской власти. Но это же не значит, что я должен смотреть на белое и говорить: «Чёрное!».

Людмиле Улицкой нужно задаться другим вопросом: почти все архивы КПСС рассекречены, но почему до сих пор не доступны для изучения историков фонды отдела административных органов, то есть отдела, который осуществлял контроль за органами ОГПУ-НКВД-КГБ, Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР? Почему до сих пор на документах вышеупомянутых фондов стоит гриф «секретно»? Почему буржуазная власть не снимает грифа секретности? Понятно почему. Тогда народ узнает правду. И рассекреченная правда никак не будет соответствовать тому, о чём с утра до вечера долдонят наши СМИ, а за ними повторяют веллеры, улицкие, быковы и другие альбацы.

Когда обнародуют хотя бы часть вышеуказанных документов, вскроется интереснейшая картина: в 1937 году в НКВД до трети сотрудников имели небольшевистское прошлое, лица с рабочим и крестьянским происхождением составляли абсолютное меньшинство, существенная часть сотрудников были идейными сторонниками Троцкого, руководителями высшего и среднего звена в основном были лица не славянского происхождения, и т. д., и т. п.

А вот ещё одна «достопримечательность» современной русской литературы – Татьяна Толстая. Для каждого, о ком пишет, Толстая находит «доброе» слово: известная журналистка для неё – «вонючка»; переводчики – «идиоты, мерзавцы, му…звоны», патриарх – «вредный дурак», и т. п. А ещё Татьяну Никитичну повсюду окружают «козлы, кретины, бездари и неучи».

Когда в Приморье бандиты начали убивать работников правоохранительных органов, Толстая публично заявила: «Когда узнала, что стали ментов мочить, прямо от радости задрожала».

По её словам, роман «Кысь» она написала именно про русских. Люди там питаются «чёрными зайцами», кушают мышей и червей, отчего и становятся русскими. Она убеждена, что у русского человека «тяга к разрушению», ему бы «выпить, буянить, всё заблевать».

И вот резюме Толстой: «Любовь к России – это слюни сладкие. Это вообще дурной тон».

Да-а, много злости накопила Толстая за свою жизнь. Видимо, она руководствуется принципом «Время собирать камни за пазухой и время бросать их в чужой огород». Полагаю, что для неё потеря дара речи могла бы стать даром судьбы.

Вот такие у нас сегодня «властители дум».

К моей статье ««Капканы» на литературной дороге» читатель, по имени Евгений (других данных не указал), написал такой комментарий: «Нынешнее писучее половодье подобно болоту, в коем тонут истинные таланты. Набор фамилий – Веллер, Быков, Кабаков и т. п. – не литературные золотники, а всего лишь медные пятаки, остервенело надраенные до блеска либеральными СМИ и столь же безнравственным ТВ. Ныне – ни одной фигуры на литературном поле, которая могла бы даже приблизительно сравниться с социальной мощью Шолохова, Бондарева, Белова, Шукшина... Взамен – сиюминутная меркантильность, вычурные авангардные выкрутасы, липкий страх взрезать социальные нарывы на теле России – это удел и прокрустово русло нынешних писак».

Лучше и не скажешь!

А такой представитель изящной словесности как Эдуард Лимонов (только не подумайте, что я начну цитировать его нецензурную брань) в конце своей статьи «Властители дум» написал: «Подведём итоги. Культура обществу более не нужна. Автор в ранге творца и указателя дороги – не нужен... Цивилизация безлична. Она производит продукты одноразового пользования. Вот таким мне представляется ответ на вопрос: почему перевелись Властители Дум». Вот уж действительно хозяин своего слова становится его заложником.

Однако по этому вопросу есть и другое мнение. Автор многочисленных романов Сергей Алексеев так ответил на вопрос «Почему писатели перестали быть «властителями дум»?»: «К счастью, русская литература вечна, как и высший образовательный инструмент – Язык. А писатели перестали быть властителями дум по одной причине – не узрели открывшегося окоёма, то есть нового горизонта. И по старой, ещё советской, кальке ушли в конъюнктуру: вместо производственной прозы, восхваляющей руководящую роль партии, стали писать про руководящую роль церкви... Примитивизм мышления напрочь отвратил читателя от эдаких дум писателя».

Что можно одной фразой сказать о модных на сегодняшний день писателях? Только то, что мода приходит и уходит, а манекены остаются.

Наше государство олигархического капитализма не будет активно приобщать молодёжь и взрослых к чтению высокой литературы, которая формирует полноценную личность. А ведь именно читая произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Есенина и других классиков, молодые люди узнают, что есть любовь, честь, гордость и порок, предательство и великодушие. Познать всё это только на своём опыте человеку практически невозможно.

К великому сожалению, люди предпочитают лёгкое чтиво. Впрочем, удивляться не приходится: линия наименьшего сопротивления – самая оживлённая дорога.

После реставрации капитализма в России новая власть тоже захотела, «чтоб к штыку приравняли перо». И стала активно тиражировать и пропагандировать только те «перья», которые способствуют «расчеловечиванию» личности и падению нравственности в обществе.

Не хочется сбиваться на чисто публицистический стиль, но «как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома». В статье Андрея Юревича и Дмитрия Ушакова «Нравственность в современной России» приводится ужасающая статистика:

– ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения;

– каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегают из дома;

– ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями;

– 12% подростков употребляют наркотики;

– темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;

– в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов.

И список чудовищных цифр можно продолжить на нескольких листах.

Ещё французский философ Эмиль Дюркгейм отмечал: «Нравственность – это обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить».

Сегодня наметилась такая закономерность: когда молодёжь не читает произведений современных писателей, у неё нет желания углубляться в мир классиков. Уровень языковой культуры напрямую зависит от чтения художественной литературы. Мы уже не удивляемся, когда читаем и слышим языковые ляпы в СМИ. Например, на новостном интернет-портале можно было прочитать: «Медведев после изнасилования уволил главу МВД Бурятии», «Мужчина отбил жену у медведя» и т. п.

Как будет выглядеть русская литература в ближайшем будущем, сказать трудно. Мы теряемся в догадках и в более глобальных вопросах: что будет с Россией и остальным миром при «распаде» духовной составляющей человека и человечества? Эту мысль великолепно проиллюстрировал Игорь Волгин в одном из интервью: «Весь ход современной истории свидетельствует о том, что теперь не только Россия, как говорил Достоевский, но и весь мир «стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Если воспользоваться метафорой Семёновского плаца (где писатель подвергся процедуре «недовершённого расстрела»), можно сказать, что человечество уже как бы взошло на эшафот, и неизвестно, будет ли оно в последний момент помиловано. Но если, к счастью, это случится, и всемирная история продолжит свой победительный бег, возникает вопрос: извлечём ли мы из нашего смертного опыта такой же урок, который усвоил себе Достоевский? Послужит ли эта милость (если она будет явлена) нашему духовному возрождению?».

Сегодня, когда человеческая глупость перешла все границы и обогнула земной шар, Судьба всем нам бросила вызов. Пессимисты утверждают: когда мир доиграет комедию, аплодировать будет некому. Но это не наш путь.

Мы ждём от мыслящих людей деятельности, направленной на поиски более оптимистического пути. И не последнюю роль в этом должны сыграть поэты, прозаики и драматурги.

Коротко об авторе

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника.

Женат, имеет двоих детей и пятерых внуков. Живёт в г. Сочи.

Лирические и юмористические стихи, басни, литературные пародии, лаконизмы, сказки, статьи; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 190 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 72 литературных журналах и альманахах.

В. Румянцев – лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Вышло в свет четырнадцать книг Валерия Румянцева:

1. «День и ночь» (стихотворения, венок сонетов). Сочи. 2003 г.
2. «Удивительное рядом» (стихи, басни, пародии). Сочи. 2003 г.
3. «Из мышления» (лаконизмы). Сочи. 2003 г.
4. «Короче некуда» (лаконизмы). Сочи. 2003 г.
5. «С чёрного хода» (сатирический роман). Сочи. 2004 г.
6. «Мысль, сохранённая в словах» (стихи, лаконизмы, басни). Сочи. 2004 г.
7. «Ответственное поручение» (стихи, лаконизмы, рассказы). Сочи. 2004 г.
8. «На перекрёстке жизни» (стихи, лаконизмы, рассказы). Сочи. 2005 г.
9. «Девятая модель» (рассказы, лаконизмы). Сочи. 2005 г.
10. «Машина времени» (рассказы, лаконизмы, стихи). Сочи. 2007 г.
11. «У всех свой крест» (лирика). Сочи. 2017 г.
12. «Процесс» (рассказы). Сочи. 2018 г.
13. ММИ
14. МИть

Анастасия ВЕКОЛОВА
г. Самара
Филолог, журналист. Родилась в 1991 году в Самарской области. В 2014 году с отличием окончила филологический факультет Самарского государственного университета, в 2017 – аспирантуру Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. Имеет опыт работы в СМИ и PR, в том числе – главным редактором газеты. Автор научных статей по лингвистике и литературоведению. Пишет стихи, прозу и критические материалы. Публиковалась в ряде российских журналов и альманахов. Финалист и неоднократный лонг-листер литературного конкурса журнала «Север» «Северная звезда» (2018, 2019).
Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Автобиографизм в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Проблема автобиографизма в творчестве тех или иных писателей часто привлекает внимание. Несмотря на то что литературный текст самобытен, обращение к биографии все же позволяет взглянуть на него по-новому: недаром в школьной традиции знакомство с автором и его творениями начинается именно с биографической справки.

В современном литературоведении вопрос о жанровой природе автобиографии не решён окончательно. Как отмечает А. Ф. Цирулев, согласно установившейся традиции, в «науке существует давняя традиция выводить автобиографический жанр из мемуарно-исповедальной ветви русской словесности»[1].

И. П. Карпов, занимавшийся изучением образа автора, лирического героя в художественном произведении или, в его терминологии, авторологией русской литературы, определяет автобиографизм следующим образом: «Автобиографизм» – «трансформация автором «жизненного материала» в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека; в литературно-художественном произведении такое понимание автобиографизма реализуется указанием субъекта речи на автобиографическую основу повествования: в авторологии автобиографизм рассматривается как одна из форм авторской образно-словесной игры»[2].

Из данного определения вытекают несколько особенностей автобиографической прозы. С одной стороны, автор стремится передать свои чувства и переживания, с другой – делает это в образной форме и дополняет вымыслом. Следовательно, нельзя воспринимать автобиографизм как точную передачу авторского сознания – так или иначе оно будет трансформироваться. Кроме того, над этой изменчивой трансформацией всегда тяготеет жанровый канон, который заставляет следовать сложившейся традиции.

Хотелось бы отметить еще один важнейший момент. Очевидно, что жизненный опыт – это не только события из личной, семейной, бытовой жизни. Человек живет в обществе и откликается на все то, что происходит вокруг него, а писатель, как субъект творческий, воспринимает все через призму своего сознания еще острее. Из этого явно следует, что автобиографизм – это некое широкое понятие, включающее жизненный опыт личности[3], который формируется под влиянием личных, семейных, общественных и др. связей, окружающих личность на протяжении всех этапов ее становления. В узком смысле под автобиографизмом можно понимать лишь непосредственное отражение биографии писателя, однако на практике оказывается, что ограничиться узким подходом трудно.

Показательным для исследования проблемы автобиографизма является роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Очевидно, что в романе много автобиографичного, и это или воспринимается (вероятно, по причине известности произведения) как само собой разумеющееся и не сопровождается обширными пояснениями или же раскрывается в комментариях настолько широко, что прочитать всё это полностью могут разве что исследователи.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» не относится к мемуарной прозе, как «Дневник писателя», но отражает позицию, взгляды и жизненный опыт. Не случайно С. В. Белов[4] и Г. М. Фридлендер, Г. В. Коган[5] в комментариях к роману уделяют много внимания как толкованиям непонятных слов или разъяснениям особенностей эпохи, так и автобиографизму. Ученые не используют этот термин, но большинство комментариев связаны с проведением параллелей между романными и реальными людьми, событиями, обстоятельствами.

В соответствии с этим, отталкиваясь от комментариев и сопоставляя факты романа с биографией писателя, целесообразно выделить несколько условных тематических групп, получивших отражение в романе. Первая группа – это собственно биографические факты, то есть события, связанные с биографией писателя, преимущественно со ссылкой и каторгой, которые стали переломными моментами в его жизни.

---

[1] Цирулев А. Ф. Проблема автобиографизма в трилогии Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 3. – С. 332.
[2] Карпов И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов). – М.: Флинта, 2017. – С. 52.
[3] Отдельно оговоримся, что мы сознательно употребляем тут термин «личность», дифференцируя его от терминов «человек» и «индивид», как того и требуют психология и философия. Под понятием личности традиционно, даже в школьных учебниках обществознания, понимается именно совокупность социальных установок, сформированных под влиянием окружения.
[4] Белов. С.В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Пособие для учителя / Под редакцией Д. С. Лихачева – Л.: Просвещение, 1979 – 240 с.
[5] Фридлендер Г. М., Коган Г. В. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. – С. 523-574.

Ф. М. Достоевский был арестован и осужден за участие в обществе петрашевцев: его приговорили к смертной казни, которую потом заменили каторгой, причем о смягчении приговора стало известно в последний момент. В итоге писатель провел четыре года на каторге в Омском остроге, а далее служил рядовым в Семипалатинске. За это время его мировоззрение в корне поменялось: если в 1849 г. он был арестован как сторонник социалистов, то в 1859 г. вернулся в Петербург уже приверженцем почвеннических взглядов.

Более подробно о своем каторжном опыте Ф. М. Достоевский рассказал в «Записках из Мертвого дома», которые по жанровой природе близки к мемуарной прозе. В «Преступлении и наказании» же указанный опыт отражается при описании главного героя, особенно – переломных моментов его жизни (хотя добавим, что у героев Достоевского эти моменты происходят постоянно, ибо герои часто оказываются в пограничных ситуациях, практически на грани: то нервного срыва, то судьбоносных решений). Например, Раскольников постоянно размышляет о том, как чувствуют себя приговоренные к смертной казни, его размышления предельно точны: «Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге»[6]. Или вот, например, описание его чувства: «Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая, того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение»[7]. Особое внимание заслуживает Евангелие, из которого Соня читала Родиону о воскресении Лазаря и которое находилось у героя под подушкой во время его духовного возрождения на каторге: «На комоде лежала какая-то книга. Он каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете»[8]. Ученые отмечают: «Достоевский описывает экземпляр Евангелия, который был подарен ему в 1850 г. в Тобольске на пересыльном дворе женами декабристов А. Г. Муравьевой, П. Е. Анненковой и Н. Д. Фонвизиной»[9].

Наиболее автобиографичными оказываются картины ссылки и каторги. Свои четыре года писатель провел в Омском остроге на берегу Иртыша, считаясь ссыльнокаторжным второго разряда, обязанным работать в крепостях. В этом же месте отбывает свое наказание главный герой романа, его тоже отнесли ко второму разряду. Достоевский работал вместе с осужденными по уголовным статьям, которые презирали дворян, осужденных по политическим мотивам[10]. Раскольникова тоже не любили: «Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее»[11]. На каторге Раскольников, как и когда-то Достоевский, переживает крах своей теории и последующее нравственное возрождение.

К группе собственно биографических фактов относится описание М. Д. Исаевой, первой жены писателя, в женских образах Катерины Ивановны Мармеладовой и Марфы Петровны Свидригайловой, на которое указывают С. В. Белов в комментариях к роману и М. С. Альтман в работе «Достоевский По вехам имен»[12].

Вторая группа фактов, отраженная в романе, связана с общественными и политическими событиями, наблюдаемыми писателем. Данные события легли в основу сюжетных линий. Ученые, например, считают, что Достоевский обратил внимание на процесс Герасима Чистова, происходивший в Москве в 1865 г: «В августе 1865 г. в Москве происходил военно-полевой суд над приказчиком, купеческим сыном Герасимом Чистовым, 27 лет, раскольником по вероисповеданию. Преступник обвинялся в предумышленном убийстве в Москве в январе 1865 г. двух старух — кухарки и прачки — с целью ограбления их хозяйки. Преступление было совершено между 7 и 9 часами вечера. Убитые были найдены сыном хозяйки квартиры, мещанки Дубровиной, в разных комнатах в лужах крови. В квартире были разбросаны вещи, вынутые из окованного железом сундука, откуда были похищены деньги, серебряные и золотые вещи. Как сообщала петербургская газета, старухи были убиты порознь, в разных комнатах и без сопротивления с их стороны одним и тем же орудием — посредством нанесения многих ран, по-видимому, топором»[13].

Ещё одна сюжетная линия, связанная с Дуней и Свидригайловыми, также имела реальную параллель. Дуня, сестра Раскольникова, устроившись работать гувернанткой к Свидригайловым, вынуждена была терпеть от Свидригайлова разные «неучтивости»[14], а потом узнала, что он был влюблен в нее. Свидригайлов же, признавшись Дуне в своих чувствах, предлагал убежать вместе с ним. Девушка, в свою очередь, отказывалась, стыдила Свидригайлова, говорила, что он должен любить только Марфу Петровну, свою жену. Марфа Петровна же, подслушав в саду разговор Дуни и мужа, поняла всё превратно, обвинила девушку, ударила её, выбросила вещи в сад и выгнала. Дуня вернулась к матери в город, но случай получил огласку: Марфа Петровна рассказала об этом многим знакомым. К счастью, Свидригайлов сам сознался во всем и показал жене письмо, в котором Дуня

[6] Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Издательство АСТ. – С. 91.
[7] Там же. С. 226-227.
[8] Там же. С. 394.
[9] Фридлендер Г. М., Коган Г. В. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. – С. 567.
[10] Там же. С. 574.
[11] Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Издательство АСТ. – С. 664.
[12] См. Альтман. М. С. Достоевский. По вехам имен – Издательство Саратовского университета, 1975 – 280 с.
[13] Фридлендер Г. М., Коган Г. В. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. – С. 533.
[14] Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Издательство АСТ. – С. 39.

укоряла его, говорила, что он неучтив к жене, что поведение его неблагородно. На схожую историю, описанную в журнале Достоевских «Время», указывают Г. М. Фридлендер и Г. В. Коган: «Гувернантка, проживавшая в семье более шести лет, спасаясь от преследований помещика, выскочила в окно, спрятавшись в засаду. Когда она потом вышла из засады, то увидела все свои пожитки выброшенными во дворе <...> Девушка приютилась у соседей, а благородное семейство, ею теперь оставленное, чтоб оправдать свой гнусный поступок, принялось поносить ее на весь околоток разными небылицами»[15].

Разные общественные и политические события, которые наблюдал Достоевский, получили отражение не только в сюжетных линиях, но и в размышлениях, речах героев. Достаточно только перечислить основные вопросы, о которых Достоевский, вероятнее всего, знал. В романе отражены, например: проблема ростовщичества (старуха-процентщица);[16] проблема женского труда, обострившаяся в XIX веке (вспомним слова Мармеладова «... много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?»)[17], социалистический вопрос и полемика с Чернышевским[18] (идея Лебезятникова устроить коммуну, многочисленные рассуждения Разумихина о социалистах) и др. Исследователи отмечают: «...в размышлениях Раскольникова и других героев «Преступления и наказания» мы все время встречаемся с отзвуками идей, обсуждавшихся в тогдашней печати, вызывавших в эпоху создания романа острую идеологическую борьбу»[19].

Третья группа фактов связана с антропонимикой романа, которой исследователи уделяют большое внимание. В своем произведении Ф. М. Достоевский не случайно давал героям те или иные имена фамилии и отчества. Антропонимы у Достоевского тщательно продуманы и всегда полны глубочайшего смысла, многие из них взяты из окружения писателя. Например, фамилия Гертруды Карловны Ресслих, квартирной хозяйки Свидригайлова, образована из фамилии кредиторши Достоевского Рейслер. В черновых записях к роману она фигурирует под своим действительным именем – Рейслер[20]. Детальное изучение антропонимов произведения может стать богатым материалом для отдельного подробного исследования.

К четвертой группе фактов относятся топонимы. Топонимия романа связана с Петербургом, и многие места, описанные в романе, Достоевский посещал сам: «Изображенный в романе район Петербурга (примыкающий к торговому центру города 1860-х годов — Сенной площади), где живут Раскольников и другие главные герои, был хорошо знаком Достоевскому по личным наблюдениям. В этой части Петербурга писатель жил дважды, в 1840-х и 1860-х годах. Как установлено Н. П. Анциферовым, Л. П. Гроссманом и последующими исследователями, район этот, прилегающие к нему улицы и переулки описаны Достоевским на страницах романа с исключительной, „физиологической" точностью. В тексте „Преступления и наказания" большинство называемых автором улиц обозначено сокращенно: «С-й (Столярный) переулок», «В-й (Вознесенский) проспект», «К-й (Конногвардейский) бульвар» и т.д., – но, взяв план тогдашнего Петербурга, сокращения эти легко расшифровать, и сравнение убеждает, что расположение и облик соответствующих домов и улиц, описанных в романе, вплоть до мельчайших деталей соответствуют их реальному местоположению и внешнему облику»[21]. Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, позже отметит в своих «Воспоминаниях», что дом на углу Столярного переулка и Малой Мещанской улицы, в котором жил автор во время создания «Преступления и наказания», сразу напомнил ей тот дом в романе, где обитал Раскольников[22]. Также главный герой говорит, что он живет в доме у Шиля. В одном из домов петербургского домовладельца Шиля, на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, Достоевский сам проживал в 1847-1849 годах. Собственно, здесь он был арестован по делу петрашевцев в 1849 г. и отсюда увезен в Петропавловскую крепость, а потом и на каторгу[23].

Таким образом, роман «Преступление и наказание» является во многом автобиографичным. В романе получили отражение факты биографии писателя, общественные события, свидетелем которых он был, имена знакомых людей, известные ему места, и каждая группа фактов важна по-своему. Анализ первых двух групп фактов: писательской биографии и социального подтекста романа – позволяет сделать вывод о том, что произведение стало откликом на многие актуальные проблемы того времени, причем откликом выстраданным, искренним. Более того, третья и четвертая группы фактов, антропонимика и топонимика, фактически «привязывают» роман к реалиям Петербурга – и становится понятно, что утверждение о Петербурге как о герое произведений Достоевского более чем справедливо. Петербург является не только местом действия, а практически одним из главных героев, ибо именно особенная атмосфера этого города отчасти и порождает все происходящие события. Наконец, детальный анализ авторологии «Преступления и наказания» помогает правильно расставить акценты при толковании произведения, а также дает широкие возможности для дальнейшего исследования, в том числе и топонимики в масштабах современного города.

---

[15] Фридлендер Г. М., Коган Г. В. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. – С. 557.

[16] Там же. С. 532.

[17] Там же. С. 556.

[18] Там же. С. 556.

[19] Там же. С. 536.

[20] Там же. С. 567.

[21] Там же. С. 532.

[22] Достоевская А. Г. Из «Воспоминаний». Знакомство с Достоевским. Замужество [Электронный ресурс].

[23] Фридлендер Г. М., Коган Г. В. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. – С. 563.

Максим ОРЛОВ
г. Братск, Иркутская обл.
Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

О книге Андрея Хромовских «Двойная жизнь»*

Не мной замечено, что самыми сложными оказываются внешне простые вопросы...

Кто такой «профессиональный писатель?» Тот, кто является членом какого-либо творческого союза? А может быть, тот, чьи тиражи исчисляются восьмизначными цифрами и имя его стало притчей во языцех? Или тот, кто способен часами испещрять бумагу в надежде потрясти читателя многостраничными повествованиями? Или обитатель Переделкино? Прочтение книги Андрея Хромовских «Двойная жизнь» позволяет выделить два основных качества, которые должны быть присущи настоящему писателю. Во-первых, он должен быть великолепным рассказчиком, во-вторых, прозаик должен владеть родным языком так же, как органист органом, владея всеми регистрами, педалями, октавами и субконтроктавами...

Только виртуозно владеющему инструментом (читай – языком) по силам написать повесть («Двойная жизнь»), действие которой происходит полтора века назад. И дело даже не в том, чтобы изучить и использовать языковые «регистры» того времени (всё это есть в повести: «конфекты», «теперича», «отсель», «галстух», «понтировать», «эвона как оно однако» и т.п.), но и филигранно отразить обстановку того времени, вплоть до бытовых мелочей. Забываешь, что автор повести – наш современник. При этом «Двойная жизнь» – произведение во многом сатирическое, со значительным вкраплением иронии. Вспоминаются и Грибоедов, и Гоголь, и Салтыков-Щедрин, и даже проза (!) Зинаиды Гиппиус... И это понятно – писатель творит не в «чистом поле», ему известны маркеры и затеси предшественников. Перед автором стояла более сложная задача – не свернуть на проторенную дорогу, идти своей, нехоженой тропкой. В этом произведении произошла синергетика таланта рассказчика и знатока «великаго русскаго языка». Автор настолько вжился в век девятнадцатый, что позволил себе не форсировать ход событий, смакуя своё (и наше!) пребывание в «том» времени; сумел не перегрузить повесть «конфектами» и «галстухами» – а это, на мой взгляд, не только показатель чувства меры, но и высокого профессионализма. Андрей Хромовских не чурается длинных предложений со сложным синтаксисом – порой кажется, что это и есть его родная языковая среда, и никакие отроги и ущелья пунктуации не заставят его свернуть на равнину простого изложения.

Рассказы и эссе, представленные в книге «Двойная жизнь», подчёркивают умение интересно, нетривиально, раскрыть фабулу произведений.

И вновь видишь работу со словом («сутолочь», «рдяная кайма», «сёгоды» и др.), произведение читаешь не отрываясь, несмотря на сравнительно простые сюжеты – это ли не показатель писательского мастерства?

Рассказы близки не только ровесникам автора (которым не нужно объяснять, что такое «Агдам», «Шипр», «Восход»), но и широкому кругу читателей, потому что широк круг вещей, о которых повествует и размышляет автор: вера и атеизм (рассказ «Атеист»), ностальгия («Оборотная сторона метафизики»), обаяние внезапного знакомства («За столиком у окна»), противопоставление духовного и материального (точнее – поэзии и сала, «Петрович и поэзия»). Рассказ «Рецензент» – это ещё одно подтверждение того, что Хромовских – «свояк» в литературе, так тонко и со знанием дела показан рецензент, что этот рассказ может конкурировать с рассказами Ю. Полякова на эту же тему.

А рассказ «Яблоко» открывает нам писателя-пейзажиста. Судите сами, цитирую:

«Полуденные лучи солнца едва проникают в сад сквозь густые, высоко вверху сомкнувшиеся кроны деревьев, образуя столбы рассеянного света; редкие полянки щедро залиты им, и приходится даже щуриться, но вот он входит в напитанный душными ароматами влажный сумрак и долго идёт едва заметной в траве тропинкой до следующей солнечной поляны… Другое дерево походит на тополь, но его листья мельче, светлее по окрасу. Плодов на дереве больше, чем хвоинок на ёлке: до самой вершины оно покрыто крупными маслянистыми ягодами, похожими на виноград, но крупнее раза в четыре; они налезают одна на другую, предлагая: подойди, сорви, попробуй на вкус!.. Вот исполинский куст боярышника, увешанный непонятно чем, кажется, ягодами с арбуз средних размеров; алые, с бугристыми коричневыми продольными полосками, они легко, безвесно раскачиваются, тускло мерцают внутренним, нелампадным светом, и этот потусторонний свет настораживает его, заставляет, ускорив шаги, пройти мимо – к следующему дереву. Его узнать нетрудно – это обыкновенная осина, но с кистями мелких чёрных ягод, очевидно несъедобных. Рядом с ней ровными рядами, ветвями вверх, словно эвкалипты, растут кусты смородины».

Большинство произведений книги предвосхищают эпиграфы – прозаику нужна точка опоры, чтобы оттолкнуться от брега бытия в бушующее море повествования... Спорным, на мой взгляд, является указание жанровой принадлежности произведений, но это, в конце концов, – дело самого автора.

Читатель! Книга Андрея Хромовских «Две жизни» – это не чтиво, это – Литература, которая требует и от читателя не беглого взгляда по диагонали или пагубного знания навыков скорочтения, а душевного труда – прочтения в полном смысле этого слова. Но этот труд будет сторицей вознаграждён...

---

* Хромовских А. А., «Двойная жизнь: повесть». 24.06.2019. Раздел: Книги, изданные ИДЛ по решению Издательского совета.
Член Союза писателей России Андрей Хромовских пишет стихи и прозу. Двойная жизнь: повесть / А. А. Хромовских. — Иркутск: [б.и.], 2019 (Тип. «Форвард»). — 224 с.

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

Журналист, переводчик, поэт, краевед. Автор десяти книг.
Серебряный призёр в номинации «Публицистика» на международном конкурсе «Русский стиль-2009» (Германия). Лауреат международного конкурса «Приключение приходит само: Мир без насилия и войны» (Польша, 2011). Сборник статей «Гуттаперчевое небо» включён в шорт-лист международного литературного конкурса «Лучшая книга 2010» (Германия), а книга «Час возмущения воды» – в шорт-лист (6-е место) конкурса «Лучшая книга 2011». Серебряный призёр конкурса «Как живёшь, почтенный человек?», организованного уполномоченным по правам человека Тверской области (2014). Статьи печатались в тверских городских и областных газетах, в журналах «Русская провинция», «Тверца», «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «The Journal of Slavic Military Studies» (США, в переводе редакции на английский язык), «Сетевая словесность» (Санкт-Петербург), «MuZa» (Москва), «Адвокатская палата» (Москва), «Великороссъ» (Москва), в альманахе «Русский стиль-2009» (Германия), в сборнике СП РФ «Тверь». Член жюри международного поэтического конкурса «Согласование времен» (Германия, 2012).
Обладатель памятной медали Министерства обороны РФ за участие в конкурсе «Герои Великой Победы» 2016.

Талант памяти

Последняя четверть XX века обогатила литературу для подростков новыми талантливыми именами. Актёр, сценарист и режиссёр Валерий Приёмыхов («Пацаны», «Князь Удача Андреевич»), киносценарист Юрий Коротков («Авария – дочь мента», «Я летаю во сне, ты летаешь во сне...»), кинорежиссёр Владислав Романов («Маленькая ночная серенада»)...

«В начале было Слово» и для художника Игоря Обросова (1930-2010). Впервые приехав на родину матери, акварелиста Татьяны Серовой из деревни Большое Рашино Молоковского района Тверской области, Игорь Павлович расчувствовался не только от экзотического разноцветья. Во время войны мать, хирург в госпитале, спасла немало чужих жизней. Спасла и жизнь самого Игоря, младшего из шести своих сыновей: одиннадцатилетний мальчишка вынужден был жить при матери, питаясь картошкой с выделенных семье трёх соток земли. Отец мальчика – легенда советской медицины Павел Николаевич Обросов, инициатор создания медицинского факультета в Иркутском университете, руководитель кафедры оперативной хирургии Омского университета, создатель первого сибирского курорта Белокуриха, а позднее директор и профессор Института скорой помощи имени Склифосовского. В 1937 году он был арестован на глазах впечатлительного ребёнка, по обвинению «в провокаторской деятельности» (? – Т.М.). В марте 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. В тот же день приговор был приведён в исполнение на полигоне «Коммунарка», одной из трёх (плюс Донской монастырь и Бутовский полигон) «особых зон» НКВД, известной нам как место расстрела прозаиков Бориса Пильняка («Повесть непогашенной луны»), Артёма Весёлого («Россия, кровью умытая») и Бруно Ясенского («Заговор равнодушных»), а также политических деятелей Алексея Рыкова и Николая Бухарина.

Игорь Павлович Обросов. 1960-е годы

В 1955 году отец был реабилитирован, но Игорю к тому времени исполнилось уже 22 года, и детские впечатления навсегда стали частью его многолетнего творчества. 2020-й год – год 90-летия со дня рождения и 10-летия со дня смерти художника.

«Повесть о белой лошади, о голубых озёрах льна и ласточках-береговушках» – самая известная в прозе Игоря Обросова. Хотя есть и рассказы – большей частью личные переживания и ощущения, которыми каждому пишущему человеку иногда так хочется поделиться с другими.

«Всё было такое же, как и прошлым летом, и река ласковая, неширокая, и курганы, протянувшиеся грядой, поросшие кустами брусничника, и берег, усыпанный гнёздами ласточек-береговушек, и те же избы да сараи деревни Большое Рашино, раскинувшейся да разбежавшейся по высокому косогору среди озёр голубого льна вниз к реке Могоче. Девочка приехала из большого столичного города, и ей не терпелось поскорее увидеть свои любимые места. Места, с которыми она так свыклась прошлым летом».

Героиня повести с её узнаваемыми географическими реалиями – впечатлительный ребёнок, страдающий от жестокости... кошки по отношению к ласточкам, местного пьяницы по отношению к лошади. Ребёнок гибнет, самоотверженно, по-взрослому спасая из болота прекрасную, верную, вольнолюбивую лошадь. И это редкая возможность поговорить с её ровесниками, «что такое хорошо и что такое плохо» в нашем взрослом и, казалось бы, таком разумном мире.

Во всём, за что брался Игорь Павлович Обросов, он поднимался до максимума своих возможностей. Живописец и педагог, в 1954 году окончивший Московское высшее художественно-промышленное училище. С 1983 года – Народный художник РСФСР. Далее – секретарь правления

Союза художников СССР. Заведующий кафедрой монументально-декоративного искусства в родной «Строгановке» (МГХПУ им. С. Г. Строганова). Действительный член Российской Академии Художеств, позднее – член президиума РАХ.

Короткая «оттепель» конца 1950-х годов ввела в советскую живопись вместо обильных портретов Сталина улыбающихся на солнце мальчишек, ощущение весны, этюдность и артистическую свободу. Ощущение силы, но уже совмещённой с высокой ответственностью, коллективизмом и усталостью, труд как покорение природы и чувство собственного достоинства «моделей» характерны и для так называемого «сурового стиля», пришедшего на смену «оттепели», – этакого антидвижения по отношению к официозу, стиля, ярким представителем которого стал на рубеже 1950-1960-х гг. и Игорь Обросов.

Виктор Попков (писал строителей канала Волго-Балт – заключённых), Павел Никонов (ходил рабочим с геологической партией по Саянам, и ему ли не знать тяжелейших условий труда такой, казалось бы, романтической профессии!), Михаил Савицкий, Таир Салахов... Художников «сурового стиля» объединяла попытка использования живописного опыта советских мастеров 1920-1930-х годов и итальянского неореализма (в том числе и в кино), отторжение заполонивших советскую живопись мещанских сюжетов. Драматизм, переданный лаконичными живописными средствами. Экспозиционное новаторство: работы репрессированных художников на выставке «30-летие МОСХа» в Манеже, например, встречали зрителя буквально на входе – там, где традиционно размещались полотна академиков.

Важной сквозной темой творчества Игоря Обросова стали репрессии 1930-х годов. События той ночи, когда уводили отца, ложились в основу многих работ художника, начиная уже с 1960-х годов. Триптих «Посвящение отцу» (1986—1988) принёс автору Государственную премию СССР за 1989 год. Но так называемый антисталинский цикл обогащался и дальше. Способствовали этому и рассказы старшего брата, Андрея. Пока остальные братья воевали, 23-летний Андрей, простой рабочий, был отправлен в ГУЛАГ – «за участие в террористической организации, ставящей целью убийство товарища Сталина и свержение существующего строя». Пятнадцать лет лагерей. Итог – полтысячи страниц воспоминаний «Закон – тайга», изданных, как и другая литература такого рода, много позже.

Теме репрессий художник, прекрасный пейзажист и автор портретов советской творческой интеллигенции (Белла Ахмадулина, Василий Шукшин), остался верен до конца своей жизни. Последняя прижизненная персональная выставка Игоря Обросова «Трагическое прошлое (Жертвы Сталинских репрессий)» состоялась в 2008 году при участии Правительства Москвы и Государственного музея истории ГУЛАГа.

Деятельный, как и отец, Игорь Павлович не оставил тверскую родину матери. Строил церковь, колодцы, художественные школы. Оснастил компьютерами общеобразовательную школу, в школьном музее помог оформить уголок Солженицына, подарил школе немалое количество книг этого первооткрывателя темы ГУЛАГа. В 2000 году Игорь Обросов был удостоен Государственной премии Российской Федерации за цикл живописных произведений «Прощание с деревней». И всегда оставался художником «сурового стиля» – с вниманием к болевым точкам истории страны и предпочтением к выразительнейшим чёрному и белому цвету.

«Жертвы ГУЛАГа»

Привал на поэтической тропе……

Александр ГОРШЕНКОВ
г. Яхрома, Московская обл.
Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов и книги прозы.

В мерцании электрума

У известной тверской поэтессы Татьяны Михайловой вышла в свет новая книга (Электрум: стихи. Санкт-Петербург. «Р-КОПИ», 2019). Задаёт ей лейтмотив первое стихотворение с таким четверостишием:

Мы живём между явью и снами, улыбкой и строчкой,
Между солнцем и ливнем, и вид наш небрежен и строг.
Погубить нас способно лишь мелкое счастье с отсрочкой.
Не любить нас грешно, а любить... да поможет вам Бог!

То есть автор делает собой заявку как на ироничную современницу, с лёгкой улыбкой глядящую и на несовершенства окружающих людей и свинцового быта, и на собственные подступающие порой слёзы. А сам Бог, который призван нам помочь, у неё, по Павлу Флоренскому, «мыслит вещами». Стихи у Михайловой очень, если можно так выразиться, вещны, даже тяжеловесны порой от обилия в них примет нашего зримого и грубого мира. Здесь и «просёлочных дорог причудливая вязь», и упоминание телевизора с его «бригадами» и «монголами», и хор пенсионеров, поющий «о тёплом запахе земли», и воспоминания о прошлом, и полемические стихи о временах Великой Отечественной. Несмотря на всё это многообразие, книга отлично выстроена, поделена на рубрики, это не просто единая вязкая каша стихотворений, как у иных стихотворцев в их книжках. Рубрика «Ключи под ковриком» – и стихи в ней камерные: о художниках, инвалиде, простуде; спектакли, актёры, сын... «Отцы ваших отцов» – конечно, историческая рубрика – слова о митрополите Филиппе, о том, как пришлось когда-то читать лекцию о Левитане в мужской колонии, о польском кладбище в Медном, о ветеранах. Только о ветеранах, конечно, как всё у Михайловой, сказывается и в стихах критик и публицист! – не нечто казённое и гладкое, а полемичное. Ведь ветераны, конечно, тоже бывали разными, и кто-то боролся не столько с внешним врагом, сколько с «врагами народа». Поэтому и обращается к ним Татьяна Михайлова так:

Песчинка малая народа,
Я (грохот той войны не стих)
во всех вас уважаю годы,
Но выборочно – вас самих.

Хотя, конечно, вопрос очень спорный. Ведь в каждой армии необходима бывает война и с предательством, с пятой колонной в собственных рядах, необходимы органы контрразведки. В НКВД могли быть и честные люди, даже и честно заблуждавшиеся в чём-то. А разве не внутренними врагами оказались Ельцин, Чубайс и будущие олигархи, переводящие общее достояние и плоды нашей победы в личные яхты, дворцы и самолёты. Впрочем, куда-то мы отошли от стихов не туда, это так, к слову.

Колючие, часто трагические стихи в цикле «Рубашки из крапивы». Это и первое стихотворение рубрики – «Вместе строили планы... Смешные, мы строили планы...», и «Дмитрию Казарину», и «Нет, Каблукову я не подошла...», и «Копать могилу в дождь непросто и бывалым...», да и все остальные здесь. Но Михайлова не боится противостоять тому, что кажется ей неприемлемым. «И встать перед глазастою толпой // И, как ожог, принять клеймо поэта».

Следующая рубрика, подводящая итог всей книге, более интегральна и примиряюща, недаром она называется «Ладони». Поэт устаёт грозить миру кулаком и протягивает ему навстречу открытые ладони. Это стихи хорошим людям доктору Ефимову-младшему и Галине Черезовой, «Читая Галину Безрукову» и «Одноклассники», «Две матери».

Татьяна Михайлова по-прежнему любит кольцевые рифмы, отчего четверостишие кажется более ёмким и замкнутым, самоуглублённым, редко – признак вкуса! – употребляет рифмы глагольные, чем так грешат иные поэты, даже не вовсе бездарные. Её стихи при этом не простые, какие-то фрагменты надо отложить в сторону, перечитать. Вот я не знал, что такое электрум, как называется её книга, но посмотрел в интернете и узнал. Оказывается, это минерал с золотыми и серебряными вкраплениями. Так и стихи Татьяны Михайловой – сотканы из почвы и прозы быта с золотыми и серебряными вспышками ярких строк и образов.

Александр БАЛТИН
г. Москва
Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Музыка женских строф

Речитативы Ксении Некрасовой

Причитания, тонкий и острый ток слов Ксении Некрасовой – слов, идущих даже не из сердца, а от сердца сердца: из такой глубины познания себя, что дух захватывает у читающего:

А я встала нынче
на рассвете...
Глянула –
А дом попался в сети
Из зелёных черенков и почек
И из тонких,
Словно тина, веток.
Обошла я все дома в квартале –
Город весь в тенётах трепетал.
Спрашивала я прохожих –
Где же пряхи,
Что сплетали сети?
На меня глядели с удивленьем
И в ответ таращили глаза.
Вы скворцов
Доверчивей все, люди! –
Думаете, это листья?
Просто яблони
И просто груши?..

Есть нечто детское в великолепном словесном «захлёбе», но ведь если поэт не сохранил ноты детскости в душе, какой же он поэт?

В лучшем случае изрядно освоивший суммы приёмов ремесленник.

Роща непременно босонога, если стоит весна, но чтобы увидеть это – нужна особая детская оптика счастья: и тогда ясно станет, зачем роща всплеснула руками: чтобы разогнать из гнёзд грачей.

Вот они чёрными метинами живого смысла взмывают в воздух, переполняя его собою; а вот и она – весна: вечная и проходящая, приходящая порою ко всем поэтам, коими жив язык – когда не иллюзия это: самих поэтов, но как же проверить?

Суммы истин тяжелы, как свинец, но без иллюзий была бы не жизнь, а клякса.

И ткутся пышные, как узбекские ковры, плетутся тонко, захлёбываются речитативом, звучат, живут прекрасные стихи Ксении Некрасовой:

И стоит под клёнами скамейка,
на скамье, небес не замечая,
юноша, как тонкий дождик,
пальцы милой женщины руками,
словно струны, тихо задевает.

Простые, как счастье, сложные, как струны духа...

Цветы и звёзды Беллы Ахмадулиной

Лепестки раскрываются, и каждый заключает в себе алхимическую тайну стиха, внешнее воплощение которой играет строгой и щедрой красотой.

Великолепие ахмадулинских корневых рифм тонко подчёркивает богатые возможности существительных, на которых и держится речь:

Так щедро август звёзды расточал.
Он так бездумно приступал к владенью,
и обращались лица ростовчан
и всех южан – навстречу их паденью.

Цветы или звёзды организуют могучее строение стихов?

И то, и то, вероятно, ибо у них много общего – недаром астры срываются к нам со звёздных высот.

Поэзия Ахмадулиной – поэзия благодарности: за избыточность дара жизни, оправдывающего все невзгоды и неудачи с лихвою; за наличие судьбы – у каждого своей, причудливо огранённой, индивидуальной:

Я добрую благодарю судьбу.
Так падали мне на плечи созвездья,
как падают в заброшенном саду
сирени неопрятные соцветья.

Есть, вероятно, вещество поэзии: есть оно – неисследованное, очевидное, странное, роскошное; разлито в воздухе, сам эфир несёт его на лучащихся крыльях, нужно только почувствовать, не говоря услышать его замечательное звучание...

Казалось, самой поэтессой владел детский, не уходящий по мере врастания в жизнь восторг от возможности писать стихи: солнечный дождь хлестал, и радостный, золотистый ветер приносил новые и новые образы.

В поэзии Ахмадулиной залегала богатая жила всеприемства, осознание реальности через много призм:

О боль, ты – мудрость. Суть решений
перед тобою так мелка,
и осеняет тёмный гений
глаз захворавшего зверька.

Именно так – через многие ступени, кажущиеся неодолимыми, достигаются вершины: в том числе и духовных лестниц.

(Духовность поэзии – помимо всего прочего – вытекает ещё и из ненужности её в реальности: такой материально конкретной, столь туго закрученной вокруг товарно-денежной оси.)

Падают яблоки – в том числе драгоценных моментов бытия; зигзагами чертят воздух стрекозы; печальный Гамлет садится в кресло на дачной веранде и глядит в стремительные глаза поэтессы, слушающей бездны эфира.

Всё сходится в одной точке – а сумма оных определяет реальность – и запредельность, впрочем, – какие если и возможно истолковать, то только благодаря парусам стиха, надуваемого ветром судьбы.

Ритмы радости в поэзии Риммы Казаковой

Она была популярна так, как ныне (и, вероятно, уже никогда) поэты не бывают; она была известна, как сейчас – не заслуживающие никакой известности представители шоу-бизнеса...

Она вибрировала вербеной на ветру, читая со сцены, выступая по телевизору или радио; и стихи её вспыхивали великолепными огненными веточками незримого всемирного древа поэзии: вспыхивали, освещая души многим...

Волшебными лентами неслись, мерцали, разлетались её стихи, и памяти многих сохраняли и целиком их, и наиболее впечатляющие фрагменты...

Римма Казакова была по-хорошему наивной: той детской, чистой наивностью, оставить в сердце незамутнённой которую могут только очень светлые люди: люди, призванные светить другим: пусть стихами, какие ныне сведены по значимости (вернее, отсутствию оной) к филателии или аквариумистике.

А что?

И то, и то – хобби.

То, что стихи могут быть жизнью, могут наполнять жизнь солнцем, корректируя многое, что, увы, нельзя совсем исключить, в теперешних товарно-денежных отношениях не подразумевается.

Римма Казакова зажигала простые и ясные маленькие солнышки строк:

Будет дальняя дорога,
то в рассвет, а то в закат.
Будет давняя тревога –
и по картам, и без карт.

Юность, парусник счастливый,
не простившись до конца,
то в приливы, то в отливы
тянет зрелые сердца.

Парусник плывёт по воде и вместе – качается над бездной, как маятник вечности, чей счёт подлинности мы не узнаем никогда.

Парусники Риммы Казаковой всегда двигались согласно ветру надежды: именно такой надувал их подлинные поэтические паруса.

Ничего поддельного – всё на разрыв, и... только бы аорта выдержала.

Её – выдерживала; и тугие ритмы крови диктовали тугие и крепкие, радостью согретые и горем прошитые (как же без него?) стихи...

Поляна, речка, лес сосновый
и очертания села.
Я по земле ступаю новой.
Я никогда здесь не была.

Россия-мать! По-свойски строги,
размытым трактом семеня,
мы все клянем твои дороги,
кого-то третьего виня.

Но, выйдя к деревеньке ближней,
просёлочную грязь гребя,
вдруг понимаем: третий – лишний!
И всё берём мы на себя...

О! умение брать на себя... не всё, но хоть что-то дорогого стоит: ибо поиск виноватого окрест продолжается всегда, выплёскиваясь за грани времён...

И нежность, и трепет дивный – такой перебегает по коже играющего жеребёнка – присущи стихам Казаковой о России, что столь же естественно, сколь и вызвало бы насмешку – у нынешних представителей литературной тусовки: мол, любить-то надо тех, кто гранты даёт, что уж там Россию...

Электричеством чуда, укреплённого страданием, звучат стихи Риммы Фёдоровны о любви:

Постарею, побелею,
как земля зимой.
Я тобой переболею,
ненаглядный мой.
Я тобой перетоскую, –
переворошу,
по тебе перетолкую,
что в себе ношу.

Вибрирует женская струна, и – вдруг кажется – вспыхивают такие дебри космоса, пронизанного любовью, – вспыхивают так, что дух захватывает от чтения стихов.

Как редко бывает сегодня.

Как бывает почти всегда, когда перечитываешь Р. Казакову.

Солнечная поэзия Татьяны Бек

Страшное это ощущение: не пишется; тёмное, непонятное самому поэту, бьющее его изнутри током отчаяния...

Но Татьяна Бек была солнечным человеком, и даже начав стихотворение именно так:

А мне не пишется, не пишется,
Как ни стараться, как ни пыжиться,
Как пот со лба ни утирать...

Она завершит строфу праздничной красотою поэтического искусства, согретого солнцем:

Орехов нет в моём орешнике,
Весь день молчат мои скворешники,
Белым-бела моя тетрадь.

Разговорно-доверительная интонация была характерна для Бек: ибо, используя её, можно скорее быть услышанным, не говоря, понятым: а как бы хотелось этого любому поэту!

Но – разговорная интонации требует часто собеседников высоких: пусть таковыми станут космос, Гамлет, деревья, вехи собственного пути...

Они – таковые собеседники – просматриваются, угадываются, пусть не означены, за многими стихотворениями Бек – будь то блестяще выписанный портрет предка:

А мой недальний предок –
Седой военный врач –
Был в разговорах едок
И, видимо, горяч.

Или человеческий пейзаж аэропорта:

Ничего из этого не выйдет,
Разве что беда произойдёт.

В зале ропот – отложили вылет,
Радио пургу передаёт.

Татьяна Бек говорит легко – стихи не требуют напряжения, ибо идут из солнечных бездн светлой души светлого человека, но сколько ажурного, чудесного воздуха мерцает за бесхитростными – вроде бы – стихами её!

Сколько радости... даже в горе!

Словно и не умерла поэтесса – а растворилась в игре такого высокого света, от которого, хочется верить, и получала свои стихи...

Соль Светланы Кузнецовой

Русь, глушь, глухомань...

Есть в крепости этих недр нечто потаённое, заповедное, сокровенное, связанное с такими тайнами природы – и природы человека – что ложится только на стихи, растворяется в звуке, укреплённом смыслом:

Над Саянами солнце проснуться готово.
Заревая туманится рань.
Кто придумал такое удачное слово,
Кто тебя окрестил, глухомань?
Глушь манит...
Значит, бьётся в озёрные чаши
Ветровой налетающий хмель,
Значит, снова встречают смолистые чащи
Открывателей новых земель.

У Светланы Кузнецовой были очень крепкие, точно просмолённые, слова: крупные, как хорошо обкатанная водой галька – только водою служила жизнь, её опыт, постепенное нарастание годов.

Светлана Кузнецова услышала первый звук, или гул, своих стихов рано: в девять лет, и писала их: вернее – выплёскивала себя, свою суть, сначала на бумагу, а потом в пространство – до последнего часа...

Она жила стихом, его дыханием, его светозарной силой, и, казалось, была не очень от мира сего, где ярость литературной борьбы, зависти, вражды затмевает так часто само литературное творчество: главное дело жизни поэта.

Спящий город сутулится,
Видит странные сны.
Перечеркнуты улицы
Зорким взглядом луны.
Подытожена с вечера
Дня обычного жизнь.
Бредя сказками вечными,
Гасят свет этажи.

Тихо, плавно, спокойно; а слова поставлены так тесно, что никакой критический нож не всунуть...

Вечные сказки жизни ткутся за окошками, в которых загорается вечерний свет; и сказки эти столь же знакомы, сколь необходимы: более того, они – жизнь сама.

...Простое счастье песни подлинному поэту достаточно, ибо выше оного счастья сложно нечто предположить; просто возможность дойти до звука собственной песни и – раствориться в нём, оставив себя согражданам, соплеменникам, людям:

Смеркается. Путь запорошен.
Сверкают снежинки на льду.
Одна я до песни хорошей,
До звонкого счастья дойду!

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Михаил СМИРНОВ

г. Салават, Республика Башкортостан

Член товарищества детских и юношеских писателей России, Международного творческого объединения детских авторов. Публиковался в СМИ Респ. Башкортостан, московских изданиях, Интернет-изданиях и мн. др. Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil – 2010», международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, международной премии «Филантроп» 2016 год и др. Обладатель Знака особого отличия «Серебряное перо Руси», звания «Серебряное перо Руси», награждён медалью «Русский STIL», медалью им. Ф. М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью им. Льва Николаевича Толстого «За воспитание, обучение, просвещение». Автор 6 книг малой прозы (одна – в соавторстве с Сергеем Малашко). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (в номинации художественной прозы, 2019). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Живи, брат

Рассказ

Ночь. Тьма за окном. Кромешная тьма, тяжёлая. Грузом неподъёмным давит. Мысли медленные, тягучие, как сама ночь. Долгая она, нескончаемая. И ждёшь рассвет не как начало нового дня, а как освобождение от всего наносного, от этих мыслей ненужных, которые всю ночь в голове ворочаются и в стопки укладываются. Хорошие мысли в одну стопку, а плохие – в другую. А стопка с тяжёлыми мыслями всё больше разрастается, с каждым днём увеличивается, и будет ли конец этим мыслям – неизвестно...

– Привет, Славик, – сказал я, услышав голос брата. – Как дела? Чем занимаешься?

– А, привет, Мишка, – хрипловато заскрипел брат, и показалось, он нахмурился от бесконечных, но одинаковых и надоевших вопросов. – А чем мне заниматься? Вроде сплю, но в то же время не спится. Иван приедет, сделает уколы на ночь, а чуть погодя очнусь и снова на стенку лезу. Мучаюсь до утра, места себе не нахожу. Устал я, брат. А с другой стороны, жить бы ещё и жить, если подумать, но впереди дорога под уклон и билет в один конец. И с каждым днём дорога становится короче. Скорее бы отмучиться...

– Живи, брат, – немного помолчав, сказал ему. – Живи, сколько свыше отпущено. Любым путём держись. Не опускай руки. Отвлекайся. Если сляжешь, потом не поднимешься...

– Я устал жить... – опять повторил брат, кашлянул, и было слышно, как застонал, а потом не сдержался и чертыхнулся. – У меня повсюду метастазы. Грызут меня, спасу нет. Иван к себе звал, когда моя Маша умерла, а куда я пойду. Сам не сплю и другим не дам, а Ивану на работу. Он, бедняга, и так со мной замучился. На дню по десять раз приезжает, как говорится. Ай, да что говорить! Сам же видишь...

– Вижу, брат, но живи, – опять я повторил. – Ты должен жить...

Ночь за окном. Вроде тьма, но в то же время, если посмотреть, среди этой темноты повсюду светятся окна в квартирах. И за каждым окошком идёт своя жизнь. Одни вернулись с улицы. Это, скорее всего, молодёжь. А родители ждут их, прислушиваясь к каждому звуку в подъезде. Так всегда бывает. Это жизнь. Другие с работы возвращаются. Вторая смена закончилась. Пока доберёшься на трамвае или на автобусе до города, а потом ещё тащись на другой конец, если далеко живёшь, вот и получается, много времени тратится на дорогу до дома. И вздыхаешь облегчённо, когда открыл дверь и зашёл в квартиру, а там тепло, чем-то вкусным потянуло с кухни, но главное – тебя ждут, когда вернёшься с работы, и видно по глазам, что радуются, что наконец-то ты вернулся. Ожидание бывает всяким – радостным, волнующим, долгожданным, и что-то хорошее должно произойти, но бывает ожидание тяжёлым, когда день вечностью кажется, когда время тянется так медленно, что, казалось бы, конца и края ему не видно – этому ожиданию. Но в то же время, оно мчится с огромной скоростью, и понимаешь, что бесполезно стоять на его пути, хотя ты готов пойти на всё, лишь бы отдалить этот конец, а ещё лучше, чтобы беда мимо твоей семьи прошла, чтобы все были живы и здоровы, но, к сожалению, ничего не изменишь в этой жизни...

– Привет, брат! Как дела? – сказал я, взглянув в тёмное окно. – Опять не спишь? Иван давно уехал? Я тоже не сплю. Стою возле окна. Смотрю, повсюду окна светятся и по улице люди рекой текут. И не скажешь, что ночь на дворе, – и повторил: – А ты снова не спишь?

– А, здоров, Мишка, – медленно, скрипуче сказал Славик. – Да какой сон? Уколы не снимают боль, а лишь притупляют её, словно зубы ноют и ноют постоянно. Глаза закрою и лежу. Очнусь, вроде спал, а на часы взгляну, всего ничего дремал. Устал я, брат. Болит всё. Боюсь лишний раз пошевелиться. А тебе чего не спится, брат?

– Сам знаешь, что я уже который год мучаюсь бессонницей. Как заболел, с той поры не спится. Два-три часа если подремлю – это уже очень хорошо, бывает меньше часа, а остальное время лежу, мысли перебираю, по полочкам раскладываю. Или в окно смотрю. Слушаю ночь, а летом бывало, по звукам определяю, куда рыбаки отправились рыбачить – к мосту или на Красные берега, – и повторил: – Я привык к такой жизни, брат. Понимаю, что тебе тяжело, но ты должен терпеть... –

помолчав, сказал ему, хотя понимал, что все мои советы – это пустые слова и не более того, но нужно было их говорить и непонятно для кого – для брата или собственного успокоения. – Терпи, Славка...

– У всех людей терпение заканчивается и у меня – тоже, – не сказал, а выдохнул Славик. – Врачи обещали, что проживу не более двух-трёх месяцев, а я уж сколько времени мучаюсь и других мучаю. Видать, грехи не отпускают. За это время, как заболел, старший брат умер, мою Марь Иванну схоронили, а я продолжаю мучиться на этом свете. За что такое наказание, брат? – и снова не сказал, а выдохнул: – Не выдержу, остановлю сердце. Меня учили этому...

Сказал, и в трубку было слышно, как он, едва сдерживаясь, застонал, а потом снова зачертыхался. Видать, пытался повернуться на бок или подняться с дивана.

– Я тоже знаю, как это делается, но тебе нужно терпеть, – чуть помедлив, я сказал. – Это большой грех.

Я говорил брату, а самому казалось, что всё это пустые слова, ничего не значащие. Терпи, обязан, должен... Сколько ни повторяй, а легче от них не станет. Это брату приходится терпеть. Он прекрасно знает, что ему осталось жить на белом свете всего ничего. Другой бы сломался, руки опустил и всё – нет человека, а брат головой бьётся из-за нескончаемых изводящих болей, зубами скрипит, под корень стёр их и терпит. Все стараются поддерживать его, хотя даже на мгновение представить не могут, во что обходится брату каждая минутка жизни, каким мерилом можно измерить его терпение и ту боль, которую он испытывает – этого никто не знает. Знает лишь он – брат...

– Плохо мне, Мишка, – опять выдохнул брат и повторил. – Хоть на стенку лезь из-за этой боли. Остановлю сердце. Знаю, что грех, но уже силы не осталось. Устал я, брат...

– Не бери грех на душу, – сказал я. – На твоём Иване отразится.

– Видать, предел моему терпению пришёл, — проскрипел брат, помолчал и опять повторил. – Я устал. Ты должен меня понять...

Сказал, и было слышно, как заскрипел остатками зубов.

– Понимаю... Но терпи, Славка, – опять я повторил эти ничего не значащие слова, как мне казалось. Ведь брат же прекрасно сам всё видит и понимает, а все поголовно твердят: терпи, обязан, должен, а сами даже понятия не имеют, что это такое – терпеть. – Не вздумай останавливать сердце. Эта смерть отразится на Иване, а ему и так в жизни досталось, что врагу не пожелаешь. Молодой ещё, но уже мать похоронил, а сейчас ты вздумал руки на себя наложить. Нельзя, брат! Ты должен терпеть. Иначе, Иван будет отвечать за этот поступок. Дети повторяют судьбу родителей. И за грехи родителей расплачиваются дети. Помни об этом. Ты должен жить, брат...

И опять: должен, терпи... Если бы можно было вместо этих ничего не значащих слов помочь чем-то другим, лишь бы унять его нескончаемую боль, лишь бы брату облегчить его страдания, я всё бы для этого сделал, как и многие другие, но всё уже бесполезно. Врачи выписали брату билет в один конец. Оказалось, легче расписаться в своём бессилии, чем попытаться помочь человеку. И остались одни слова: терпи, должен, обязан... А ещё всем осталось глядеть, как на глазах умирает брат, как с каждым днём уходит из него жизнь, не оставляя ему ни единого шанса, а мы смотрим на него и ничем не можем помочь – это страшно и очень больно...

В последнее время брат всё чаще заводил такие разговоры. Говорили-то обо всём, а у него нет-нет, но проскочит, что устал жить и скорее бы к одному концу, и стараешься сразу же перевести разговор на другие темы, лишь бы его немного отвлечь от этих мыслей. В основном, говорили ночами. Днём брат отвлекался. Ему звонили, бывало, заходили, а вот ночами было тяжело. Он оставался один на один со своей бедой. Я по себе знал, что это такое – быть одному, когда семья спит, а боль изводит тебя, когда горстями глотаешь таблетки, а облегчения никакого. Вроде мыслей много, а всё чаще и чаще выплывала одна – «Скорее бы...». Так было и с братом, но его диагноз куда страшнее – это билет на скорый поезд в одну сторону...

Ночь за окном. Тёмная, осенняя и ветреная, а поэтому – холодная. Слышно, как на улице завывает ветер. Вроде окна закрыты, а в комнате сквозняк. Немного времени пройдёт, и зима ляжет. А пока за окном тьма, голые ветви тревожно хлещут по стеклу, словно предупреждают о чём-то, словно что-то хотят сказать или предостеречь, и от этого на душе становилось ещё тоскливее и неспокойнее...

Я первым узнал, что у брата онкология. Сказать, что обухом по голове – эта новость, значит, ничего не сказать. Не подобрать слова, которыми можно описать это состояние, когда узнал, что у брата саркома последней стадии. И врачи пообещали ему, что проживёт всего лишь два-три месяца и не более того. Врачи отказались от него. Неоперабельный. Ничего не поможет. И отправили умирать домой. Брат говорил об этом вроде бы спокойно, а в голосе чувствовалась тоска и обреченность...

А вечером нагрянули гости. Хотелось биться головой об стену, но мне нужно было улыбаться и делать вид, что ничего не произошло. А хотелось вскочить и крикнуть... Нет, даже не крикнуть, а заорать, мол, какие гости, если у нашего Славика беда, что врачи пообещали всего лишь два-три месяца жизни? О каком веселье может идти речь, когда глаза бы ни на что не смотрели. Очень хотелось заорать, но приходилось терпеть. А когда проводили гостей, я ушёл в комнату. Словно что-то щёлкнуло внутри, отключая все радости жизни – как можно чему-то радоваться, если в дом пришла беда. Гости ни в чём не виноваты. Они и не знали, что с братом случилось. Но мне, честно сказать, было не до них. Я не понимаю, что произошло со мной. Не знаю, что повлияло, но это, скорее всего болезнь брата сыграла роль, что я почти со всеми перестал общаться, а может, виноват ещё мой упрямый характер. Я никого не хотел ни видеть, ни слышать, кроме своей семьи и его,

Славика, потому что брат был самым близким человеком из всей большой семьи. Он был для меня братом, другом, наставником по жизни, с ним можно было посоветоваться или рассказать то, что никому бы не доверил. Брат был для меня всем. И я даже в мыслях не держал, что с ним может что-нибудь случиться. А когда он заболел, я не то что сломался, замкнулся в себе. Всё общение сузилось до размеров семьи и до него, Славика...

– А наш Иван купил новую машину, – хрипловато-скрипуче сказал брат. – Большущая!

– Молодец, что ещё скажешь, – сказал я. – Правда, я равнодушен к технике. Помнишь, после рыбалки улетели в кювет? Вот с той поры, когда в приборную доску воткнулся головой, у меня всё желание отбило к машинам. Сразу и навсегда!

И я хохотнул.

– У, а я люблю машины! – опять сказал брат. – На такой хорошо на рыбалку ездить. Везде пройдёт. Иван подъезжал к дому, чтобы я взглянул. А что сверху-то увидишь? Эх, посидеть бы в ней! Мне бы только спуститься по лестнице, а потом снова подняться. Силы не осталось. Ноги не держат, – и снова повторил: – Эх, как же мне хочется посидеть в новой машине!

Он радовался, что сын взял машину, а в голосе тоска и безысходность.

Ночь за окном. Всё так же перемигиваются звёзды в иссиня-чёрном небе, всё так же светятся окна в домах. Вдали прошумела машина. Над головой скрипнули полы. Наверное, сосед поднялся, чтобы покурить на балконе. Тьма за окном. И оттуда донеслись пьяные голоса. Кто-то вскрикнул, матюгнулся. Видать, споткнулся. А затем вразнобой затянули песню, и постепенно голоса затихли вдали. Люди веселятся, а здесь...

– Все названивают и спрашивают, как дела, как дела... – заскрипел голос брата в трубке. – Будто сами не знают, как дела... Что каждый раз спрашивать – не понимаю...

– Не обижайся, брат, – сказал я. – Это же обычный вопрос, какой всегда задают людям. И меня спрашивали, как дела, когда я заболел. И мне было обидно, зачем они это говорят, будто не знают, какие у меня могут быть дела, если сижу в четырёх стенах, а людей вижу с высоты пятого этажа и отвечаю на редкие звонки по телефону. Одни мимо моего дома проходили, даже голову не поднимали, чтобы на окна взглянуть или рукой махнуть, видите ли им тяжело на пятый этаж подниматься, а у других времени не находилось, чтобы мне позвонить. Мне ничего от них не нужно, просто возьмите и позвоните, но с каждым разом звонков становилось всё меньше и меньше. И никто не задумывается, что с каждым днём они всё больше отдаляются от меня, а получится ли сблизиться, сможем ли опять найти общий язык – не думаю, потому что время упущено, и я не захочу. Дважды в одну реку не входят. Ладно, что уж говорить – это жизнь, где каждый человек шагает по своей тропке. А сейчас всё моё общение свелось к семье и тебе, брат. Ладно, я малообщительный. А тебе каждый день звонят и звонят, а то в гости приходят. Радуйся, что спрашивают, как твои дела. Хуже, если телефон замолчит...

И опять начинались долгие разговоры. Разговоры ни о чём, но в то же время, мы разговаривали о жизни. Славик чаще вспоминал прошлое – а ты помнишь, как... Помню, брат! А помнишь, как с тобой пешком добирались до Нугуша, а потом нас гонял бык... Конечно, помню, Славка! Эх, а я бы сейчас в Васильевку подался. Там, ребята говорили, лещ со страшной силой идёт. Съездить бы... Когда заболел, Иван несколько раз возил меня на рыбалку. У, как хорошо было! Эх, сейчас бы прокатнуться... И вздыхал. А потом снова принимался что-нибудь рассказывать, даже пытался смеяться, но я чувствовал тоску в его голосе. Да и как не затоскуешь, если тебе осталось жить на белом свете всего ничего. И брат прекрасно это понимал. И всё же, что ни говори, Славик всё равно умел радоваться каждой отведенной ему минутке. Ну, а другие... Все знали и понимали, но каждый относился к этому по-своему. Кто-то начинал вздыхать, эхать и охать, и всё говорить, я бы тебе помог, но не знаю, как, но ты всё равно держись... Другие отмалчивались, словно ничего не произошло – это и понятно. Лучше держаться на равных, чем всякий раз напоминать о беде. А некоторые приезжали к нему, чтобы просто посидеть рядышком и поговорить с ним. И видели, как он радовался гостям. Радовался каждой минутке, каждому мгновению, проведённому с ними, а то внезапно замолчит и смотрит на гостей, переводит взгляд с одного на другого, словно старается запомнить каждую черточку на лицах, а может, хотел заглянуть в душу... Нет, не в души гостей, а в свою, чтобы попытаться понять, почему же так случилось, в чём он провинился, что в его дом пришла беда и от неё никуда не денешься. Время на вес золота. И для брата каждая минута его жизни превратилась в золотую...

За окном ночь. Долгая, тягучая. Казалось, протяни руку и можно её потрогать. Густая и вязкая – эта самая ночная тьма. И если взглянуть, среди этой тьмы светятся окна. Много. Казалось, ночь на дворе, а люди не спят. Одни программу смотрят по телевизору, другие с работы вернулись. Устали. Поужинают или чай попьют и на боковую. А в некоторых свет будет до утра гореть. Кто-то до утра не спит. У одних бессонница, некоторые с детьми нянькаются, а другие рады бы уснуть, но боль изводит, покоя не дает, а лекарства, какие принимают, дают лишь временное облегчение, а потом снова наваливаются эти боли, от которых никуда не денешься, хоть волком вой, хоть об стену головой...

– Ванёк со своей семьей приходил, – проскрипел Славик, и по голосу чувствовалось, что радуется он и наговориться не может. Радуется тому, что внука и внучку приводили. Пусть тяжело, а внуки – это лекарство, как говорится. – Ярик с порога стал рассказывать, как в парк ходили, как с папкой в футбол играли, сколько голов забил, а теперь он кушать хочет и его нужно кормить. Внучка-то, Настёна, постарше. Зашла, присела на диване и молчит. Я знал, что они после футбола

зайдут. Потихонечку обед приготовил. Сноха принесла щи с кислой капустой. Я две ложки съел и хватило. Ребят накормил. Посидели немного, а потом домой отправились. Завтра рабочий день...

– А в шахматы продолжаешь играть? – сказал я. – Ты ж хвастался, чуть ли не у всех выигрывал...

– Нет, Мишка, не хочу, – опять заскрипел Славик. – Как умерла моя Марь Иванна, ничего не хочется. Она заставляла меня, теребила, а её не стало и на душе – пустота. Даже ноутбук не трогаю. И книги не читаю. Просто лежу и всё, – и опять повторил. – Ничего не хочу...

Правду говоришь, брат, Маша оберегала семью, а когда ты заболел, махнула рукой на себя и взялась за тебя, чтобы ты хоть немного, хотя бы лишний денёк прожил на этом свете. У неё семья была на первом месте. Она говорила, что не сможет жить одна на этом свете, если с тобой что-нибудь случится. И всегда повторяла это. Маша не хотела, чтобы ты ушёл первым. Она боялась одиночества. Возвращаться домой, открывать дверь, а там её никто не ждёт. Долгие вечера в пустой квартире, а ночами лежать и ждать, чтобы побыстрее наступило утро. Наступило, а для чего? Чтобы снова одной сидеть в четырёх стенах. И поэтому ушла первой. Всё произошло неожиданно для всех, когда узнали, что её увезли в реанимацию, несколько дней в коме и всё. Оттуда она не вышла. И поэтому на душе было тяжело и больно.

Ночь за окном. Тёмная, тягучая. Светятся окна в темноте. И среди них есть и твои окна, брат. Пусть их не видно, но я точно знаю, что свет будет гореть до утра. Тишина на улице. Редкий раз проедет машина или донесётся звук каблучков, а то раздастся натужный кашель, откуда-то пахнёт табаком, и опять тишина. Куда ни глянь, светятся окна в домах. А за окном ночная мгла. Протяни руку и почувствуешь её – вязкую, тяжёлую – тоскливую.

– Привет, брат, – сказал я. – Чем занимаешься?

– Лежу, – помолчав, проскрипел брат. – Думаю...

– О чём задумался? – сказал я, поглядывая на тёмные окна.

– Так, ни о чём... – снова помедлив, сказал Славик. – Всякая дрянь в голову лезет. Машу похоронили, а у меня руки опустились. Знаю, нужно чем-нибудь заняться, а не хочу. И боли измучили. С каждым днём всё сильнее становятся. Лежу на кровати, не шевелюсь, как бы терпимо, а чуть повернулся и криком кричи. Жду, когда придут, уколы сделают. Вроде становится полегче. Даже дремать начинаю, как будто сны вижу, а очнусь и всё, словно не спал. И дожидаюсь, когда утро настанет. Уколы некуда делать. Кожа да кости. Кожу в пригоршню соберут, а проколоть не получается. Кожа в пергамент превратилась. Ничего не хочу. Скорее бы к одному концу, чтобы самому отмучиться и других не мучить.

– Рановато собрался туда, – сказал я, продолжая посматривать в окно, за которым прошумела машина и снова наступила тишина. – Не знаю, Славик, не получается найти нужные слова, чтобы как-то поддержать тебя или что-нибудь посоветовать, потому что все слова – это ветер в поле. Сам же говоришь, что тебе надоело слушать, когда спрашивают, как дела и здоровье. И я не хочу повторять одно и то же. И не хочу тебя учить, но если будешь лежать, долго не протянешь. А у тебя Иван с семьёй, мы ещё есть, знакомые и друзья. И все хотят, чтобы ты подольше пожил. Заставляй себя, брат. Через силу, через «не хочу», но заставляй. Чем-нибудь занимайся. Нужно или не нужно, но делай. Вон, твой Иван приезжает на обед. Ему что-нибудь приготовь. Пусть простенькое, а он будет доволен, и ты порадуешься, как за него, так и за себя. Внукам своим готовь. Ведь в выходной Иван с семьёй приедут к тебе. Накормишь ребятишек. И они рады, и ты отвлечёшься...

Я на своём опыте убедился, как сложно выбираться из депрессии, когда заболел. Словно доску из-под ног выбили. Кажется, жизнь прошла, а впереди ни одного просвета не видно, сплошные чёрные полосы. Ничего не хочется делать, никого не хочется видеть и слышать. Сидеть на диване, закрыть глаза, и чтобы к тебе не подходили. А ты будешь сидеть и себя жалеть и на других обижаться, почему у них всё хорошо, а у тебя хуже некуда. Они здоровые, а ты живёшь на одних таблетках и уколах. И они – эти здоровые, не понимают тебя, больного, что тебе очень плохо. А раньше всё было по-другому. И ты нужен был всем, и приходили, и звонили, то одно, то другое, третье, пятое, десятое. Как белка в колесе крутился, потому что нужен был, а сейчас – нет... Вот и получается, что человек нужен, если от него есть польза, а когда заболеет, о нём забывают. Пусть не сразу, но забывают. И от этого на душе ещё хуже становилось. Раньше мир был разноцветным, а сейчас стал чёрным и угрюмым. Вот здесь-то и нужно понять и принять, что ты стал другим в сравнении с остальными и прошлого уже не будет, а нужно привыкать и учиться жить этой жизнью – сегодняшней, как бы плохо ни было.

Мне пришлось привыкать к этой новой жизни. Потихонечку, шаг за шагом, но всё же удалось вернуться в жизнь. Я понимал, что таким, как раньше был, мне уже не стать. А чтобы привыкнуть к новой жизни, нужно чем-нибудь заниматься, лишь бы отвлечься от дурных мыслей. Мне удалось выкарабкаться, потому что у меня какое-никакое, но было будущее, а вот у брата... Врачи на нём поставили огромный крест и списали. Сразу списали, когда установили точный диагноз. Окончательно и бесповоротно! Даже не попытались лечить его. А зачем? Легче отправить умирать, чем пытаться что-либо сделать. И отправили. И ни один из них не задумался, а как же он – этот здоровый с виду человек станет жить, тем более не думали про его семью. Жить оставалось два-три месяца, как сказали врачи. Сказали и ошиблись. Брат прожил три года и почти до последнего дня своего был на ногах. И ни один врач не произнёс, что всё-таки можно было... Нет, даже нужно было рискнуть и взяться за его лечение. Они не думали. Списали. Билет в один конец...

Ночь за окном. Тёмная и тягучая. Повсюду видны огоньки. Светятся окна, словно кому-то дорогу освещают. А может и правда, что указывают путь. Одни из дома отправляются в дальнюю дорогу, а другие возвращаются, но везде их ждут. Ждут, когда они доберутся до места или вернутся домой. Расстаться, чтобы встретиться вновь.

...Не могу сказать, что это был сон. Я чувствовал спиной кровать, одеяло под рукой, слышал, как прошумела машина за окном, и понимал, что лежу на кровати и не сплю, но в то же время я стоял с братом. Плечо к плечу. Не помещение – это точно, но и не улица. Что-то другое и необъяснимое. Скорее всего, мы стояли перед порогом, так называемым. Эти пороги есть у каждого человека. Никто мимо не пройдёт. Настанет его время, человек переступит его и уйдёт туда, откуда не возвращаются. У Славика онкология. Он знал, что ему предстоит уход из мира сего, но брат этого боялся, хотя и скрывал от других. Но мне говорил, что силы нет терпеть эти боли, что уже устал от всего и скорее бы уйти, а его не забирают, видать, слишком много грехов на нём – это были его слова. Он устал. Сильно. Я чувствовал это и понимал, что ему осталось всего ничего. Он уже подошёл к той черте, когда нужно решиться и переступить этот самый порог. А я был не проводником, а кем-то другим. Скорее всего, я должен был показать, что или кто ждёт его за порогом жизни. Я стоял с братом. Плечо к плечу. Он молчал. Смотрел куда-то вдаль и молчал. Я был возле него. Может быть, он бы и раньше переступил порог, но что-то ему мешало. Видать, что-то земное его держало. Мы стояли, а перед нами – это я хорошо чувствовал, была какая-то преграда. Словно невидимая стена стояла, а за ней я увидел мать и его жену, Машу. Они были в кремово-охристой свободной одежде. Одежда похожа на балахоны, спадающие до земли, на головах такого же цвета платки, а рядом с ними был брат, Юрка, тоже в таких же одеждах, но без головного убора, и он на шаг-два находился в стороне от них, словно это пустое место было приготовлено для Славика. Ему оставалось шагнуть, и он окажется рядом со своей женой. Они стояли и молча смотрели на нас. Нет, даже не на нас, а на брата, на Славика. Молча и неподвижно, словно его ждали, когда же он решится и переступит этот порог жизни. А он стоял и не шевелился. Мне не видно было, что находилось за спинами матери, снохи и брата, но там, за этим порогом, всё было словно в светло-золотистом тумане, и что-то подсказывало мне, что там, кроме них, в этом тумане ещё кто-то или что-то есть. Много! Они не одни за порогом жизни – это точно. И все ждали брата. Скорее всего, они должны были его встретить, когда брат переступит порог жизни. Да, наверное, так и было... И мы стояли и смотрели на них. И тут я протянул руку, показал брату и сказал: «Славик, гляди, там же наша мать, твоя Маша и Юрка. Иди к ним, они ждут тебя! Иди...» Но брат стоял неподвижно. Я несколько раз повторил, чтобы он пошёл к ним, но его продолжало что-то удерживать. Он никак не мог решиться на этот последний шаг, за которым будет уже другая жизнь. Порог, где оставляешь всё земное, сбрасывая с себя, словно тяжкий груз и уходишь туда, где тебя ждут...

– Здравствуй, брат, – сказал я. – Как дела?

– А, Мишка, – едва слышно проскрипел брат и замолчал, потом хрипло вздохнул. – Тяжело мне. Вот и всё, отмучился. Отхожу я...

– Не понял, – помолчав, сказал я, а сердце затрепыхалось, заработало неровно и с перебоями.

Я понимал, о чём говорит брат.

– Тяжело мне, – через некоторое время сказал брат и снова повторил. – Пришло моё время, отхожу я...

Ночь за окном. Зима на дворе, а ночи тёмные. Тёмные и тягучие, а ещё – больные. И понимаешь, что ничего нельзя изменить в этой жизни, ничего обратно не вернёшь. Время – это вечность, но в тот же момент, оно мчится с огромной скоростью и невозможно его остановить. Нельзя его замедлить, чтобы сказать... Нет, закричать громко и протяжно: «Живи, брат!» Ты должен, ты обязан жить, потому что ты – брат! Но время движется, и ничем его не остановишь. Ночь за окном. Ночь долгая, нескончаемая. Конца и края не видно ей. А в ночи светятся окна домов. Казалось, спит город, но повсюду огоньки. И за каждым окном идёт своя жизнь. И там, среди этого множества огней, светилось одно окно. Пусть не так ярко светилось, но его свет был дорог для многих, который обогревал, поддерживал и помогал, если это было нужно. Многие годы горел огонёк, а сейчас потух, но в то же время на небосклоне появилась новая звёздочка – это брат перешагнул порог, за которым его ждали. Пусть звезда не такая яркая и не каждый сможет её рассмотреть среди множества других, но любой почувствует тепло, исходящее от неё. Протяни руку и ощутишь его...

Я каждую ночь подходил к окну и подолгу стоял возле него, вглядываясь в кромешную мглу, среди которой там и сям светились окна в домах. Я стоял и смотрел на россыпь огней, словно на что-то надеялся. А рядом со мной телефон. Казалось, сейчас раздастся звонок, я поспешно схвачу трубку и услышу долгожданный хрипловато-скрипучий голос: «Ну, здравствуй, брат...» А я отвечу: «Привет, Славик!». И опять начнутся долгие ночные разговоры. О чём? Вроде ни о чём. Будем вспоминать прошлое, говорить о сегодняшнем дне, думать о будущем, но в то же время мы будем разговаривать о жизни.

Я стоял возле окна. За окном тьма. Непроглядная и тягучая. А в небе горела звезда. Пусть не такая яркая, но протяни руку и почувствуешь её тепло. Я долго смотрел на неё, и мне хотелось распахнуть окно и закричать громко и протяжно: «Живи, брат!».

А за окном ночь – тяжёлая и нескончаемая...

Лидия ГУСЕВА
г. Санкт-Петербург
Член Международного Творческого Объединения детских авторов (МТОДА), дипломант конкурсов детской литературы. Закончила факультет иностранных языков в ЛГПИ им. Герцена и факультет журналистики СПбГУ. Автор 3 книг малой прозы.

V

Рассказ

Они переехали. Каким чудом была их новая квартира! Она была трёхсторонней. Можно было смотреть на три стороны света! Вокруг их окон было множество разных деревьев и огромный тополь! Не тополь, а два тополя, которые срослись, наверно, ещё семечками, а теперь возвышались буквой Vиктория до девятого этажа. Мать говорила детям: «Это мы с папой!», – который очень часто был в дальних командировках. Но рано они радовались. Неприятности начали преследовать их. Женщина стала часто болеть, не вставала неделями с кровати.

Именно тогда она и научилась разговаривать с тополем, который своими могучими, но ласковыми ветками заглядывал в окно. Чему не научишься от одиночества?! Весь день женщина только видела и слышала шелест листвы и щебетанье птиц. Особенно, эти неугомонные воробушки! Каждый день у них был слёт с двух до четырёх. Настоящий птичий базар! В остальное время тополь, как мог, старался веселить больную. Он – то шелестел листьями, то стоял, молча и неподвижно. Это заинтересовало женщину. Она подумала, что, наверно, дерево приглашает её познакомиться.

«Привет!» – сказала женщина. «Привет!» – ответил тополь, слегка качнув листвой. «Ты всё знаешь, у мужа дела в порядке?» На удивление ветки закачались, а листочки приняли форму плакучей берёзы, замерев и свесившись вниз, говоря «да». Как обрадовалась она такому знакомству и разговору! «А дочка за контрольную пятёрку сегодня получит?»

Они болтали с тополем целыми днями, пока дети не приходили из школы.

– Мама, ура! У меня пять по алгебре! – радостная дочь вбежала в спальню.

– А я знаю! – ответила мать, улыбаясь.

Вскоре женщина поправилась. Опять дела, заботы и беготня. Но утром она всегда здоровалась со своим волшебным деревом, а вечером желала ему спокойной ночи.

Но однажды, ранней весной, женщина услышала какой-то шум. «Опять, наверно, асфальт кладут! Наконец то, начали заниматься дворами!» – лишь подумала радостно. Но шум увеличивался, он не был похож на рёв катков. Женщина почему-то встрепенулась от испуга и побежала к окну спальни. Вокруг тополя стояли машины и «лесорубы» в жёлтой спецодежде. Мощное основание двух её любимых друзей было уже наполовину распилено. Отчаянно она начала открывать окна, истерично кричать. Но лесорубы только пожали плечами: «У нас приказ! Вы же сами написали заявление в жилконтору!» Молча продолжали своё дело, уже распиливая могучие стволы на брёвна, на срубах которых появлялась алая жидкость. Женщине стало так плохо, что она повалилась на кровать. Дети, как могли, успокаивали её.

На второй день к ним зашла соседка, которая жила через две квартиры по площадке и заголосила: «Ты представляешь? Я все пороги отбила, чтобы этот проклятый тополь срубили! Как он мне глаза намозолил! И так никакого света, да пух ещё! Мне что, всю жизнь на таблетки работать! А они ваш тополь срубили, а мой оставили, нет, ты представляешь?!»

На третий день дети были заняты до вечера в школе, и больной женщине пришлось идти гулять с собакой. Она боялась подойти к огромному пню, где когда-то стояли тополя. Пересилив себя, они с собачонкой приблизились. Опять эти слёзы... Но, что это? «Цезарь, посмотри, веточки! И как это я раньше не догадалась выйти!? Вот, бестолочь! – ругала сама себя женщина. – Ведь я высаживаю вербные веточки, которые дают корни, на даче! Могла бы и догадаться, что от тополя останутся тоже». Она собрала их в охапку и быстрей домой. Развела теплой воды, добавила крупинки сахара и аспирина. Они должны жить! И, действительно, отогревшись и переболев, только две тополиные веточки дали корни. До мая ещё было далеко, но они выстояли! А девятого мая, в день Победы, мать с детьми бережно высадили их на дачном участке. И, наверно, вы уже догадались – конечно, в одну луночку!

Артур ГРЮНЕР
г. Кёльн, Германия

Артур Рейнгольдович Грюнер родился в Донецкой области Украины в немецкой семье, которая с началом Великой Отечественной войны была эвакуирована в Восточный Казахстан. Здесь он окончил школу и после отмены спецпоселения получил возможность поступления в вуз. После окончания медицинского института работал врачом на Урале, пройдя путь от рядового хирурга до руководителя хирургической клиники. Выйдя на пенсию и переехав на жительство в Германию, опубликовал ряд очерков и рассказов. Автор 2 книг малой прозы. Дипломант Международного литературного конкурса, посвящённого 100-летию со дня рождения Константина Симонова и 70-летию Великой Победы. Член литературного общества немцев из России.

Сердце матери

Повесть (продолжение, начало в №3/73/май-июнь 2019)

Заняв одну из комнат в бараке, Амильда уложила валившихся с ног детей спать, а сама до поздней ночи мыла стол, лавку, пол. Довольная своей работой, она тоже прилегла. На сегодня она свою миссию выполнила, главное – дети при ней, и жить здесь, судя по началу, можно. Встала засветло, подложила в печку дров. Как хорошо, что у неё всё есть: и тёплая комната, и посуда, и запас продуктов, и дети все здесь – все мирно посапывают. Вышла во двор и нашла колодец, который безуспешно искала вчера вечером в темноте, принесла воды, стала готовить завтрак. Малыши проснулись радостные, что они снова с мамой, только Лёва не поднимался. Когда она подошла к нему, она сразу увидела, что он заболел. Он весь горел в лихорадке и был в бреду.

Неужели замечание офицера начало сбываться? Тут она вспомнила, каким раскрасневшимся он приехал из поездки, когда отвозил уполномоченного, наверное, он тогда уже простудился, хотя кашля у него не было. На следующий день они ехали на санях из села Ленинского до города Зыряновска, был солнечный день. Здесь он тоже не проявлял признаков болезни, хотя в радости за свою удачу и от волнений, пережитых за эти дни, она, может быть, просто не обратила на него достаточно внимания, чтобы заметить, что мальчик болен. Не поднимая с постели, поставила ему подмышку градусник, стала говорить с ним, стараясь его растормошить, чтобы не испугался холодного компресса, который положила на голову.

Градусник показал сорок и две десятых градуса, не удивительно, что мальчик в бреду. Достала мешочек с чаем, заварила немного, положила кусочек из оставшегося сахара. Решила, как только снизится температура, напоить чуть тёплым чаем, а если пройдёт кризис с этой температурой, сделать обтирания и поставить банки. Накормив малышей, снова вернулась к постели больного. Она поняла, если Лёва и простудился ещё накануне, то вчера, на машине он простыл окончательно. Переезд из Зыряновска в Большую Яму занял весь день, ехали в кузове грузовой машины, и большую часть дня дул холодный ветер. Амильда ещё очень опасалась, как бы не застудить маленьких, усадила их на ватные матрацы, закутав в ватные одеяла, велела не высовываться.

Эрнст большей частью спал на руках матери, Алик свернулся калачиком и посапывал под слоем одеял, а Лёва никак не мог усидеть спиной по ходу машины, всё время высовывался и смотрел вперёд. Ему было интересно, куда везут. Вот эта любознательность и сказалась, горит мальчик от высоченной температуры, сокрушалась Амильда, меняя компрессы на лбу. Но вот он открыл глаза, улыбнулся матери, попросил пить. А мать видела, что это не простая простуда, но, возможно, куда хуже – воспаление лёгких. Вот вам и злобное шипение офицера, а может быть, и предсказание. Холодные компрессы, охлаждённый чай, камфарные обтирания и банки – вот и всё, что она имела в борьбе с тяжёлой болезнью. Но из домашней практики, которую она приобрела, помогая матери при болезнях всех своих пяти сестрёнок, она знала, что ей, как минимум, нужны ещё молоко и мёд. Как только спадёт жар, нужно напоить ребёнка горячим молоком с мёдом, это народное средство всегда помогало.

Около восьми утра сообщили по комнатам, что всем велено собраться около конторы на собрание. Убедившись, что температура снизилась до тридцати восьми, и Лева теперь спокойно спит, Амильда выскочила на улицу вместе с другими женщинами. Контора, вот она, всего лишь перейти главную и единственную улицу, вернее, проезжую часть, напротив барака. Лейтенант, приехавший вчера вместе с ними, о Господи, тот самый, который советовал майору, что «пусть, мол, едут, скорей подохнут», держал речь. Он сообщил, что жить и работать женщины будут здесь до особого распоряжения, получат спецодежду, ватные штаны и телогрейки, шапки, валенки и рукавицы, будут получать паёк, который будет зависеть от выработки дневной нормы.

Опоздавшая к началу его речи Амильда узнала об этих условиях позднее от других женщин, а сейчас она услышала продолжение его речи:

– Я представлю вам двух женщин, с которыми вы больше всего будете связаны по работе. Это заведующая вещевым складом и кастелянша Мария Степановна, – одна из женщин, стоявшая рядом с лейтенантом, кивнула головой. – Она снабдит вас спецодеждой и, у кого в комнатах не оказалось матрацев, так же и этими постельными принадлежностями. Сегодняшний день даётся на обустройство, а завтра с восьми утра начинается первый рабочий день. Прораб Зоя Васильевна, – продолжал офицер, – вторая женщина подняла руку, – выдаст орудия труда, укажет делянку и какие деревья определены к вырубке, проведёт инструктаж по технике безопасности. Она же будет устанавливать норму выработки, ознакомит с технологией обработки сваленных деревьев, и будет проводить замеры выработанной нормы. Относительно питания: мужчины, работавшие здесь, предпочитали пользоваться столовой, но некоторые семейные получали продукты сухим пайком. Эта

система возможна и сейчас, по этому вопросу обращаться к заведующей столовой и пищевым складом Наталье Петровне, она скоро подойдёт, и вы познакомитесь и с ней.

В заключение лейтенант сказал, что он не будет находиться на участке постоянно, все вопросы женщины должны будут в его отсутствие решать с указанными лицами, прежде всего, с прорабом Зоей Васильевной. И он просит не забывать, что женщины мобилизованы на принудительные работы по военному времени, поэтому как отказ от работы, так и самовольная отлучка будут наказываться по суду и также по законам военного времени.

Женщины внимательно слушали, лишь некоторые тихо переспрашивали друг друга, потому что не всё понимали, о чём говорил офицер.

– Давай слушай, – отвечали другие, – потом объясним.

Одна из женщин спросила:

– А для детей питание будет?

Кажется, офицер ожидал этот вопрос, потому, что отреагировал мгновенно:

– Вы детей привезли самовольно, поэтому должны будете сами решать вопросы с их питанием.

Амильда поняла, что для неё сейчас самым важным человеком может быть только заведующая пищевым складом, возможно, что через неё она сможет достать продукты, необходимые её больному сыну. Она воспользовалась тем, что офицер кончил говорить, незаметно вернулась в барак. Лёва лежал весь в поту, температура снизилась. Она обтёрла его, сменила рубашонку и простыню, попыталась покормить его той же кашей, которую она сварила утром для малышей. Мальчик смотрел на неё ввалившимися глазами, просил только пить, от каши на постном масле отказывался. Амильда ещё раз убедилась, что ему нужен мёд, молоко, сливочное масло, а где же всё это взять.

Она снова побежала на улицу, где находились ещё всё женщины. Поискала глазами ту, третью, запомнила – зовут Наталья Петровна, вскоре увидела её. Попросила тихо по-немецки женщин пропустить её, те уже знали, что у неё болен ребенок, и расступились.

– Наталья Петровна, – обратилась Амильда с тем акцентом, от которого не смогла освободиться до конца своих дней, – только вы можете помочь мне. У меня заболел ребёнок, у него явно воспаление лёгких, его нужно поить горячим молоком с мёдом, может быть, эти продукты есть у вас на складе?

Наталья Петровна увидела перед собой молодую красивую женщину, но с такой мольбой в глазах, что она сразу прониклась к ней состраданием.

– Эх, милая, да у меня на складе кроме перловки да подсолнечного масла ничего и нет. Пойдём со мной, – велела она, и повела Амильду в сторону отдельно стоящего здания. Оказывается, это была столовая. Заведующая провела её на кухню и сказала: – Я могу тебе дать в счёт пайка немного сливочного масла и ещё совет, как раздобыть мёд и молоко. Ты видела, что одна из автомашин, которые вас вчера привезли, осталась здесь на ночь. Лейтенант сейчас уедет на другой участок, и хотя мы должны следить за тем, чтобы вы не сбежали и никуда не отлучались, но тебе это можно будет сделать, куда же ты денешься от детей. Если у тебя есть вещи на обмен, то можешь сходить после его отъезда в Козлушку. Это деревня в семи километрах отсюда, там, правда, живут в основном кержаки, люди не очень доброжелательные, особенно к инородцам, но если сможешь договориться, то сможешь раздобыть у них и молока, и мёда. Идти четыре километра назад, как вас везли сюда, и затем первый поворот направо. Стучись там, где собаки на цепи, а не свободно бегают по двору, у них не собаки – волкодавы. Стучись в те дома, где окна выходят на улицу. И ещё, постарайся обернуться засветло. На дороге бывает неспокойно.

Последние слова доброй женщины Амильда почти не слышала, а если и слышала, то они не дошли до её сознания. Появилась возможность помочь ребёнку, она должна его спасти. Вернувшись в комнату с куском сливочного масла, она тут же сделала бутерброды, заварила чай и накормила ещё раз всех детей. Затем собрала в две сумки вещи, которые можно было бы обменять, попросила соседку Ольгу присмотреть за детьми, особенно за больным Лёвой, которому строго настрого запретила вставать, и выскочила на улицу.

Морозный воздух ударил в лицо и взбодрил её. Убедившись, что автомашины нет, она направилась по дороге в эту самую Козлушку, самое близкое село, где можно было бы раздобыть то, что может помочь вылечить мальчика. Не заметила, как добежала до перекрёстка, повернула направо, и вот уже вскоре показалась деревня. Дома с надворными постройками представлялись настоящими деревянными крепостями с высокими заборами и воротами. Достучаться до хозяев этих таёжных крепостей оказалось нелегко. Чаще всего кто-нибудь выходил к воротам, открывал узкую щель, спрашивал, чего надо, не дожидаясь объяснений, захлопывал ворота и уходил.

Наконец, Амильду впустили в дом. Стоя у порога, она объяснила хозяевам, в чём дело, скороговоркой выпалила: «Мы из Украины, нас, женщин, мобилизовали в лес вместе с детьми, один у меня заболел, нужен мёд. Может быть, у вас есть мёд и молоко. Ребёнка нужно поить горячим молоком с мёдом. Денег нет, но есть вещи, за которые мне нужно немного мёда, вот посмотрите вещи, может быть, они вам понравятся».

Хозяин, крепкий бородатый мужчина, заявил, что знает, что на лесоучасток завезли немцев, значит, и эта тоже немка, что видно по выговору. С немцами на фронте сражается его сын, так что ничего он врагам своим не даст. Пусть уходит. Пока хозяин выговаривал ей, Амильда успела вынуть из сумки вещи: шерстяной костюм, две юбки, кофточки, что-то из женского белья. Хозяин, не взглянув на вещи, ушёл в другую комнату, а хозяйка с дочерью, девушкой лет шестнадцати, словами

выпроваживая гостью, знаками давали понять, что сделка состоится, только старик не должен знать об этом.

– Подождите меня на улице за углом, – шепнула ей девушка.

Амильда вышла на улицу, завернула за угол забора, чтобы вредный старик подумал, что она ушла, и стала ждать.

Вдруг из-за дома с другой стороны, как выяснилось, со стороны омшанника, появилась девочка, неся что-то завёрнутое в холстину. Откинув угол холста, она показала Амильде две рамки мёда.

– Вот, прямо из ульев, с сотами, это вам очень пригодится, – сказала она. – А это замороженное молоко, – и она подала холщовый мешочек с круглыми белыми шайбами. – Картошки у вас, наверное, тоже нет, – и она побежала в сторону другого погреба, через некоторое время вынеся полмешка картошки. – Вот, больше, наверное, не унесёте. А мне дайте юбку коричневую и кофточку, мне кажется, они мне будут впору. А что понадобится, то приходите ещё. И пусть ребёночек ваш поправится, – добавила она певучим голосом. – Только как придете, разговаривайте только со мной или с маманей, меня Клавой зовут, а маманю Фёклой Степановной. Тятя тоже не злой, но не любит он чужих, да и Миханю сильно жалеет, что на фронте он.

Всё это она сказала быстро, по-видимому, опасаясь, что появится отец и прервёт сделку. Того же опасалась и Амильда. Передав девушке вещи и поблагодарив её, она, переполненная радостью от добытых продуктов, нагруженная до предела, быстрыми шагами стала удаляться из деревни. Две рамки мёда с сотами – это же целое богатство, думала она, а кроме того, ещё и молоко, шайбы литра по полтора. Она ещё по Ленинскому знала, что сибиряки зимой хранят молоко, заморозив его в плоских алюминиевых чашках. Достаточно потом занести эту чашку на полчаса в комнату, или поставить на несколько минут на горячую плиту, как замороженная шайба молока легко отделится от посуды, которая нужна для повторения этого нехитрого процесса. А замороженное молоко можно хранить на морозе в кладовой сколько угодно долго.

И вот теперь она стала обладательницей нескольких литров молока. «Это как раз то, что нужно моему ребёнку... А после того, как снизится температура, то можно будет ставить банки. Комплект банок у меня всегда с собой, а как же без этого с четырьмя детьми в семье», – рассуждала Амильда, невольно причисляя и старшего Гарри, который сейчас где-то в Кемерово, в трудармии, но которого она не могла причислить к отсутствующим, так уж она привыкла всегда заботиться о своих четырёх мальчиках, а в последние два года и о пяти, вместе со своим младшим братом Гельмутом. Этот бедняга сейчас тоже где-то в лесу в Кировской области. Как они сейчас там? Ведь совсем ещё мальчишки, совершенно к жизни неприспособленные.

Через два с половиной часа бешеной ходьбы, изнемогая от усталости, но радостная от достигнутого успеха, она приближалась к бараку, где на втором этаже под присмотром соседки находятся её дети: двое маленьких и один побольше, но совсем больной, может быть, опять с высокой температурой и в бреду. Слава богу, все на месте, – отметила она. Малыши радостно кинулись к ней, а Лёва лежит весь в поту, но радостными глазами смотрит на неё.

Тщательный уход, несмотря на ежедневную работу, горячее молоко с мёдом, камфарные втирания и банки сделали своё дело: Лёва стал медленно, но уверенно поправляться. Может быть, помог и прополис, оказавшийся у Амильды после того, как она вырезала сотовый мёд из рамок, положила соты в кастрюльку и на медленном огне вытопила мёд. Оставшуюся массу она использовала для аппликаций на грудь, для втираний и давала всем детям жевать, что они делали с особенным удовольствием. Уходу за Лёвой способствовало и то, что первую неделю женщины работали рядом на хозяйственном дворе, и Амильда могла периодически бегать и смотреть за больным ребёнком. Женщины относились к ней с пониманием.

Большая Яма – это лесоучасток в отрогах Алтайских гор вблизи китайской границы. Два горных хребта своими склонами сливаются в узкую лощину около километра шириной. Склоны крутые, сплошь заросшие пихтовым лесом. Въезд в эту лощину был возможен только с одной стороны, дальше лесоучастка дороги не было, так как лощину замыкал горный хребет. Действительно, большая яма среди гор, откуда и произошло название. Сам участок представлял собой жилой сектор и хозяйственный двор. Жилой сектор был представлен двухэтажным деревянным бараком с двадцатью комнатами на каждом этаже, сплошным балконом в виде галереи по второму этажу, несколькими домами для руководства и вспомогательного персонала, конторой, столовой с пищевым складом и баней с прожаркой. Хозяйственный двор находился выше, у самого основания горы, и представлял собой груду спиленных деревьев, так называемых хлыстов, вокруг которых проходила наезженная автомашинами-лесовозами дорога. Здесь же в стороне от дороги находилась конюшня и сенной двор.

Через пару дней на участке появился и Кондратьич, «старик с лошадью», как называли его немецкие женщины, потому что видели его только в паре со своей смирной лошадкой Буркой. Старик, по-видимому, как и женская часть персонала, имел дом и семью где-нибудь в близлежащей деревне, потому что его иногда по два-три дня не было видно, потом он опять появлялся, ночевал в одной из комнат на первом этаже. Он был полезен в основном тем, что точил топоры и пилы и два или три раза в неделю ездил в Столбоуху, в большое село в двадцати пяти километрах от лесоучастка, за хлебом и другими продуктами, тогда он устанавливал на сани большой деревянный ящик, имевший дверки сзади и напоминавший кибитку.

Так же не сразу женщины обнаружили ещё одну семью старожилов на участке. Это была Емельяниха, то есть жена призванного на службу в армию лесоруба Емельянова, ныне солдата. Она была уборщицей, мыла полы в помещениях вспомогательного персонала, получала скудную зарплату и паёк на себя и на детей, плюс солдатский паёк за мужа. Жила она в одной из комнат первого этажа с тремя детишками, как говорится, мал-мала меньше. Когда однажды Амильда заглянула к ней, она ужаснулась, какой она была неряхой. Дети, от двух до шести лет, были грязные, одеты в обноски, имевшие такой вид, как будто они никогда не стирались и не чинились.

На следующий после приезда день немецкие женщины, в прошлом большей частью домохозяйки и уж точно никогда не имевшие дело с валкой вековых сосен и елей, в ватных штанах и телогрейках, в суконных шапках-ушанках и валенках, собрались по приказу прораба Зои Васильевны на хоздворе, то есть около куч беспорядочно навороченных стволов деревьев. Сегодня им предстояло начать осваивать новую профессию лесорубов, а пока их начальница ставила им задачу и знакомила с мерами безопасности при работе.

– Работать нам придётся здесь, – она сделала круговое движение рукой, показывая на окружающие горы. Она так и сказала «нам», причисляя себя, свободную и независимую, к тридцати шести несчастным женщинам, загнанным сюда без права общаться с детьми и престарелыми родителями. Но видно было, что таким образом она хотела установить первоначальный контакт с женщинами, с которыми ей придётся работать, устанавливать им нормы выработки и стимулировать их к прилежной работе.

Амильда так и поняла её, и подумала, молодая ещё, не понимает, какая разница между нами. Да есть ли у тебя дети, которых надо было оставить одних, был ли муж, которого ещё несколькими месяцами раньше забрали на такие же работы, но отправили совсем в другую сторону, отделив от семьи неизвестно на какой срок. Но сейчас надо слушать, что говорит эта молодая и красивая русская женщина, от которой в значительной мере будет зависеть её судьба и судьба её детей.

– Здесь, в окружающем лесу, – поясняла между тем прораб Зоя, – будем делать выборочную валку деревьев, освобождение стволов от сучьев, и полученные хлысты стаскивать на этот верхний склад, вот сюда, где мы находимся, – она показала на бесформенную груду леса. – До отправки мужчин на фронт эта работа выполнялась исключительно мужчинами, да и хлысты стаскивались сюда трелёвочным трактором, – она показала в сторону горы, где стоял невиданный ранее женщинами трактор с какими-то навешанными на нём приспособлениями. – В лучшие времена заготовленные хлысты с помощью этого трактора вытаскивались из буреломов до верхнего склада. Лучшие времена кончились с началом войны, и механизация в виде этого трелёвочного трактора перестала действовать из-за того, что единственный тракторист был мобилизован на фронт. Сейчас вы, дорогие мои женщины, должны заменить мужчин, работавших и живших здесь. Хлысты придётся нам самим стаскивать сюда, как это делалось в то время, когда лесоучасток был лагерем для заключённых.

О том, что это был лагерь, говорят оставшиеся кое-где в лесу куски заборов с колючей проволокой и никому не нужные покореженные железные ворота при въезде на участок. Остальные участки заборов, как и сторожевые вышки, постепенно разобрали на дрова, потому что сухие столбы и доски горели лучше, чем сырые остатки от хлыстов. За три года до начала войны заключённых отсюда убрали, говорили, что перевели в более крупные лагеря, а здесь стали работать вольнонаёмные.

Далее Зоя снова заговорила о предстоящей работе.

– Здесь, на этой площадке, называемой верхним складом, хлысты будем распиливать на брёвна и штабелевать до вывозки их до реки, где они зимой выгружаются на лёд, чтобы весной река унесла их до нижнего склада. Наш нижний склад находится в Лесной Пристани. Когда вас сюда везли, то вы это село проезжали. Там на берегу реки Бухтармы расположен наш нижний склад. Там лес, сплавляемый по реке, вылавливается из воды и отправляется далее потребителям, – ввернула она непонятное немецким женщинам слово, небрежно махнув куда-то рукой.

Женщины переспрашивать не стали, какое им дело, куда повезут и что будут делать с этими брёвнами. Для них важнее сейчас было не остаться придавленными этими брёвнами, не простыть, ползая по глубокому снегу от дерева к дереву, не заболеть, приспособиться к тому, чтобы выполнять норму, чтобы получить паёк, чтобы не умереть с голоду из-за этих проклятых хлыстов и брёвен.

– До начала войны, – продолжала Зоя, – мы поставляли хлыстовой лес до нижнего склада, в основном, лесовозами. С отправкой мужчин на фронт отлаженная поставка леса нарушилась, не стало ни водителей, ни машин. Водители пошли на фронт вместе с машинами. Начальство приняло решение обработку леса доводить здесь, то есть мы с вами будем сваленные стволы стаскивать на склад, разделывать на бревна, штабелевать.

– Как стаскивать, – заикнулась одна из женщин, – их же не поднять?

– О, это мы будем делать дедовским способом, – заверила Зоя, – этому я вас научу. И, видя растерянность не только спросившей, но и других женщин, пояснила: – Длинными верёвками, человек по десять так впрягёмся, что этот хлыст, сам пойдёт с горы, успевай только отскакивай, чтоб не догнал и не придавил. Она улыбнулась стоявшим женщинам, те тоже не устояли перед располагающей улыбкой молодой и доброжелательной женщины, тоже заулыбались.

Разрядив таким образом обстановку и желая подбодрить упавших духом женщин, Зоя сказала:

– А сейчас я вам скажу нечто приятное. Всю эту первую неделю мы будем работать не в лесу, а здесь, на складе. Все находящиеся здесь завалы хлыстов мы должны будем разобрать, распилить на брёвна по стандартной длине и складировать их штабелями, а по мере подхода автомашины – у

нас осталась одна – будем их грузить для отправки на берег реки. Река Бухтарма недалеко отсюда, всего километра три, сейчас она замёрзла, шофёр сам свалит брёвна на лёд. Весной эти брёвна река унесёт до Лесной Пристани, где стоят боны, это такие плавучие перегородки, удерживающие сплавляемый лес. Там останется их только вылавливать из реки и отправлять дальше или брать на лесопилку. Способ транспортировки леса по воде не новый, но сейчас он стал особенно актуальным, сами понимаете, без мужиков приходится как-то выкручиваться, – тут она снова подмигнула женщинам. – Видите, дорогие женщины, как ваша работа важна для победы, как сказал бы наш офицер, – и приложила палец к губам, давая понять, что это не для его ушей, и что она больше своя, чем его шпионка и правая рука. – Перед тем, как пойдём на валку леса, я проведу с вами инструктаж о том, как подрубать и спиливать дерево, как вести себя по отношению к падающей лесине, как срубать сучья, чтобы не повредить себе руки и ноги, расскажу, как правильно сжигать в лесу сучья, – продолжала она. – А сейчас, после того, как разберём рабочий инвентарь – верёвки, топоры и пилы и распределимся по двое, приступим к работе. Осторожно верёвками растащим хлысты, сначала те, которые лежат наверху, и я сделаю для начала зарубки через каждые шесть с половиной метров, а далее эту нехитрую работу будете делать сами.

Уже к обеду женщины, распилив несколько хлыстов и откатив полученные брёвна по указанию Зои на поперечно положенные лёжки, увидели, что на месте бывшего хаоса, устроенного трактористом со своим трактором, получается приличный порядок, и даже для автомашины будет обеспечен нормальный подъезд. Судя по оставшейся куче хлыстов, работы здесь действительно хватит на неделю.

По мере того, как Лёва выздоравливал, Амильде оставалось больше времени для других неотложных дел. Нужно было как можно скорее написать письма мужу, брату и сыну, чтобы они узнали новый адрес. Не только недостаток времени был причиной тому, что она не написала им письма в течение первой же недели. С выздоровлением сына она могла написать письма уже более бодрым тоном. Она терзалась мыслью о том, как она сообщит им обо всём, что приключилось с ней, но так, чтобы как можно меньше травмировать их печальным известием, связанным с тем, что и ей пришлось отправиться в лес. Кроме того, она понимала, что правду о пережитом ею за последние две недели сообщать нельзя. Боясь цензуры и того, что письма с неприятными для режима сообщениями могут пропасть, она ничего не сообщила о том, что без разрешения, на собственный страх и риск, забрала детей с собой. Поэтому она просто написала, что, как и другие женщины, она мобилизована на работы на лесоучасток, что ей удалось благополучно устроиться на новом месте, правда, Лёва слегка приболел, но сейчас уже поправляется. Она упустила всё пережитое: и то, как она воевала за возможность не оставить детей на произвол судьбы, и то, что пришлось пережить в связи с болезнью сына.

Впоследствии от старожилов участка, то есть от трёх женщин – Зои, Марии и Наташи – как стали называть их между собой немки, они постепенно всё больше узнавали историю образования и предназначение лесоучастка Большая Яма. Этот лесоучасток, как и многие другие в лесистой части отрог Алтайских гор, действительно был организован ещё в начале тридцатых годов как лагерь для заключённых, он служил для заготовки леса для крепежа в шахтах города Зыряновска, входивших в Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат. Как говорилось в народе, в шахтах Зыряновска добывались цветные металлы, в основном, свинец, цинк, а также золото, серебро и платина, а знатоки утверждали, что в выработках можно было найти элементы почти всей таблицы Менделеева. Первые разработки этих месторождений проводили российские золотопромышленники, затем пришли английские концессионеры, а после их изгнания страна снова стала самостоятельно разрабатывать эти несметные сокровища. По мере расширения шахтных выработок требовалось всё больше леса для крепежа. На это дело и шли вековые ели, пихты и сосны из Алтайского нагорья.

Женщины жили и работали на лесоучастке безвыездно, без единого свидания с оставленными где-то детьми или родственниками. Работа была тяжёлой, и особенно трудной была первая зима. Вначале им приходилось в глубоком снегу прогребать дорожку к помеченному для валки дереву, затем двуручной пилой спиливать дерево почти полуметровой толщины, повалить его так, чтобы никого не придавило, и расположить его комлем к основанию горы, чтобы затем было легче тащить его вниз. Нужно было обрубить сучья, собрать последние в кучи и сжечь. Последняя процедура позволяла женщинам во время коротких перерывов согреваться и «подсыхать» на тридцати- или сорокаградусном морозе. После этого они прорывали в снегу широкую дорогу от спиленного дерева до накатанного участка, чтобы, обвязав этот хлыст верёвками у основания, стащить его вниз до хоздвора. И так на каждую бригаду из шести женщин нужно было свалить и перетащить за смену до десяти или двенадцати деревьев. Норма выработки определялась по кубатуре, а последняя рассчитывалась Зоей по каким-то хитрым формулам по толщине каждого бревна.

Работа была на износ, официально по восемь часов в день, но, чтобы выработать норму и получить полноценный паёк, женщинам приходилось работать по девять, а то и по десять часов. Заступали в восемь утра и работали до темна, особенно зимой, когда световой день кончался рано. Приходили домой усталые, почти без сил, а ведь нужно было ещё побеспокоиться о детях, приготовить для них что-нибудь покушать на весь следующий день. Но ни одна из женщин с детьми на судьбу не роптала, наоборот, благодарили бога за то, что наперекор властям удалось взять детей с собой.

О том, как опасна работа в лесу, показала уже через два месяца смерть на месте восемнадцатилетней девушки Софьи Пфеффер, которая получила удар по голове комлем падающего

дерева, внезапно развернувшегося в непредвиденную сторону. Комендант тут же заявил, что это несчастный случай на работе, о котором он предупреждал с самого начала, и требовал, чтобы женщины продолжали работу. Но те были так убиты горем, что ни о какой работе в этот день не могло быть и речи. Как только комендант уехал, Зоя отпустила женщин домой, сказав им, что она засчитает им норму. Тело девушки комендант в тот же день отправил в деревню, к матери, где она была похоронена. А здесь, на лесоучастке, женщины на следующий день вечером тайно от надзирателей провели богослужение с отпеванием Софьи. Церемонию очень торжественно, при свечах и с песнопением, провела одна из наиболее пожилых женщин Ирма Риемер, как выяснилось, член христианской общины «Свободная церковь».

Несмотря на повторный инструктаж по технике безопасности, проведённый Зоей, уже вскоре произошёл второй несчастный случай. На этот раз Фрида Ельснер не успела отбежать на безопасное расстояние и была придавлена крупными ветвями падавшей сосны. Когда её вытащили из снега и из-под ветвей, все были удивлены, что она не получила ни единой царапины. Однако, на следующий день у неё появились боли в правом боку, в пояснице, и появилась кровь в моче. Женщины встревожились и потребовали от коменданта, чтобы он срочно отправил Фриду в районную больницу. Через два месяца женщины получили от неё письмо с благодарностью за их решительные действия. Она перенесла операцию удаления раздробленной почки, и врачи говорили, что внутреннее кровотечение было критическим. По случаю такой травмы она осталась в совхозе с семьей. Или опыта набрались, или стало больше везти вынужденным лесорубам, но таких тяжёлых несчастных случаев, как эти два в первую зиму, больше не было. Были простуды и мелкие травмы, но с этим женщины справлялись.

С началом лета женщинам выдали летний вариант спецодежды – штаны и куртки из хлопчатобумажной ткани, и самое главное – кирзовые сапоги. Без сапог в лесу делать нечего, можно запросто не заметить змею, наступить на неё, и тогда расплата придёт незамедлительно. В условиях, когда на участке нет даже фельдшера, не говоря уже о враче, укус змеи мог оказаться смертельным. Работать летом было легче, но сильно угнетала мошкара, которая облепляла все открытые места, забивалась в рот, нос, уши. В борьбе с этой напастью женщины складывали обрубленные ветки, предназначенные для сжигания, так, чтобы костёр получался поближе к тем местам, где им приходилось пилить, кроме того, защищались глухой одеждой, приходилось носить москитные сетки, натирать кожу открытых частей тела керосином.

Каждый десятый день, при условии регулярного выполнения нормы, был нерабочим днём, женщины приводили себя в порядок, ходили в баню, относили вещи и постели в прожарку, что было важно в борьбе с завшивленностью и сыпным тифом, который всегда угрожал большим скоплениям людей, жившим в общежитиях, писали письма родным, мужьям, находившимся ещё в худших условиях в трудармии. Об условиях жизни мужей за колючей проволокой, о том, что они сопровождались на работу и с работы вооружённой охраной с собаками, женщины из писем от них узнать не могли, цензура вымарывала эти сведения в письмах, или вообще не пропускала такие письма.

Женщины в Большой Яме периодически узнавали правду о жизни своих мужей и братьев в трудовой армии из писем от родственников, к которым иногда возвращались трудармейцы в состоянии крайнего истощения. Они приносили и печальные вести об умерших от истощения в лагере. Одно из таких писем Амильда получила от золовки Розы. В нём она сообщила, что в конце марта из Кирова в Андреевку в состоянии крайнего истощения вернулся её племянник Курт, который привёз сразу две печальные вести. В январе умер от непосильного труда и физического истощения его отец Филипп, а в первых числах марта в лагерном лазарете умер младший брат Амильды Гельмут. Роза из письма Амильды уже знала о том, что посылка, отправленная Гельмуту, вернулась обратно, не найдя адресата. Курт объяснил, как это могло произойти. Трудармейцев периодически перебрасывали с одного участка работ на другой, а почта не удосужилась выяснить, где в данный момент находится адресат. Это тем более обидно, что адрес, вернее, номер полевой почты, оставался прежний, только лесоучасток временно был другой. Он сразу же высказал убеждение в том, что эта беспечность почтовых работников стоила Гельмуту жизни. Зима с сорок второго на сорок третий год был самым ужасным периодом, когда люди умирали от недоедания и физического истощения.

Амильда не могла простить себе, что занятая отправкой мужа и сына, занятая детьми, всеми силами борясь за их выживание, ограничилась только этой одной посылкой. Она просто не могла допустить и мысли, что дела обстояли так плохо, что власть, используя людей только за паёк, может быть с ними такой жестокой. Она узнает о настоящем положении дел только месяцы спустя, когда вслед за Куртом из того же Кировского лагеря вернётся в состоянии такого же крайнего истощения и муж Розы Отто. Судьба обоих окажется крайне трагичной, они оба вскоре погибнут. Погибнут при повторном призыве.

Но сейчас Амильда об их судьбе ещё ничего не знала. Она знала одно – её долгожданный в семье братик, родившийся после шести дочек, такой желанный отцом и матерью, первым заплатил государству своей жизнью, фактически ещё не начавши жить. Сообщила печальную весть мужу. В мае получила письмо от сына. Из его письма почувствовала, что он, её первенец, первый помощник в присмотре и уходе за малышами, не мог смириться с тем, что мама теперь тоже на лесоповале, да ещё с тремя малолетними детьми. Письмо было проникнуто болью оттого, что он не может ей помочь. В течение пяти месяцев она получила от него ещё два письма, затем письма приходить перестали. Летом сорок третьего она получила разрешение коменданта на посещение врача. Она добралась до

районного центра и первым делом разыскала спецкомендатуру, чтобы узнать, что с её сыном, почему от него нет писем. В комендатуре подтвердили, что он был мобилизован в Новокузнецк, а о дальнейших его перемещениях они сведений не имеют. После этого в безвестности прошли ещё полтора года. Позже, уже в Лесной Пристани, она узнала о смерти сына от вернувшегося к родителям травмированного в шахте Гуго Зайферта, с которым Гарри вместе отправлялся в трудармию. Извещениями о погибших на трудовом фронте государство себя не обременяло.

Время жизни на лесоповале оставили у автора этих строк, хотя ещё только шестилетнего ребёнка, много воспоминаний о событиях, происходивших с семьёй и заставляющих ещё и теперь восторгаться мужеством матери, сумевшей пробиться через самый трудный период жизни семьи и не потерять никого из троих своих несовершеннолетних детей. А Лёва, выздоровевший заботами матери, в свои одиннадцать лет стал самым настоящим помощником. Мало того, что он делал почти всё по дому, следил за малышами, так он ещё был и добытчиком. Не раз и не два бегал он в Козлушку к доброй девушке Клаве, которой Амильда переправила почти все свои вещи. Сейчас ей было не до хороших вещей, ей не нужны были наряды, важно было выжить в этих условиях, не только выжить самой, но и сохранить детей.

С питанием было всегда плохо, даже если женщины всегда вырабатывали норму и получали полный паёк. Они с самого начала отказались от столовой, получали продукты сухим пайком на неделю, готовили себе дома и, чтобы не терять время на обед, брали еду с собой, горячее ели только утром и вечером после работы. И всё-таки Амильда не роптала на судьбу, она не раз думала о том, что это ведь благословенный промысел божий, что их отправка из Зыряновска тогда отложилась на два дня. В таких ужасных условиях, в которые она попала, сам Господь Бог и Судьба оказались благосклонны к ней. Как хорошо, что она догадалась воспользоваться этой удачей, что она решилась на, казалось бы, невозможное, и забрала детей с собой, не только детей, но и всё своё барахло, и муку, и зерно. Как хорошо, что Михеич не проверил её слова о том, что ей разрешили взять детей с собой, дал сани, способствовал перевозу детей и пожитков на сборный пункт. Ведь если бы этого не произошло, то не только мука и зерно, все вещи исчезли бы из дома, и кто знает, что произошло бы с детьми уже через пару месяцев. А ей выбраться к ним не удалось бы.

Довольствия, получаемого Амильдой, не хватало на четыре рта, мука подходила к концу, а просушенную в комнате пшеницу помолоть было негде. Амильда экономила муку, поэтому как могла расходовала пшеницу. Она поджаривала зёрна на сковороде, затем молола их в ручной кофемолке, сохранившейся ещё из дома. Получалась крупа, из которой она варила кашу, а поджарив зёрна посильнее, заваривала «пшеничный» кофе. Но этих ухищрений не хватало, для супа нужна была картошка, поэтому, когда Амильде было невозможно отлучиться в Козлушку, обычно шёл Лёва. И он ходил и приносил по несколько шайб замороженного молока, по одному-два ведра картошки, иногда кусок мяса или сала. Санок не было, поэтому он нёс всё на себе. Однажды у него уже не хватало сил нести поклажу. Он совершенно выбился из сил, а нужно было идти ещё не менее трёх километров, тогда он оставил в сумке всё самое ценное, полученное от Клавы, а два ведра картошки зарыл в снег около дороги, пометил место воткнутой в снег веткой ели, и пришёл домой. Дождавшись матери с работы, рассказал ей, как ему пришлось сделать. Она одобрила его поступок, и они при лунном свете, бывает же такое, что в эту ночь выдалась такая яркая луна, вместе сходили и принесли всё остальное. Кроме того, что было тяжело нести, объяснял он маме, было страшно идти, боялся волков, ведь уже смеркалось, а освободившись от основной массы груза, он мог бежать.

Уже ранней весной, как только сошёл снег, женщины стали отыскивать съедобные травы, собирали щавель, который жевали, радуясь его живительному кислому вкусу, спасаясь от авитаминоза, а также использовали его для варки зелёного супа, часто находили черемшу, которая хорошо заменяла чеснок, иногда попадался корень женьшеня, который женщины высушивали и сохраняли до зимы, а зимой, ближе к весне, вместе с хвойными иглами заваривали в виде чая, боялись цинги, которую сами не имели, но знали из писем мужей, как она страшна. К концу лета пошли лесные ягоды, и женщины, пользуясь более длинным световым днём, оставались в лесу после работы, пока не набирали корзинки и котелки, в которых брали с собой, ягодами, малиной, смородиной или ежевикой. В большом количестве собирали плоды шиповника, засушивали его и делали запасы на всю зиму. Этот чай тоже спасал от болезней.

Кроме болезней, жизнь в лесу таила в себе и множество других опасностей. Так, летом Алик с нетерпением ожидал часы окончания работы мамы и часто прибегал встречать её. Ему нужно было всего лишь подняться по тропинке примерно на полкилометра в гору, с которой был виден весь посёлок, если так можно было назвать лесоучасток. Однажды он шёл радостный по этой тропинке перед мамой уже вниз домой, как вдруг мама скомандовала твёрдым голосом: «Стой и не двигайся». Он встал, а мама сказала уже более спокойным голосом: «Оглянись, но не пугайся, смотри на тропинку, по которой ты только что прошёл». Он оглянулся и оторопел, увидев большую серую змею, неторопливо, как настоящий хозяин леса, проползающую поперёк тропинки. Ещё момент, и её хвост исчез в зарослях кустарника. «Теперь понимаешь, – спросила мама, – почему надо в лесу смотреть под ноги? Хорошо, что ты не наступил на неё, могло быть очень плохо. Здесь много ядовитых змей».

До дома шли быстро, почти не разговаривая, но очень внимательно глядя себе под ноги.

Зимние вечера вместе с мамой в условиях, когда не было ни книг, ни радио, было самое любимое время для детей. При свете керосиновой лампы она рассказывала им о своей жизни в доме отца, о том, как в их село приехал молодой учитель. «Папа?» – встревал со своей догадкой самый маленький. «Ну, да, конечно», – говорила мама, и продолжала рассказывать о том, какая красивая

свадьба у них была, на которую съехались родственники из ряда соседних селений. Мама во время этих рассказов всегда что-то шила. Уже на следующую зиму стало ясно, что ребята выросли из своих одёжек. Вельветовые курточки, которые она подбила ватной подкладкой, стали малы, хотя практика передачи одежды старшего младшему тоже была. Но одежда Лёвы была ещё слишком велика для Алика, Аликову курточку Амильда перешила на Эрнста, а Эрнстовы одёжки постепенно передавались для малышей Емельянихи. Одну из старых фуфаек и стёганые штаны, валявшиеся у Марии Степановны на складе, Амильда выпросила у неё, распорола, выстирала верхний и внутренний слои ткани, выстирала свалявшуюся вату, высушила, перещипала её всю так, что она стала снова мягкой и пушистой, перекроила штаны и фуфайку и перешила их на Лёву. И тот был рад тому, что имеет тёплые вещи, к тому же хорошо служили и тёплые валенки ещё из Ленинского. То же сделала она и для Алика, которому из другой старой фуфайки вышло целое пальто, мягкое, тёплое, к тому же ещё и с воротником из зайца, пойманного Лёвой на установленную петлю. Этому искусству он научился у местного мальчика, его одногодка Арсения, сына Натальи Петровны, с которым Лёва подружился. На самодельных лыжах они выходили в лес, устанавливали проволочные петли на заячьих тропах, а на следующий день спешили собрать трофеи, пока более крупное зверьё не сожрало или утащило их добычу.

С помощью золы мать выделывала заячьи шкурки и всем троим сшила зимние шапки-ушанки и рукавички, так называемые мохнашки, которые местные жители шили из собачьих или волчьих шкур, и одевали их мехом наружу поверх вязаных варежек. Пальто у Алика из выстиранной и перещипанной ваты было таким толстым и мягким, что он даже не пострадал, когда его лягнул Бурка старика Кондратьевича. Мальчик часто наблюдал за тем, как Кондратьевич подъезжал на санях к пряслам около барака и, не распрягая коня, привязывал его, разнуздывал, задавал ему сена, которое всегда было на санях, и уходил в свою комнату отдыхать. Алик подходил к коню, пытался погладить его, но тот был с норовом, косил в его сторону большим круглым глазом, и однажды даже хватанул зубами за шапку. Хорошо, что тесёмки были завязаны под подбородком, стянуть шапку с головы, а может быть, и пожевать её, этому дьяволу не удалось. На некоторое время охота приближаться к коню у мальчика пропала, но вот однажды он увидел привязанного и жующего своё сено коня без саней. Его снова потянуло к нему, очень хотелось погладить шею, потрогать у Бурки более светлую, чем он весь сам, словно поседевшую, свисающую на левую сторону гриву, как конь вдруг повернулся к нему задом и легко, как бы небрежно, лягнул его в грудь. За счёт того, что мальчик находился совсем близко, получилось, что он не ударил, а только оттолкнул его, как бы отмахнулся от него, оттолкнул его как пушинку, далеко в снег. То, что мальчик не пострадал, можно отнести к тому тёплому, мягкому пальтишку, которое мама сшила ему из старой изношенной фуфайки. Копыто лошади легло точно на грудь ребёнка, можно себе представить, что было бы, если бы оно попало ему в лицо.

Особенно трудно было женщинам переносить разлуку с детьми. В этом плане многие из них завидовали Амильде и ещё семи женщинам, которые привезли детей с собой. Вначале женщины упрекали их за то, что они поступили неосмотрительно и привезли детей на погибель, но сейчас завидовали тому, что они каждый день видят их и сами могут о них позаботиться. Первой не выдержала разлуку с дочерью Мария Пробст, которая больше других ругала Амильду на сборном пункте за то, что она потащила в лес малышей. Уже через полгода разлука стала ей невмоготу, и она стала просить коменданта, чтобы он разрешил ей съездить в совхоз Лангман, расположенный в пяти километрах от райцентра, и привезти шестилетнюю дочку Олю. Она получила письмо от своей матери, в котором та сообщала, что часто болеет, заработать почти ничего не может, и они с внучкой часто голодают, вынуждены ходить побираться. Но комендант, дотоле вроде бы незлобивый человек, часто шутивший с женщинами, заговаривавший с ними иногда по-немецки, не скрывавший, что с детства знал немного немецкий, так как он схож с его родным, вдруг разозлился и категорически отказал.

Тогда Мария дождалась дня, когда комендант снова уехал, и сбежала, чтобы тут же вернуться с дочерью, рассчитывая до его приезда вернуться обратно и поставить его перед фактом, как сделали это другие женщины в момент отправки из райцентра. Однако комендант вернулся на следующий день и сразу выяснил, что Марии нет. Итог был печальным. Из письма, полученного Лидой Фельде из Лангмана, узнали, что за Марией приехали на грузовой машине три милиционера, которые с пистолетами в руках ворвались в квартиру в тот момент, когда она, собрав дочку в дорогу, была уже на пороге, чтобы с ней вместе добираться обратно на лесоучасток. Как узнали женщины позднее из приказа по спецкомендатуре, Марию за побег осудили на три года тюрьмы, разлучив, таким образом, её с дочерью ещё на больший срок, чем это было бы, останься она в Большой Яме. Этот факт привёл в уныние всех женщин. Решили, что комендант сделал это с воспитательной целью, боясь, как бы и остальные женщины не стали убегать за своими детьми. А комендант наверняка, как покажут последующие события, и сам не знал, сколько времени ему ещё придётся удерживать женщин на лесоучастке.

Женщины, ещё более пришибленные печальным известием, продолжали нести свой крест, работать и ждать, что им судьба ещё преподнесёт. Продолжали получать письма, писали сами, переживали за детей, за престарелых родителей, которые впроголодь перебивались с их детьми, но на подобные поступки уже больше никто не решался. Тюрьма страшила ещё больше, а здесь была надежда, что, может быть, обстоятельства как-то изменятся и их отпустят.

Владимир ПЛОТНИКОВ
г. Самара
Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор 9 книг прозы, художественной публицистики и лирики.

Пёстрые картинки из XVI века

Динамические фрагменты романа «Московит и язовит»

Медвежьи тешки царевича Фёдора

...Сперва набежали впятером на мишку – одного, большого и старого, почти беззубого. Потыкали вилами, подразнили, а как он на задние встал – сыпанули кто куда. Одного успел по плечу мазнуть, толстый армяк взмок рябиново. С частокола мигом лесенки однодольные скинули. Четверо взбежали наверх. Пятый же, покренясь на драный бок, тяжело заковылял к помосту, рухнул на колени, руку к царевичу вытянул. Медведь туго заревел и пошёл, лапы нараспашку. Из-за клети выскочили три мужика с факелами, три с рогатинами и псами лохматыми, насилу потеснили зверя к калитке – в пустую клеть за оградой. «Кррык» – засов задвинут.

Арбат всполохнулся, зажужжал:

– Берлогин-то слепой с Афони Афонского.

– Во-во, разик цапнул – из пору изошёл.

– Жидко место, не медведь.

– Хвалебна честь с таким топтаться.

– Дядьке большому так забедно.

– А ты сам поди – сведай.

– Во-во, Серко, чем наперёд учить, поди, Потапа задери – званья не останется.

Упрёк пал на зрелую почву, с вечеру брагой недобро улитую. Уеденный и угрюмый, с пепельным лицом, на площадку сиганул новый боец. Затянув волчий, бесцветной облички тулупчик, сухопарый, с острыми кулаками, он резко поклонился на ближние купола, затем на помост, швырнул под ноги затёртый треух, сальные рукавицы вразброс. Мимо него, пошатываясь, теряя кровь, с царским алтыном в кумачовом мокром кулаке, шастнул к калитке задетый.

По тающей улице заметелило:

– Серко Намятыш.

– Страсть Божия, охудал-то, охудал. Ей-ей, не признал бы...

– Пропился, за пятак жизнь закласть готов...

– Ты не лживь, из боёв он. От Лук, от самых продирался.

– То-то, гляжу, продрался. Утресь дома, в ночь бабу зарезали... На помин рукавки и остались.

– Выслужил, воин!

– И ты бы выслужил! Поотпевал бы пять дён...

– Без пробуды, гы-гы-гы!

Царевич на крамолы лишь помигивал. Ему было скучно. Годунов отринул от щёлки, взобрался на помост.

– Боярин...

– Годунов...

– Это Бориска который... – кисельно всколыхнулся Арбат.

Завидев Годунова:

– Никак шутиху затеял, Серко? – зыкнул от противной стенки дворянской стати малый в синем опашне.

Серко скребнул дурным глазом:

– Я, чтоб шутиху?! Хрен, – отрезал хрипло, – с кровянкою! Но токмо чур – хрен сам выберу.

Царевич Фёдор оживлённо захлопал ресницами, сунул в рот медовый палец, да быстро отнял. Ещё не раж, уже приценка!

– С кем покусаться хоцца, Намятыш? – строго вопросил упревший толстяк в расстёгнутой шубе малинова крою. Яков Тыква, бывший медвежий ловчий, распорядитель игрищ. А проще – «медвежачий».

– По мне хрен един. Хошь, Мыка. Хошь, Потапа кликай...

Сдержанный гул проредил ряды. Потап был самый свирепый из медвежьей рати. Да только и Намятыш молодец не про овец. Три мишки царских на шее «висят». Садит дерзко, держит вязко, не соскочишь. И ни разу за деньгу, – за «допьяна».

Но, что верно, то верно, нынче подкачал Серко. В походе ль исхудал, а спохмела потряхивало? Его беда: с косолапым «дружат» плотно – ни шва, ни прогалка.

Медвежачий Тыква скупо смерил смельчака, кивнул со степенью и свистнул. Из калитки выплыл старший ловчий, тот самый справный малый в синем опашне, с пятью рогатинами, предъявил пропойце.

У двух под стальным роженом переборка, у третьей – круглое «яблочко». Ещё у пары скепище (древко) толще, а рожен чуть длиньше, но без поперечины.

Намятыш, деловито прищурясь, оглядел; остриё слюнявым мизинцем пощупал; в снег ткнув, давануул с упором, погнул с открячем. Жёсткие и гибкие отсеял. Выбрал самую невзрачную, средней упругости, с длинным роженом.

...И вот зверь на воле. С виду тощ, костляв и, покуда на своих четырёх, кажется крупным бурым волком.

Намятыш повернул рогатину и шагнул. Примерился, шагнул ещё. Потап насторожённо, искоса следил, потом резко встал на задние лапы и отрывисто рёвнул. У Намятыша дёрнулось левое ухо – кабы не оглох. Зазор – шагов десять, не более. Медведь тихо опустился на свои четыре и заурчал.

Радостный посвист поощрил двуногого.

– Потап, маленький, не робей, кусь-кусь собаку! – тоненько пролилось с помоста. Встрепенувшись, царевич, один на весь Арбат, взял сторону любимца.

Топтыгин, будто и не слыша, как-то трусливо дёрнулся к краю загона. Это было встречено глумливым «Улю-лю» и иступлённым «Давай, Серко, не плошай! Намятыш, большину бери»...

Народ взбодрился. Только Серко, сразу видно, не из тех, кто толпе внимает. Глухой, не падкий на восторги, он просто пёр за что-то, ему лишь знамое. Зверь пятился, пятился и... вывернулся задом.

Вдруг густо заблестев от жаркой росы, Серко в два шага мощно разогнался, руки давили подрагивающую скепь.

– Нельзя, Серко, легше-легше! – ревел синий ловчий.

– Взад ступи и карауль, – подсказывал, бледнея, вполшёпота купец.

– Ослаби ратовище! В лёготку надоть, – забыв про всё, надсаживался круглый лоточник, роняя, сыпя пирожки в ладошки дошлой лохмотушки.

– Под грудку искрадом лови, – хрипел, отрываясь от сулеи, подозрительный дядя с подбитым глазом.

– А хорошей бы под яйцы! – дремливый стрелец, и тот, голос подал.

– Эх, к чему гласит, дурень? – не сдержался, в визг ушёл пронырливый ярыжка.

И как в воду глядел! Потап внезапно обернулся, лунные клыки ощерены, и всей тушей, немедля – в проброс. Охотник сердце угадать норовил. Но с лисьей ловкостью чудище извернулось. Рожен прошёл грудину слева, но как-то уж слишком вольно и вбок. Вспарывая будто тесто, пятивершковый остряк вылез из спины. Дырнув шкуру, сталь насаживала тушу, не вредя нутру. И уже миг спустя хищник вздыбился, разметался тучей. Ещё миг, и бурая тьма поглотит человека. Серко рыпнулся суетно, в землю ратовище уставил – задержать!

– Ну, теперя в лёготку его, – отпевали с жалостью в рядах.

– Эх, лепёшка! – лотошник плюнул в оттянутый подол с его же пирогами.

Всамделе, осадить Потапа не могло ничто – ни голый, без стопорящей поперечины, рожен, ни собственное жёсткое мясо с костями, меж коих сквозанула смерть. Ещё миг-другой, и под бурой, ревущей громадой сморщилось жалкое. Кто был слева, видел, как трепыхнулся сапог, а из голенища вылетел жгучий голубь. Нож! Впустую. Зависнув при взлёте, он дёрнулся и всё – крохоткой слюды мутнел беспомощно на красном снегу.

Миг третий – и снизу, вперемешку с рёвом, хрустом, бульком, треском, истёк давленный, жидковатый, стухающий писк... В нём было мало человеческого. Порхнула алая стёжка, за ней ручей, и сразу набежала лужа. По бокам брызгало бусами – белое с красным и красное с белым...

Лепёшка. Без потрохов.

В рабство!..

Солнышко татарского блюда высеребрило луною. Луна бледнела, проступили лоб, нос, рот. И лиловая молния взрезала левый глаз, вспахала щёку.

Ты ли это, Малаша?

Сознание смерклось, луну заволокло, а память перевернулась. И там, на донце загустело небо. И луна с колодезного неба была живою, чистой, без зигзагов. Ты невольно залюбовалась...

...«Иго-го»... Рядом верный Гневка – брат Истомина Метки. Беспокойно переминаясь, чуть не взвиваясь на дыбы. Встревожен? Возбуждён... Без малого три часа скакала по полям, сбивала яблоки, дырявила листву. Лук из ясеня с роговыми накладами – Олимпиева работа. Он же стрелять выучил. «Не всяк мужик похвастает глазомером твоим, прицелом и твёрдостью рук. Но один лишь на сто стреляет с левой как ты, Малаша».

Скоро месяц, как отошёл Медовый Спас, и втора седмица, как Истома в град стольный упалил. Евдокия Филипповна, матушка Истомы, и Катя, старшая дочка, с утра на телегу – и к пчельникам. Те днесь мёд с бортей сняли – отстоялся. Сперва за мёдом, после к отцу Олимпию.

Ведро, достигнув, взбултыхнуло небо...

Вжюх-вжюх! Цок-цок-цок! Чик-чик! Где-то близко, – не за углом ли, – смешало топот, свист, короткую дробь. Когда подняла голову, колодезный журавль обернулся ёжиком, а избу слева шершавили перья.

Стрелы!

Треск дерева и другой – страшнее. Ломко запели прясла, а небо жальнул паук, раздувшийся и чёрный. Ещё миг, и сажа выстилает окоём, жёлто-яростные языки подлизывают кровли.

А следом – один, два – и вот уже из-за избёнок, как осы на навоз – конные. В острых шапках, глаза долгие, уже и злее лука. Щёки босые, ниже рта – колючки. Одно и умеют – тетиву без утыху спускать. На локтях бечёвки намотаны.

Татары?!

Ленивее, чем в пьяном сне, видишь ты Евдокию Филипповну и младшенькую – Олю.

– Улю-лю, ала-ла, фьюить!

Петлистые змеи сигают на русские шеи.

Пять-шесть истомкинских мужиков, озираясь, помахивают, кто оглоблей, кто колуном, кто выломанной заплотиной. Размеренно и равнодушно татары разят их. Кого слабее, – саблей. Кто посильней, – стрелою.

Бегущую, подобрав подол, ладнее кобылицы, мать Истомы в хищном броске с седла сминает мелкий басурман, садко бьёт, гася стон, в грудь и за распущенные косы тащит в малинник. Откуда-то сбоку ещё один – подсекает, бьющуюся, за ноги. Трещит навершник, хрипло обрывается крик.

Третий со слюнявым «ци-ци-ци» арканит Олю. Накольцовывая на рукав жут-бечеву, скалится и, неспешно, но сноровисто подтягивает к себе, потом одним рывком перемахивает через седло приземистого бахмата. Бейся, не бейся, Оля, кончилась воля, дальше – неволя.

Одна лишь ты в усторонье...

Всё это пронеслось за долгий час по имени миг. А уже в следующий ты тихо пятишься к коню, там колчан с олимпиевым луком. Почти дотянулась. И: «Хи-хи», – кисло шпарит нос и ухо.

Попалась...

– Ай-яй-яй, якши ханум!

Сбоку, из ада выпростанный, сгребает её, перебивая сапогом под коленками, пиглявый татарин. Верхние девичьи горки больно проминают каменные когти. В челночных глазёнках лютая посмешка – зверя торжество. Прищурясь на близкую щёку, Малаша молча куснула – горький обветренный щебень.

– Вай, джаляб!

Ба-бах-ах!!!

Всё сделалось глухим и чёрным.

Рабство?!

Первое слово, пришедшее на ум, как только открывшиеся глаза научились видеть. Короткое, хлёсткое, неотменимое, как плеть о плоть.

Ещё через час она знала всё.

Борис ФРОЕНЧЕНКО

г. Харьков, Украина

От автора

Родился 9 мая 1941 г. в Харькове. Окончил факультет древней истории ХГУ, участвовал во многих археологических раскопках: на Украине, в Крыму, в Грузии, в Средней Азии. Основную работу совмещал с профессиональным туризмом: пешеходным, водным, горным. Помогал создать в Харькове клуб туристов, работал там инструктором и участником горных спасотрядов. Был одним из инициаторов конкурсов «туристической песни» и организации «Клуба самодеятельной песни» в Харькове. Открывал первый харьковский фестиваль КСП и был членом жюри.

Литературой увлекался с детства, но ввиду активного образа жизни не уделял ей большого внимания. После Чернобыля активный образ жизни стал мне недоступен, и я вновь обратился к поэзии, а затем и к прозе.

Печататься начал с 2009 г. Издал 3 сборника стихов: «Капли сердца», «Караван» и «ВЕХИ», а также сборник прозы «Я время воскрешать могу». Являюсь членом творческих Союзов Украины и России.

О мифах, былинах, сказаниях...

Эссе

Мифы... былины... сказания... В них живёт душа народа...

Но, начиная с древнейших шумерских сказаний о Гильгамеше и Энкиду – «О древних богах и героях», в них виден налёт горечи и жестокости... Такой же налёт есть в древнеегипетских и древнеэллинских сказаниях, не говоря уже о древних и средневековых сказаниях германских народов. Перечитайте хотя бы «Сказания о Нибелунгах». Они все насквозь пропитаны жестокостью, убийством и ненавистью.

Чем закончились подвиги белокурого Зигфрида? Мало того, что он погиб сам, он буквально обрёк на гибель всю Бургундию, не говоря о предательстве по отношению к женщинам, которые его любили.

Теперь возьмите мифы Древней Эллады. Они также пропитаны предательством, изменами и убийствами, причём этим «славились» не только эллинские герои, но и эллинские боги. Например, миф об Эдипе, Язоне, Медузе Горгоне...

А как закончили свои дни величайшие герои Древней Эллады: Геракл, Тезей, Беллерофонт, Кадм – основатель города Фивы?

А теперь посмотрим на былины славянских народов. Казалось бы, сюжеты почти одинаковы, но русские богатыри никогда не изменяют своему Отечеству и всегда сражались против всех и всяческих захватчиков своей Родины.

Русский богатырь – это не некая волшебная сущность, а символ русского народа – в виде могучего, но со всеми достоинствами и недостатками, обычного человека. Он в одиночку не настолько силён, чтобы побеждать все и вся, но в каждом из них отражены наиболее традиционные черты русского человека.

Илья Муромец символизирует осознание превыше всего ставить защиту своей земли, невзирая на свои проблемы; Алеша Попович не силой силён, а «напуском» смел – т.е. упорством, отвагой и тоже готовностью пожертвовать своей жизнью ради спасения своего Отечества;

Добрыня Никитич символизирует отсутствие жестокости и гуманность к побеждённым – «лежачего не бьют» и, тем более, не издеваются над ним, как это характерно для всех типов европеизированных нацистских «арийцев».

А Вольга, символизирующий свободолюбие русского человека? А Микула Селянинович? В его имени уже заключена любовь к своей земле и также самоотверженность в её защите... Вот эти качества русского народа и являются богатырскими! В них и есть непобедимость славянства и его непокорность постоянным попыткам чужеземного господства! Эти качества – не товар для побочного дохода.

И земля русская – не территория общего грабежа, а ни за какие подачки непродажная Дедина и Отчина!

Воспеваются в русских сказках и былинах и богатырские качества славянских женщин, которые наравне с мужчинами защищали землю русскую – в отличие от женщин европейских, которым уготована только одна роль – смиренной бытовой служанки... В русских былинах славянских женщин называют «полянницами» – богатыршами, которые наравне с мужчинами сражаются за свободу своего на-РОДА, за возможность жить по традициям Своих предков – тех, которые цементируют множество разрозненных единиц в единое множество наРода.

(Ведь наРод – это нарождаемый в поколениях Род предков, передающих своим потомкам свой язык и письменность, своё историко-литературное наследие для продолжения, свои культурные и социальные традиции, главной среди которых у славян была социальная духовность взаимопонимания и взаимопомощи. И недаром самым главным дохристианским богом славян был Род!)

При этом русская богатырша, в отличие от героинь других народов, всегда сохраняет верность избраннику своего сердца.

Но чтобы заслужить честь стать её избранником, мужчине нужно было победить такую «богатыршу» в бескровном поединке, продемонстрировав лучшие мужские качества – ум, силу, ловкость, отвагу и доброту.

Во времена постоянных захватнических войн против Руси именно такие качества были востребованы для славян! Эти качества и сложились в исконные традиции русского наРОДА. И никаких чудес, волшебства... Ничего сверхъестественного. Потому и был он богатырским – пока Запад не взялся уничтожать в сознании русского человека традиционные черты его исконной ментальности, подменив их чуждыми для русичей, заведомо развращающими и разрушающими их само-осознание себя единым наРодом, превращая их в раздробленное и растленное стадо человекообразных, уже безопасных для завоевателей...

«Разделяй и властвуй»... («Старинная латынь им верно служит»). А ведь прежде все эти захватчики традиционно относились к чёрным силам русских сказок и былин... Например, Змей Горыныч, который олицетворял византийцев, Тугарин Змеевич или Соловей Разбойник, которые были символами кочевников (татар, половцев, печенегов, авар и прочих). Самым ярким представителем кочевников в русских былинах и сказках был Кащей Бессмертный, а точнее – Качей Бессмертный (Качей – от зрительного восприятия катящейся по степи лавины кочевников, а Бессмертный – потому, что одного убитого кочевника сразу заменяли двое и так до бесконечности... Самое же главное – русский народ никогда не полагался на чужеродных богов в защите своей земли и никогда не искал наживы за чужой счёт: «Делай сам, и тогда тебе помогут боги» – всегда было его заповедью.

Ни одно поколение русского народа не прожило без войн и разорений, как ни одна страна в мире, ибо всем богата земля русская и чрезвычайно много желающих завладеть её богатствами. Потому и сегодня русскому народу для постоянной защиты своего Отечества нужны именно такие богатырские качества, которые воспеваются в русских былинах и сказках... А если изменит своим извечным традициям народ русский, то долго не продержится и станет лёгкой добычей захватчиков современных, которые гораздо коварнее прежних...

20.09.13 г.

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Кавалер ордена Серебряного Орла, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов». Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах.

Икона

Рассказ

В калитку громко и очень настойчиво стучали. Лежащий на покосившемся деревянном крыльце старой, но добротной хаты чёрный лохматый пёсик никак не реагировал на этот шум. Уютно примостив на передние сложенные углом лапы небольшую голову, он и ухом не повёл, всем своим видом подчёркивая равнодушие к стукам: «Стучите, хоть лопните, а я сплю!» Из погреба, переоборудованного в спальное место, с громкими охами выбралась тётка Тихоновна и утиной походкой, переваливаясь с ноги на ногу, пошла в сторону калитки, приговаривая:

– Зайилы баглаи! Шо за баштак громыхае, як аггел?*– и, проходя мимо пса, прикрикнула: – Майдан, бисова нивира!** Чи лаить разучився?

Пёс Майдан нехотя поднял голову, потянулся всем телом и, спрыгнув с крыльца, побежал за хозяйкой.

– Дарья Тихоновна, гуманитарку принимай, – за калиткой раздался голос Танюшки – девчонки лет семнадцати, развозившей в старой детской коляске по дворам одиноких стариков хлеб, сахар, крупы и макароны. – Достучаться к вам не могла, уже заволновалась, живы ли вы с Майданкой?

– Танюшка! – обрадовалась женщина и на чисто русском продолжила: – Так что ж ты стучишь? Заходила бы во двор! Чай, не заперто! Мы с Майданом двое суток без сна, без еды были, вот и спим теперь, как убитые, пока не бомбят, да и кушать во сне меньше хочется! Заходи, девонька, заходи! Сейчас чайку с малинкой да вишенкой, у меня осталось чуток, сама не ем, для тебя берегу.

– Нет, Дарья Тихоновна! Не могу! Мне ещё к Гейко и деду Притуле надо успеть, а по прогнозам после полудня опять утюжить будут! Папка сказал, чтобы успела; коли попаду под бомбёжку, так он меня больше слушать не станет, к Верке нашей на Кубань отправит силой!

– Эх, Танюха – пустобрюха, ты бы послушалась отца-то! – принимая в подол фартука принесённые дары, улыбаясь сквозь неожиданно нахлынувшие слёзы, выдохнула из себя Тихоновна. – Где это видано, чтобы красавицы да умницы под бомбами погибали?

– Ага! Щас! Я поеду шкуру свою спасать, а Юрка без меня Родину защищать будет. Я, Тихоновна, тоже люблю и станицу нашу, и заповедник, и балку Киселёву: мы с Юриком там и познакомились, и венчаться будем после победы там же, – поглаживая по спине довольного Майдана, скороговоркой выпалила Таня. – Ладно, будьте здоровы, бабушка Дарья! А я дальше поехала...

– Тётка я тебе, слышь, тётка! Ишь придумала – бабушка! Я сроду бабкой не была! Нетути у меня внучатков, а теперяча и не будет николи, – грозно прокричала вслед удаляющейся девчонке то ли тётка, то ли бабка.

Дарья Тихоновна – женщина на вид лет шестидесяти, а по паспорту далеко шагнувшая за семидесятилетний рубеж, высокого роста, статная и бойкая на язык, в любой компании была заводилой. Удивительно, какой щедрой оказалась к ней природа – ни лишнего веса, ни глубоких морщин, ни дряблой, обвисшей кожи. Ещё до войны схоронила женщина своего Митрофана, детей им Бог не дал, и жила она одна в уютной казачьей хате, окружённой вишнёвым садом, в глубине которого с тыльной стороны располагался богатый, ухоженный малинник – гордость не только самой Тихоновны, но, пожалуй, и всех станичников. Родители Татьяны приходились ей очень дальними родственниками, впрочем, в станице почти все были друг другу роднёй, даже пришлые «понаехи» с удовольствием отыскивали родственные корни в архивных справочниках и словарях, благо интернет, появившийся чуть ли не в каждом доме, помогал им в этих поисках. Так и жили – не тужили! Влюблялись, женились, деток рожали, родню находили! А тут, как проснувшийся вулкан, извергая боль, страх, ужас – лавиной накрыла станичников война. Люди бросали дома, машины, скот и уезжали к родственникам в братские страны. Остались только те, кому ехать было некуда, и те, кто не мог бросить в беде свою землю и рьяно защищали её от своих идейных врагов.

Станицу несколько дней подряд обстреливали таким плотным огнём, что многие дома, не только деревянные, но и кирпичные, лежали в развалинах. По соседству с Тихоновной уцелевших строений уже не было – обгоревшие, полуразрушенные, без окон и дверей, с пробитыми крышами и упавшими заборами, наводили они мертвецкий ужас на тех, кто проходил мимо. И только хата Дарьи оставалась целой и невредимой; да что там хата – и забор, и сарай, и великолепный сад. Как только начались обстрелы и бомбёжки, каждый вечер стала обходить женщина с иконой в руках вокруг своего подворья по три круга, нараспев читая вслух все молитвы, которые знала ещё от своей бабушки. Рядом рвались снаряды, свистели мины, а она знай себе ходила и крестила свою хату, двор, сад старинной иконой, которую ещё её прародительница – бабка Аграфена спасла из разрушенной станичной церквушки в двадцатые годы прошлого столетия. Исполнив ритуал, укутывала икону в вышитый красными петухами рушник и только тогда спускалась в погребок, где её всегда поджидал перепуганный, скулящий от ужаса любимец – молодой пёсик Майдан. Погребок,

выстроенный лет тридцать назад трудолюбивыми руками Митрофана, был небольшим, скорее, даже, можно было бы сказать – маленьким, только и того, что глубоким, под стать хозяйскому росту с вытянутой вверх рукой, плюс метровой подставкой под ноги. Выложенные кирпичом стены были увешаны тяжёлыми металлическими полками, которые хозяин самолично сварил из массивных труб и толстолистовой стали. Полки висели друг над другом и были каждая высотой с полметра, не больше, чтобы размещались там только трёхлитровые банки с соленьями, да ещё те, что размером поменьше – с любимым вареньем. Расположенные с трёх сторон погреба, они оставляли посередине узкий проход на одного человека. Закрывался погреб тяжёлой металлической дверью и имел воздухоотвод, как и полагалось по правилам подземного строительства. Тихоновна соорудила на забетонированном полу себе постель и полусидя, потому что лёжа вытянуть ноги во весь её солидный рост не получалось, вместе с Майданом пережидала бомбёжки и обстрелы среди опустошённых банок, пустой кадушки и глиняной макитры, в которой раньше вызревал ядрёный хлебный квас.

– Майданушка, потерпи, я зараз кулиш стелёпаю, – размяв затёкшие ноги, твёрдым шагом пошла женщина в сторону кухни, где стоял старый, видавший виды керогаз. И тут как ухнет, как бабахнет! Майдан, поджав хвост, с диким визгом стремглав понёсся к погребу. Тихоновна побежала за иконой – сегодня обхода она ещё не делала – и торопливо, под громкую молитву, освободив иконку от рушника, быстрым шагом пошла вдоль забора.

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его, – трижды перекрещивая иконой всё, что попадалось ей на пути, почти бежала мгновенно постаревшая и осунувшаяся от дикого страха женщина. Закончив читать одну молитву, тут же начинала другую: – Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна...

Рвались снаряды, под их свист молитвы сменяли одна другую, голос Дарьи крепчал, и всё твёрже и твёрже звучало в конце каждой заключительное слово «Аминь».

Зацепившись ногой за обгоревшую корягу, которую, вероятно, забросило к ней во двор взрывной волной, Тихоновна распласталась на земле, широко раскинув руки и ноги. От неожиданного удара о землю икона отлетела в сторону.

– О, Господи, Боже святый, – прошептала женщина. – Икону уронить – к беде большой! О, святии священномучениче Киприане и мученице Иустина! Внемлите смиренному молению моему!

– Тётка Дарья Тихоновна, Тихоновна, вы где? – услыхала она срывающийся на визг крик Татьяны. – Помогите мне, очень вас прошу. Юрку моего осколком задело, он без сознания.

Таня, взвалив себе на спину крепкого чубатого парнишку, не подававшего признаков жизни, низко склонившись под тяжестью обмякшего тела, перекинув обе его руки себе на шею с двух сторон, ухватившись за них, еле волокла своего дружка. Носки его крепких массивных ботинок оставляли на тропинке глубокую борозду, а девчонка с каждым шагом теряла последние силы.

– Давай подсоблю, вдвоём оно сподручнее! – тётка Дарья подставила своё сильное плечо. – Не смей рыдать! Упаси Бог – в обморок хлопнешься! Мне двоих не дотащить! – громко приказывала, стараясь переорать свист и грохот рвущихся снарядов, Тихоновна.

– Да как же мне не плакать? Он на встречу шёл, улыбался, радовался. Командир наградил Юрасика увольнительной. А тут как бабахнет, и он прямо на моих глазах падать стал, – заливаясь слезами, надрывно всхлипывая, кричала в ответ Таня. – Спина у него вся в крови, туда, наверное, осколок попал. Не было времени его осмотреть. Сейчас у вас в хате вдвоём осмотрим.

– Нет, в погребок, Таньша! В погребок! Там безопасней! Вы с Юрком оба невелички, вместитесь! Шибче-шибче вниз спускайся, николы круголя давать, а я тоби хлопчика спихну по дробыне[***], як с горкы! Майданку на полку загони, ему в самый раз! Справа на нижней полке свечка и спички, а в жестяной банке бинты и йод, – проглатывая в спешке половину окончаний слов, раздавала команды Тихоновна.

– А вы, бабушка? Мы же все тут не поместимся! – запричитала Татьяна.

– А я пиду в хату! Сама знаешь, заговорённая она! Ничего со мной не случится! Не боись, девонька! – Тихоновна прикрыла плотно дверь и посмотрела в сторону вокзала, расположенного метрах в ста от её двора. Похоже, что лупили туда, но нет-нет, да и падал какой-нибудь снаряд прямо на соседние домишки, и без того уже разрушенные, да ещё и в непаханые огороды, оставляя глубокие воронки. Дикий вой, дым, огонь – страх Господний!

– Ах, ты ж, Боже мой! Икона! – вспомнила бабка Дарья и прытко побежала в сторону сада, где, зацепившись за корягу, падая, выронила из рук икону и рушник. – Господи, отведи беду и напасть. И все семьдесят семь несчастий, – шептала она, мелко-мелко крестясь.

Не видела Тихоновна, как летел в её сторону снаряд, не почувствовала, как впечатал он красивое женское тело в землю: метров десять не добежала она до иконы, которую тут же накрыл огромный земляной вал, очень похожий на Девятый – со знаменитой картины Айвазовского. Раскидистая старая вишня рухнула рядом, неуклюже задрав вверх толстый ствол, так ровно и гладко срезанный у самого корня, словно это была работа знающего своё дело мастера. Немного погодя, второй дико воющий снаряд прямиком угодил в хату, пробив крышу у трубы. Вспыхнул пожар, затрещали деревянные балки, и... повисла в воздухе звенящая тишина, словно и не было войны, и не стреляли никогда пушки, миномёты, зенитки и автоматические гранатомётные комплексы.

И вот тогда дикий, страшный вой Майдана разнёсся по всей округе, наполняя её отчаянием и безысходностью.

---

[*] Замучили бездельники! Что за незнакомец стучит, как чёрт?

[**] Майдан, (лёгкое казачье ругательство), или лаять разучился?

[***] лестница.

Олег КУИМОВ

д. Мильково, Московская обл.

Родился 13 ноября 1967 года в Кировакане (Арм. ССР). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Луч», «Наш современник», «Север», «Берега», «Дон», «Нижний Новгород», «Отчий край», «Вокзал», «Лампа и дымоход», «Южная звезда», «На любителя» (Атланта), «Южное сияние» (Одесса) и др., а также в СМИ Армении и Белоруссии.

Лауреат ряда литературных конкурсов и фестивалей, премии журнала «Сура» за 2016 год. Золотой дипломант премий «Золотой витязь» и имени П. П. Ершова за книгу сказок на тему русских народных пословиц.

Последний штрих

Рассказ

По «суриковке» слух прошёл: появилась натурщица красоты необычайной, Катенька. Заволновался народ, под любым предлогом в класс заглянуть норовит. И то! Как не полюбоваться на такое чудо! Сказать: красота редкостная – и так уже понятно. Описать – сколько уже красавиц за тысячи лет описано, попробуй незаезженное слово найди из тех, что Катеньки достойны! Так стоит ли тогда повторяться и новый кафтан старыми нитками шить? Не то будет. Одним словом, глянешь в глаза – пропасть можно: небо одно, небо и небо, высь и высь без конца и без края. И с земным никакого соприкосновения. Если и рисовать с кого ангела, то только с неё. «Совершенство линий», – лучше, чем преподаватель-монументалист Николай Евгеньевич, про Катеньку и не скажешь.

За это совершенство линий и ухватился он, как утопающий за соломинку. Стал тоже вместе со своими студентами Катеньку писать. Увлёкся, с упоением. Ещё бы: такими дарами судьбы только глупцы разбрасываются.

Обещал Николай Евгеньевич когда-то в настоящего художника вырасти, да на его беду затрубили медные трубы после первых коллективных выставок, полилась река винная, да за жизнью весёлой и развеялось, растаяло дымом сквозь пальцы особое художественное видение; одно мастерство осталось; хоть и значительное, а не Дар – всё равно как тело без души.

Спохватился годы спустя Николай Евгеньевич, за ум взялся. Да до поры думал, что наверстал упущенное и что приблизился со временем вплотную к совершенству в мастерстве, почти достиг творческого абсолюта. Вот-вот – и всё, предел, выше некуда. Разве что чего-то не хватало, какой-то неуловимой малости, вроде лёгкого штришка. И напрягался в поисках его, искал через добросовестную работу, через размышления. Казалось: ещё миг, ещё движение – и уловит. И вдруг, когда лучшие годы давно промелькнули, сам не понял, как оно вышло, но словно пелена какая-то с глаз упала; и предстало перед ним то, что раньше верным казалось, совершенно в ином ракурсе. Барахтался, оказывается, всё это время по поверхности, потому что таланту его недоставало глубины мышления. С грустью осознал Николай Евгеньевич, что подлинное мастерство только начинается. А он-то думал! Только начинается! Когда жизнь к чёрной линии покатила-понеслась. Вылились, выходит, теперь чёрными слезами утраченные годы полупраздного существования. И самоуверенность да звуки медных труб вот как теперь вороньим карканьем откликнулись. Не тех людей, получается, слушал, а от честных отворачивался: завидуют, мол.

И до того страшно стало, оттого что столько лет затрачено впустую, такая тоска в душу заползла, что хоть бросай всё да на край света беги. Тошно, страшно, больно и, хуже всего, что очень уж далеко отшагал не в том направлении за миражом. Но за линией собственного творческого потолка, в который столько лет головой бился и который теперь всё-таки преодолел, как истинное откровение, а не заезженной до дыр безликой аксиомой явилась ему вечная, как мир, мудрость: овладение мастерством, как и познанием, бесконечно и потому невозможно, но преодоление каждого его миллиметра всё равно счастье. И то, что сумел принять, – благо! А что не смог, – тоже благо, но не твоё – кого-то другого, того, кому хватит и дара, и времени, и напряжения. Но нет ничего без блага. И нет его только в лености – позорной, обессмысливающей саму жизнь человеческую.

И когда переболел Николай Евгеньевич этим суровым откровением, то с радостью понял, что только трудолюбие и уберегло его в итоге, вывело на верный путь. Но опять-таки: не находилось теперь достойной темы. Вот потому и увидел в Катеньке редкий шанс настоящее сказать, чтобы помнили, чтобы радовались.

И как же Катенька у него пошла. Полетела – не остановить! Давно так не писалось, чтобы ничего более не хотелось, чтобы каждая первая мысль поутру – о Катенькином образе. Летит девочка – вот оно, настоящее, – выпестовывается. Ай да Катя! Всем Катям Катя! Положила, знать, судьба удачу на его пути.

Эх, художник! Улетела душа в неведомую высь, оторвалась от земли и того, что на ней деется, видеть перестала. Ладно бы о том, что есть-пить надо, не помнила, ладно бы, если все заботы из головы вылетели. Это всё мелочи! Беда же таилась в сластолюбивых взглядах на Катеньку собственного ученика Максима Перевалова. Решил он Катеньки во что бы то ни стало добиться, мало того – поспорил.

Фортуна Максиму благоволила. Так уж звёзды распорядились – генеральских погон отцовских. Кто из великих художников не был знаком с курировавшим культуру невысоким балагуром из конторы? А кое-кто и дружбу с остроумным знатоком живописи водил. Так что, когда у генеральского чада талант открылся, вместе с ним и необходимые двери открылись. Учился Максим в суриковской школе, лучшие педагоги ещё на дому с ним занимались. И технику ему поставили, и

мозги в нужном направлении настроили. В институте он быстро выделился, и вскоре ясно стало, что, при наличии открытых для него дверей, художническая масса ещё одним маститым вскоре прирастёт. А вот малое братство настоящих художников его не ждало: ничем новым, неожиданным не цепляли его работы. И хотя и почерк свой Максим быстро нашёл, но то всё лубочные картинки – народ поразвлечь оригинальничанием. Однако какое дело девушкам до живописи высшего порядка. Поимо упомянутых достоинств, был Максим собой очень хорош, и неудивительно, что в институте он не просто пользовался большим успехом среди женского пола, а даже отказа не ведал.

А Катенька, кто она? Приезжая из какого-то волжского городка, не то тверской стороны, не то саратовской. А в столице жизнь красивая, весёлая. Одно слово – праздник! Вот оно веселье – руку протяни. А оно для других, для тех, что побогаче, посноровистей. И оттого особенно обидно, тем более что и сама красотой да умом не обижена. Как ни крепилась Катенька, а не устояла перед Максимом. Жить-то ведь хочется с восторгом, а не просто жить. А что, будущее у него многообещающее, и сам видный собой. И началась у неё другая жизнь: красивые наряды, богатые рестораны, известные вечерние клубы. Поверила, что Максим ей такую счастливую жизнь до конца дней обеспечит. Мало что поверила – полюбила парня. Закружилась без памяти головушка у девицы.

Глянул однажды утром Николай Евгеньевич на Катеньку, а глаза у неё светятся, сияют; скачет, рвётся из них наружу счастье солнечными зайчиками. «Эх, как хороша сегодня Катенька! – думает. – Как жаль, что не смогу глаз твоих сейчас взять, не потяну. Эх...» – вздохнул горестно, жалея, что вчера перебрал чуток с друзьями на радостях после выставки. И принялся детали завершать.

Как же он после сокрушался, что не отважился к глазам Катиным приступить. Обманул Максим Катеньку, пауком мохнатым оборотился. Взял своё да и уполз в укромное место свежей добычи дожидаться. А впрыснутый им яд потёк по Катенькиной душе, обезволил, высь безбрежную в глазах выел. Какая тут высь после всей той Камасутры, которой он её обучил. К тому же без тусовок и прочих развлечений жизнь тоже уже не в радость была. Изменилась Катенька и не могла уже прежней стать, даже если бы за неё душу свою кто положил. Сама не заметила, как превратилась в обычную паучиху. С виду всё та же девица-краса, да только настоящего художника не обманешь: получше всякого сверхсовременного рентген-аппарата видит. Что там Николай Евгеньевич заметил – паучьи ли лапки, присоски ли, но то, что главного в ней уже нет, сразу определил. Опечалился. Сердитым воробьём нахохлился.

Надо заметить, что дело к зимней сессии шло. И как узнал Николай Евгеньевич, про Катеньку с Максимом, так отказался ему зачёт ставить. Наедине, еле сдерживаясь, чтобы не взять за грудки, высказал: «Ты что это учинил! Ты думал, никто не узнает, кроме твоих дружков, как ты девочку развратил?! Хвастун! На весь институт растрезвонил. Зачем девочку было портить?! Ты Бога распял! Понимаешь!!! Самым натуральным образом. Если уж не в своей душе, то в её-то точно. Если ты не понял, что сотворил, то тебе никогда не стать художником. Даже если бы ты собрал всех шлюх Москвы, это не помешало бы тебе стать настоящим мастером. Но за Катеньку ты никогда им не будешь. Никогда! – повторил преподаватель металлическим голосом. – Да такая одна на миллион, а то и больше. И где я вторую найду?! В Москве двенадцать миллионов народу, а такая, может, одна ещё и есть, и то не знаю. Всю Москву перелопатить можно, а не сыщешь. И в провинции целую жизнь искать будешь с тем же результатом. Я ведь пишу её, а закончить теперь, получается, из-за тебя не смогу. Весь труд насмарку... Ты глаза её видел? Это же чудо! Дар Божий! Врубился? А теперь уже нет тех глаз. Другие они. Эх ты...

Николай Евгеньевич замолчал, не находя слов от негодования. В возникшей тишине отчётливо прозвучал зубовный скрежет. «А для того чтобы мазней заниматься, диплом не нужен, – продолжил он после короткой паузы. – Так что зачет я тебе пока не поставлю... в науку».

Максим понуро молчал, и Николай Евгеньевич, дав выход своему негодованию, поостыл и уже спокойнее сказал:

– И вообще, перевелся бы ты к Илье... к Илье Петровичу. И хотя переходы у нас не приветствуются, я поспособствую... проблем не возникнет, обещаю.

– Хорошо, Николай Евгеньевич, – повернулся, не поднимая глаз, Максим и уже в дверях бесцветным голосом тихо сказал: – я подумаю.

– Думай! Хорошенько подумай!

Загоревал Николай Евгеньевич, запил. И как не запить, когда дело всей жизни срывается по вине какого-то мальчишки-мажора. Такая боль скрутила, оттого что душу, наконец, в картине получилось распахнуть и вот, кажется, сотворится то, что в истории после него останется, что бы ни написал после, – ан нет! последнего штриха не хватает, главного штриха, без которого всё пустое. Похитили, лиходеи! Распинатели! Э-эх-эх-эх! Не пощадил, глупый мальчишка.

Пил мастер и до одури, и по-тихому. Добро хоть из института не попёрли. Какое-то время подменяли друзья-товарищи, потом остановился, привёл дела в порядок, а только писать совсем прекратил. И внешне переменился. Раньше всё лохматый ходил, вечно заспан, помят, а тут – волосинка к волосинке, бородка ухожена, взгляд ровный, твёрдый, зато прежде проскакивавшее озорство в глазах исчезло. И превратился мастер в натурального преподавателя высшего учебного заведения – высокообразованного, высококультурного доцента. Стал строг, требователен. И по-прежнему зачёта по мастерству Максиму не ставил. А тот отцу не признавался, отец же в дела сына не лез принципиально, чтобы не баловать. Вот и тянулась катавасия ещё год. Как-то не исключили парня, хотя наличие такого «хвоста» каралось беспощадно и однозначным образом.

Понятное дело, что пробовал незадачливый студент получить зачётную индульгенцию из рук мастера и мытьём и катаньем. К частым пересдачам, чтоб на измор взять, естественно, прибегал, да не тут-то было!

И вот однажды заявляется он к Николаю Евгеньевичу, а с ним девушка, чем-то на Катеньку похожая, только чуточку бледнее да потоньше.

– Вот, Николай Евгеньевич, я вам натуру привёл. Может...

– Давай зачётку, – опешивший от негаданного уже счастья студент с радостью заметил мелькнувшую в глазах преподавателя снисходительно-доброжелательную усмешку. – А где ж ты нашел вторую Катеньку?

– Не поверите, на Арбате. К тётке приехала. В Литературный собирается поступать на поэзию.

– И откуда же такое чудо?

– С Енисея.

Дописал Николай Евгеньевич, наконец, картину и понял: случилось! В его жизни главное событие произошло. Пусть пока ещё и с одной картиной, но вошёл всё же в малый круг настоящих художников, научился-таки улавливать ту малость, тот последний лёгкий штришок, который прежде не давался. И как-то безразлично стало официальное признание, известность, слава, о которых мечтал. Пыль всё, сладкая, но пыль. Сколько художников ею объелись, что называется, выше головы. И где они сейчас? Кто о них помнит? Много рисующих, мало тех, страждущих, мечущихся, кто у зрителя слезу вышибает или песню. Только такие художники и остаются, не исчезают в небытии. А в эту свою картину Николай Евгеньевич верил как в путеводную звезду всей его жизни. И прежние ориентиры исчезли в её тени, как и внезапно обрушившаяся запоздалая слава и восторженные отклики знатоков, воспринятые им на удивление буднично, словно привычное, потому что сразу по завершении картины навалилось на него страшное опустошение. Николай Евгеньевич как-то разом постарел, высох.

Знать бы, что движет порой нашими поступками. Почему мы вдруг несёмся туда, где не предполагали быть, и сталкиваемся с тем, кто (или что) меняет жизнь, или с тем, о ком и думать забыли? Почему? Судьба ли случайность? Что?

Год спустя Катенька возвращалась с женихом с отдыха на Сейшелах. «Уже дома! – радовалась про себя забеливавшему тёмный тротуар снегопаду. – Самая замечательная зимняя погода!»

На Садовом сразу же попали в пробку. Видя, как жених нервно похлопывает ладонями по рулю, она предложила:

– Саша, а поехали через центр.

– Ну да, а если в пробке застрянем?

– Саша, – рассыпался озорным звоном Катенькин смех, – если-если, какая нам разница? А если даже и так, то мы уже застряли. Хрен редьки не слаще.

– А поехали, – согласился он, хотя обычно ездить через центр не любил.

На «Радио Европа» громко кричали какие-то металлисты, которых она терпеть не могла. Переключила на другой канал. Передавали новости, и она собралась было искать дальше интересную музыку, но при словах «...скоропостижно скончался...», заинтригованная («интересно, кто это умер?») замерла. «... Художник Николай Маслов, картина которого «Таинство» произвела фурор во всём мире и за которую индийский миллиардер (фамилию она не разобрала) предлагал миллион долларов. В Суриковском институте проходит выставка работ покойного».

Катенька печально поджала губки.

– Саша, сверни, пожалуйста, к Суриковке. Здесь же совсем рядом. На пять минут, не больше.

– Катенька, ты чего, устал я, домой бы... – но, заметив, как изменилась в лице невеста, спросил: – Ты его знала?

– Да.

– Давай заедем завтра.

– Нет, Саша, я боюсь, что вообще тогда не заеду. Пожалуйста... сейчас надо, я чувствую.

На выставке было многолюдно. Возле траурной фотографии мастера негромко переговаривались мужчина с женщиной: «Такой нестарый ещё...» – «Да, живи да живи». – «А что с ним?..» – «Сердце... перенапряжение...»

Катя рассеянно пробегала взглядом по картинам, не зная, зачем она здесь: этот мир был закрыт для её понимания. И всё же какая-то сила побуждала заглядывать в каждую картину.

– Катенька! – услышала она взволнованный голос ушедшего вперед жениха. – Катенька, иди сюда скорее!

Она подошла и застыла перед картиной, возле которой стоял Саша: на неё внимательно смотрела она сама, только не совсем такая, какой видела себя в зеркале. Другая Катя, Катя из прошлой жизни, о какой она и помнить уже забыла.

Уходя с выставки, она плакала, не замечая, как при её появлении удивлённо вскидываются брови и приоткрываются рты у некоторых посетителей, как одновременно замолчали негромко, но с интересом переговаривавшиеся между собой на выходе устроители выставки. Если бы Катенька обернулась, то заметила бы неподвижных людей, провожавших её взглядами. Всё вокруг было как в тумане, и Саша, поглощённый какой-то мыслью, заботливо поддерживал её под руку.

Михаил СПИВАК
г. Виннипег, Канада
**Член Союза журналистов России. Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Автор 4 книг прозы. Лауреат литературных премий: им. Вениамина Блаженного (2015), им. Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), им. Григория Сковороды (2016), им. «Пантелеймона Кулиша» (2017), им. Абая (Казахстан, 2018). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».
Лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси-2018» (за военный роман «Дебошир»).**

Комсомолец и проститутка

Рассказ

Был один город в СССР, где иногородних спортсменов селили по-царски – это бывшая столица республики Казахстан, город Алма-Ата с её многоэтажной одноимённой гостиницей «Казахстан». Номера там предоставляли на двух человек. В каждом номере туалет и ванна, вид из окна на цивилизацию: скверы, сады, дороги и невысокие здания, всё ночью светится огнями, а позади горы – невероятная красота. Квартирные условия в Алма-Ате в восьмидесятых разительно отличались от средней полосы России, особенно от старых периферийных городов, тонущих в однообразии, бедности и ветоши.

Она, моя подруга, прибежала взволнованная ко мне в номер. Глаза отводит, мнётся.

– Ты представляешь!.. – и молчит.

– Не-а, не представляю, – степенно продолжаю есть арбуз. – Хочешь?

– Там такое... Нужно что-то делать.

– Слушай, я, конечно, человек проницательный, – напускаю загадочность, – но мне нужно чуть больше информации, чтобы уловить ход твоих мыслей.

Тут её возмущение вырвалось наружу.

– Кузя напился и пошёл снимать проститутку!

– Ты хочешь, чтобы я ему помог?

– Фу, это ведь гадко!

– Почему?

– Ты меня обижаешь!

– Чем?

Она потом уверяла, что ни разу не видела проституток. Может быть, не туда смотрела? Практически на всех соревнованиях я видел проституток в гостиницах. Даже в Братске, о котором не каждый советский житель слышал, в фойе гостиницы сидели девицы лёгкого поведения, и взрослые дяденьки периодически приглашали их скоротать время. А мы, пацаны, наблюдали со стороны. Братск вообще был городом либеральных взглядов. Никто ночных бабочек не гонял. Сибиряки – люди толерантные.

Но вернёмся к Кузе. Был он форменным балбесом: выглядел толстым пентюхом и вёл себя соответственно. Играл в шахматы слабо, но его результаты не отражались на состоянии всей команды, так как в Алма-Ате мы выступали в личном зачёте. Из всех гамбитов и контратак Кузю интересовали только «Портвейн» и «Херес».

Молодой оболтус в самом расцвете пубертатного периода, когда мозг отключается и обостряются основные инстинкты, особенно один – инстинкт размножения. Когда одолевают бурные фантазии о промискуитете, не подкреплённые реальными возможностями.

В жарком для сибиряка казахском климате юные девы и молодые женщины разгуливали в коротких шортах и платьях, в мини-юбках и лёгких сарафанах, которые просвечивают на солнце. Ходили с открытой спиной и плечами. А-а-а!.. Пубертатный Кузя бежал в винный отдел и назад гремел бутылками. Он пил до партии, чтобы снять психологическое напряжение, и пил после партии для обретения храбрости. Он искал хоть кого-нибудь... но ни одна, даже страшненькая, девица не соглашалась с ним пойти.

В последний день соревнований Кузя не выдержал – все суточные, которые он не успел пропить, и деньги, что привёз с собой, решил спустить на красочное развлечение. Но как провести постороннюю девицу в гостиницу? Вход только по карточкам. На дверях строгий швейцар. Его дешевыми трюками – типа, смотрите-смотрите, у вас за спиной инопланетянин – не облапошишь. Нужна стратегическая операция, ибо тактическая уловка с треском провалилась. Кузя попытался было у кого-то из девчонок команды взять пропуск и по нему провести вожделенную проститутку (так моя подруга узнала о его планах), но матёрый швейцар заподозрил неладное в слишком броской внешности «шахматистки» и позвал милиционеров. Те проводили девушку до номера Кузи, быстро выяснили, что документы и квиток постояльца она предъявить не сможет, и выдворили гостью прочь.

В стратегической операции Кузи приняли участие неравнодушные коллеги: громила по прозвищу Бороздец, отслуживший в ВДВ, и две разбитные шахматистки из Екатеринбурга (прежде Свердловск). Они пожалели сексуально голодающего Кузю и заодно хотели поржать, а прагматичный Бороздец рассчитывал оказаться третьим на вечере радости. Даже если придётся немного доплатить, то все равно на двоих дешевле.

Я с подругой оказался в рядах безмолвных зрителей. Она хотела вмешаться и сдать всю честную компанию администратору. Я переубедил её совать нос в чужие дела.

– Наживёшь себе врага на долгие годы!

По разработанному Кузей плану, на первом этапе парни должны были зайти в обнимку с девицами-ассистентками, чтобы швейцар подумал, будто Кузя и Бороздец притащили новых

проституток. Милиционеры, предполагалось, погонятся за ними до номера и там будут посрамлены. Во втором действии девушками менялись и повторяли шаги первого этапа. И уже на третьем этапе Кузя должен был начать стыдить швейцара, а Бороздец – протащить под шумок проститутку.

План рухнул в первый же миг, потому что швейцар не проявил ни малейшего интереса к девушкам из Екатеринбурга, но строго отчитал уже крепко пьяного Кузю за распитие спиртных напитков. У него, швейцара, вероятно, была прекрасная память на лица... В общем, не зря Кузя слыл в клубе совсем никудышным стратегом. Пришлось швейцару давать взятку.

– Как ему не противно? – спросила меня подруга. Вопрос был риторический, поэтому я отвечать не стал, а она продолжила мысль. – Он же комсомолец, клятву давал... Аморальное поведение недопустимо! Нет, я пойду и расскажу тренеру.

– Стой!

– Нет!

– Давай поговорим.

– Я комсорг класса и мириться с таким безобразием не намерена!

Спорили мы минут десять. Она не вняла моим аргументам – о чём вообще можно разговаривать с «беспартийным» – и решительно направилась к лифту, не слушая моих доводов.

До номера тренера мы так и не дошли, потому что в другом конце коридора отчётливо слышались вопли. Туда уже торопилась горничная в сопровождении двух милиционеров. Мимо нас пробежала растрёпанная девица лёгкого поведения. Что-то гулко стукнулось о стену. Милиционеры ворвались в номер. Кузю выволокли под руки: он висел как мешок картошки.

Я заглянул в номер. На стене, с высоты человеческого роста к плинтусу, тянулся кровавый след. Дальше рассказывал Бороздец.

– Кузя, сука, опрокинул полстакана водки, чтобы унять дрожь и волнение, и полез к девке целоваться. Стал стягивать с неё одежду. Потом он вдруг решил, что она его невеста, что у них день свадьбы...

Он зачем-то кинулся в окно... На пятнадцатом этаже. Бороздец едва успел схватить его за руку и втянуть назад. Но Кузя не унимался, снова бросился к окну. И тогда бывший десантник, исключительно в медицинских целях, как врач прописывает больному седативное, заехал Кузе кулаком в челюсть. Кузя влетел головой в стену – грохот, который мы слышали – и стал сползать по ней, оставляя на обоях кровавый след...

Девка с криками убежала, пока шла битва на подоконнике и карнизе.

Кузя ещё пытался драться в камере КПЗ. Утром он не помнил и не понимал, почему болят его кости, и кто оттоптал его физиономию. Грустный, он вернулся в команду.

Глядя на избитого, с фингалом, ободранного Кузю, моя подруга вздохнула:

– Вот, я же говорила, аморальное поведение добром не кончится: алкоголь и распущенные девицы пагубно...

– Да-да, ты права, – перебил я её, чтобы не слушать политинформацию.

– Почему нельзя просто дружить, держаться за руки, ходить по парку? Даже целоваться можно!

– С кем ему целоваться, если у него нет девушки.

– Правильно! Девушкой такой свиньи никто, кроме проститутки, не согласится быть.

Зря она так. Говорят, Кузя впоследствии полковником милиции стал, крупным перцем областного масштаба.

Милена МИЛЛИНТКЕВИЧ

г. Краснодар

Член Межрегионального союза писателей. Обладатель Платинового Дюка, лауреат Международного конкурса им. Де Ришелье в номинации «Проза», Третьего Межрегионального литературного конкурса «Ты сердце не жалей, поэт» за 2019 г. в номинации «Малая проза», Второго Межрегионального литературного конкурса маринистики им. К. С. Бадигина за 2019 г.

Лауреат литературных конкурсов «Свети, сияй, Звезда Победы», «Россия, Пушкин и любовь», «Мой Краснодар, тебя я песней славлю», финалист конкурса «Герои Великой Победы».

Публиковалась в журналах «Камертон», «КЛАУЗУРА», в коллективных сборниках прозы и поэзии. Автор романа-дилогии «Басурманин», сборника рассказов «Парк на набережной», поэтических сборников «Рапсодия», «Стихийная философия», «Картонная любовь», «Стихорапия», сборника иронических историй в стихах «Сказ о трёх подругах и их похождениях», а также трёх сборников сказок для детей разного возраста. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Парк на набережной

Рассказ

Старая лавочка одиноко примостилась на краю заросшего парка. От удивительного морского пейзажа, с его маленькими парусными яхтами и проплывающими мимо гигантскими круизными катамаранами, её отделяла широкая старинная набережная. Хрупкая пожилая дама, тяжело вздохнув, опустилась на выцветшие доски. Она спешила сюда в жару и в дождь, приходила по окутанному снежным покрывалом городу, возвращалась в парк, когда на деревьях распускались почки. Она любила этот красивый уголок.

С этой лавочки горожане наслаждались удивительным морским пейзажем без малого сто лет. В советское время капитальный ремонт в парке и на набережной делали раз в пятилетку: меняли доски на всех лавочках, красили арки и ограды, обновляли летнюю эстраду, поправляли каменное покрытие. В середине восьмидесятых про место отдыха горожан забыли. За три с лишним десятка лет парк превратился в заросший порослью дикий зелёный остров в бескрайних просторах городских улиц, машин и бетонных построек.

Вера Андреевна, так звали даму, разгладила морщинистыми руками складки сарафана тонкой шерсти, надетого поверх шифоновой блузки, и, раскрошив край булки, бросила крошки голубям. Там, за двумя рядами ограды, беспокойно шумел прибой, подбираясь к самым ступеням, спускающимся к воде. Сегодня прилив. Плещутся волны, накатывая, пожирают узкую полоску пляжа, брызгают прохладными каплями на нагретые весенним солнцем ступени, шелестят мелкими разноцветными камушками.

Тшш...

Тшшш...

Тихое щебетание птиц за спиной, убаюкивающее курлыканье голубей, далёкие радостные голоса детей заглушал лишь крик одинокой чайки. Сегодня она что-то разволновалась. Кричит! Кричит... Словно, зовёт куда-то.

Вера Андреевна помнила это место с детства. Когда-то парк на набережной был светлым и воздушным. Морской ветер гулял между деревьями: шелестел листвой, гонял проворных белок, звенел смехом озорных девчонок, не успевших разгадать его шалости и спешно одергивающих юбки. Но, то в прошлом. А ныне...

Старый парк раскинулся глухими зарослями у самого моря, поделив на двоих с такой же древней, как он сам, набережной массивные балясины ограды, окрашенные облупившейся белой краской. Мощёные истёршимся и поблёкшим от времени камнем дорожки, волной закручены в уютные маленькие площадки с вальяжно расположившимися на них массивными лавочками, витыми боковинами, вросшими в камень. Сплетённые кроны вековых деревьев, будто нарочно не пропускали вглубь парка солнечный свет. Потрескивая ветвями, они окутывали и обнимали густой воздух, вплетаясь в насыщенный аромат зелени, сырости и запаха жухлой прошлогодней листвы, создавая причудливые витые очертания диковинных беседок, невольно повторяя красоту и величие сводов готического собора. Лишь, кое-где прорвавшись сквозь поломанные недавним ураганом ветви, скользнёт по уснувшим деревьям заблудившийся лучик солнца, рассветёт яркой зеленью листву, отразится в застывших каплях прошедшего дождя радужными бликами и, озарив беседки волшебным светом, померкнет, словно и не было его вовсе.

Казалось, что в этом древнем парке, как в сказке, остановилось время. Замерло всё вокруг, и лишь дорожки, обогнув у ограды кованые лавки, обращённые своим ликом к морю, легко ускользали из этого спящего царства. Узкими каменными лентами они вились под украшенную тяжёлой лепниной двойную арку, служившую входом и выходом для праздно слоняющихся командировочных да редких отдыхающих, случайно оказавшихся в этом глухом городишке. Вынырнув из-под величественных сводов широким каменным полотном, дорожки раскинулись уютной набережной, охраняемой массивными коваными фонарями с витыми кронштейнами и светильнями причудливой формы. Словно пушкинские богатыри, они почётным караулом выстроились ровной шеренгой в первой линии обороны, защищая хрупкую древность набережной и парка от надвигающихся песков пляжа, намываемых проворными волнами, то набегающими на берег и дальше к ступеням широкой лестницы, то отступающими в свои владения за новой порцией песка, мелкой гальки и водорослей.

Парк у моря всегда был любимым местом отдыха жителей маленького прибрежного городка. Сюда стремились все – и пожилые, и молодёжь. Первые – за воспоминаниями былых дней, обсудить сплетни или послушать духовой оркестр, игравший по выходным забытые мелодии на обветшалой летней эстраде, стыдливо спрятавшейся в глубине парка. Вторые – скрыться от посторонних глаз в зелёных беседках или побродить уединённо по заросшим аллеям.

Бросив голубям новую порцию крошек, Вера Андреевна тяжело вздохнула. С этим парком и набережной была связана вся её жизнь. Она хорошо помнила тот день, когда мама привела её сюда впервые. Страна праздновала Победу над фашизмом. Маленькая Веруня не понимала, почему взрослые плачут, называя день радостным. Зато она хорошо помнила лавочку, на которую её поставили, чтобы лучше было видно салют, раскрасивший яркими огнями ночное небо над чернеющей гладью моря.

Здесь, в парке на лавочке очень любила сидеть мама, когда приводила её погулять. У ограды собирались одноклассники встречать свой первый взрослый рассвет. Здесь, напротив этой лавочки она – студентка третьего курса политехнического института – познакомилась с будущим мужем. Вера Андреевна помнила тот день, будто всё случилось вчера. С моря дул не по-летнему холодный, пронизывающий ветер. Она куталась в тонкую кофточку, повязав на голову шёлковый шарфик. Узелок оказался хлипким. Порыв воздуха сорвал шарф и понёс к неспокойным пенящимся водам.

– Я поймаю!

Перепрыгнув через ограду, молоденький курсант военно-морского училища кинулся к воде. Потом они ещё долго гуляли по набережной, ели мороженое, рассказывали друг другу смешные истории. Первое, чему Мишенька научил Веруню, это морской узел.

– Зачем мне учиться? – смеялась Веруня, сплетая неуверенными пальчиками непослушные верёвки. – У меня ты есть. И завяжешь крепко, и развяжешь быстро!

Мишенька лишь улыбался, глядя на старания Веруни. На этой лавочке им так нравилось сидеть по вечерам, любуясь на перламутровый блеск лунной дорожки на искрящейся ночной глади

моря. На набережной осенним деньком, подбадриваемый шелестом прибоя, он сделал ей первый подарок – тёмно-синий модный капроновый платочек, завязанный узелком, скрывал в своих недрах нечто твёрдое.

– Развяжи! – хитро улыбаясь, предложил Мишенька. – Если хватит терпения, ты узнаешь, что прячется внутри.

Веруня возилась долго. И когда узелки, которых оказалось семь, были развязаны, в награду ей досталась квадратная металлическая шкатулка, покрытая эмалью. В её недрах прятался кусочек синего бархата размером с детский носовой платочек. Золотым люрексом на нём было вышито «Выходи за меня!»

Прогуливаясь по набережной, они молчали. С моря дул лёгкий ветерок. Под вечер он стал прохладным, напоминая, что сезон хоть и бархатный, но всё же осень. У причала Мишенька накинул на плечи Веруне бушлат, взял за руку и потянул к покачивающемуся на волнах ялику. Легко спрыгнув вниз, помог ей спуститься. Отчалили от берега. Ветер трепал волосы и обдавал лицо водной пылью. Скользя по волнам, ялик плыл в чернеющую даль, к искрящейся бриллиантовыми бликами лунной фате, такой же длинной, как в день свадьбы. Веруня была прекрасна в своём наряде! Белоснежный теплоход резал свинцовые ноябрьские волны, обдавая, кутающихся в одежды гостей морской свежестью. Редкие солнечные лучи окрашивали радужными красками искрящуюся водную пыль. Они были счастливы! Мишенька не мог оторвать завороженного взгляда от своей Веруни. А она, забывая дышать, словно растворялась в лучах его любви.

Сколько всего выпало на их долю! Послевоенные годы научили Веруню терпению, смирению и состраданию. Мишеньке повезло и с женой, и с распределением: его оставили в родном городе. Но служба есть служба. Он всё реже бывал дома. Нечастые прогулки неизменно начинались и заканчивались в их любимом парке на набережной. Сидя на этой лавочке, Веруня провожала корабль мужа, выходивший из бухты. Здесь она беременная ждала его возвращения. У этой лавочки сделал первые шаги их сын. Здесь же дочь познакомила их со своим будущим мужем. На этой набережной под перезвон ветвей обледеневшего парка они узнали, что станут бабушкой и дедушкой. На эту лавочку уложили её, обмякшую от горя, до конца не верящую в чудовищно-нелепую смерть сына и его семьи. Здесь на любимой набережной, под скорбный скрип сухих ветвей старого дуба и грозный плеск штормящего моря, провожали в последний путь погибших при пожаре офицеров и её Мишеньку, заплативших собой за жизнь полутора десятков курсантов-первогодков. Сюда на набережную она пришла на утро после похорон и просидела на любимой лавочке целый день, вспоминая все моменты счастья до трагического конца, превратившего её веселого жизнелюба Мишеньку в надпись на бетонном камне у белоснежной ограды.

С тех пор раз в неделю Вера Андреевна обязательно приходила сюда за воспоминаниями. Шли годы, но здесь, на этой лавочке, жизнь останавливалась, как замирало её сердце всякий раз, отдавая любимых и дорогих людей. Хотя, нет-нет, да и проглядывал луч света в дремучие потёмки горюющей души. Вот, на прошлой неделе сюда, к этой лавочке, младшая внучка привела знакомиться своего парня, как когда-то её мама представила им с отцом жениха.

Из глубины парка, где деревья с тоской глядели, как реконструкция центральной улицы вплотную подбирается к царственному старожилу города, послышался гул. Он всё нарастал, поглощая знакомые и приятные звуки. Вот уже потонул в грохоте шум прибоя, в скрежете металла по камням растаял крик одинокой чайки, и голуби, потревоженные рычанием машин, вспорхнули в небо, помахав на прощание сизыми крылами. Это местные власти, вопреки желаниям горожан, затеяли ремонт, решив осовременить парк, привнести «европейский лоск» в место отдыха. Только шум отбойника и грохот дорожной техники не мешали Вере Андреевне предаваться воспоминаниям.

– Бабуля! Шли бы вы со своими голубями!

Грубый окрик рабочего выдернул Веру Андреевну из переживаний.

– Вы нам мешаете. Освободите скамейку.

– А что вы собираетесь делать?

Вера Андреевна непонимающими глазами смотрела на вторгшегося в её мир вандала.

– Убираем рухлядь. На этом месте будут торговые ряды.

– А куда же лавочка денется?

– Да кому эта развалина довоенная нужна. Вон, ступайте на нормальную скамейку. Вчера поставили. Сидите себе, на центральную улицу смотрите. Для вас же стараемся.

На глаза Веры Андреевны навернулись слёзы.

– Неужто вы и набережную сломаете? Как можно?

– Вот так. Давай иди, старая, не мешай.

Вера Андреевна, отыскав взглядом изящную трость с красивой резной ручкой с трудом встала, осмотрелась и пошла к отремонтированной аллее. Но каменные тумбы и растянувшиеся между ними деревянные перекладины язык не поворачивался назвать лавочкой. Постояла, поохала, вздохнула, да и пошла назад. Подойдя к ограде, обернулась посмотреть на любимое место отдыха, да и побрела к выходу, туда, где раздавался стук отбойного молотка. Рабочие безжалостно крушили мощёную набережную, выковыривая ломом помнящие не одно десятилетие камни. По ней в канун страшного дня сорок первого, шли нарядные выпускники вглубь парка к летней эстраде и возвращались к морю встречать рассвет. По этой набережной, цокая железными набойками на сапогах, уходили на фронт вчерашние выпускники. Здесь, под фонарями кружились в вальсе Победы истосковавшиеся по хорошим новостям горожане. По этим камням изо дня в день она приходила на свидание со своим детством, юностью, и так трагически оборвавшимся семейным счастьем. И эту жизнь, эту память сейчас безжалостно и бездумно корчевали рабочие. Разбирали по камушку, по частям её прошлое.

Казалось, дай им волю, и море осушат, и дно перелопатят, с такой яростью и остервенением крушили они всё то, что незыблемо стояло здесь уже не один десяток лет. Когда же безжалостная кувалда с грохотом опустилась на мемориальный камень, казалось навсегда увековечивший память о Мишеньке и его сослуживцах, сердце Веры Андреевны замерло. С трудом сделав несколько спасительных глотков воздуха, она смахнула платочком слёзы и, пошатываясь, побрела в арку. У раскуроченной ограды рычали бензопилы, кромсая под корень поросль.

– Зачем вы пилите молодые деревья? Лучше бы убрали вон те высохшие исполины. От них ни красоты, ни зелени. Смотрите, как ураган их покалечил. Того гляди на головы свалятся надломленные ветки. Спилите лучше их, дайте молодым побегам разрастись. И ваши дети, внуки будут любоваться красотой ясеней и клёнов.

– Идите, дамочка, идите, – грубо оборвал её прораб. – Не мешайте работать. Без вас, помощников, разберёмся.

Вера Андреевна посмотрела в пустые глаза мужчины, чьи волосы только тронула первая седина и тяжело вздохнула. Что ему ответить? Как объяснить? С морем, беспокойно плескавшемся у разобранных ступеней, с набережной, превратившейся в курган из камней, с лавочкой в парке, которую сейчас варварски за спиной ломали рабочие, была связана вся её жизнь. С самого детства до глубокой старости.

Высыпав остатки крошек воркующим чуть поодаль птицам, Вера Андреевна побрела домой. Вечерело.

Налив в кружку горячий травяной чай, долго листала семейный альбом. Сколько здесь замечательных фотографий: чёрно-белых, раскрашенных, цветных, снимков с полароида и цифрового фотоаппарата. Вот муж держит на руках дочку, а рядом сын играет с солдатиками. А на этом старом пожелтевшем снимке её родители сразу после росписи. Где они? О! Да это их лавочка, та самая ограда! Как же светятся счастьем их лица! А между тем, до начала войны оставалось три месяца. Деревья на снимке пока не срослись кронами, пропускают солнечные лучи. Аллеи светлые, парк словно полной грудью дышит морским воздухом. Он ещё не знает, что его ждёт. А тут семейное фото на юбилей Победы. Мишенька в рейсе, а сынок, невестка, внуки – живы. До их трагической гибели целых три года и пять месяцев. А тут она, Вера Андреевна, с внучкой и тоже на своей любимой лавочке...

Слабость укутала мягким пледом. Глаза слипались. Клонило в сон. Вера Андреевна бережно убрала семейный альбом на полку. Из аккуратных рамочек, выстроившихся в рядок на комоде, на неё смотрели фотографии родителей, любимого Мишеньки. Слегка коснувшись большой рамки семейного снимка сына, достала из ящика квадратную металлическую шкатулку, украшенную эмалью, подняла крышку и дрожащими пальцами потянула за уголок вышитый бархатный платочек. Прижав драгоценный дар к груди, Вера Андреевна пошла в спальню...

...Яркие лучи весеннего солнца ударили в глаза. Нет, они не раздражали. Светило словно пропитывало всё вокруг своим теплом. Вера Андреевна стояла на центральной улице её любимого города у главного входа в парк. Странно, куда подевался павильон с блинами, который закрывал собой половину старинного сооружения и так мешал пройти в арку? И деревья сросшимися кронами не заслоняют солнца? Оно словно золотыми нитями вышило всё, что охватывал взгляд. Вера Андреевна шла по аллее знакомым маршрутом к своей лавке и вдруг остановилась. Палочка! Она забыла её дома. Как же это? У летней эстрады заиграла музыка. Вальс! Её любимый! Венский! Под него они так часто танцевали с мужем.

– Потанцуем? – услышала она у самого уха.

Вера Андреевна обернулась.

– Мишенька! Ты ли это?

Она тряхнула головой, прогоняя видение. Муж стоял напротив и улыбался. Нет, страшно не было. Ощущение небывалого счастья и радости, словно ажурной шалью окутали её.

– Я, родная, я, – ответил Мишенька и, поправив выбившуюся из пучка седую прядь волос, как в молодости, чмокнул любимую в кончик носа, закружил под чарующие звуки музыки.

Венские мотивы сменил полонез.

– Идём, – продолжением вальса лился родной голос мужа. – Тебя все ждут.

Он взял её под руку и повёл знакомым маршрутом по дорожке к набережной. Вот и лавочка! Целёхонька! Стоит на своём месте. А на ней родители и сын с невесткой. Вокруг лавки бегают внуки.

– Мама! А мы уже собирались уходить. Думали, не дождёмся тебя.

Целуя, сын обнял хрупкие плечи матери. Надо же, она и забыла, какой крошечной ощущала себя рядом с ним!

– Идём, дочка. Нам пора, – вставая с лавки, протянула руку мама. А папа озорно, как в детстве, подмигнул ей:

– Догоняй, Веруня!

Семья пошла к выходу. Вера Андреевна остановилась на мгновение, обернулась. Окинула взглядом искрящееся в солнечных лучах море, белоснежную набережную с фонарями-стражами, насквозь пронизанный светом парк. Рука потянулась к кованой боковине любимой лавочки.

– Она всегда будет тут, родная. И наше море, и набережная никуда не исчезнут. Мы сможем здесь бывать, когда захотим. И всё будет так, как мы помним.

Бережно, словно хрупкую фарфоровую статуэтку, Мишенька взял под руку жену и повёл к арке. Сверкающей пеленой впереди лучился мягкий свет, манящий, чарующий и немного пугающий...

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ
д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.
В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист. Автор рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота», «Русский охотничий журнал», «Северо-Муйские огни».

«Почему наступает весна?»

Рассказ

Есть у меня несколько знакомых, которых я считаю счастливыми людьми – их память хранит множество воспоминаний раннего детства, ярких, как блики солнца на поверхности моря, и сладких, как леденцовый петушок на палочке. Когда налетает очередной и, как всегда, нежданный житейский шквал, в таких воспоминаниях очень удобно укрываться, пережидая ненастье, кутаясь в них, как в тёплый плед, набираясь сил для того, чтобы идти дальше. Мне с этим повезло чуть меньше – из времён раннего-раннего детства в памяти сохранились лишь отрывочные эпизоды, никак не желающие складываться в красивую картинку. Почему так вышло – не знаю. Теряюсь в догадках. Впрочем, иногда, словно солнечный луч в разрыве облаков, нет-нет, да и мелькнёт лёгким ярким пятнышком привет из детства...

Вот уже неделя как мы охотимся в Карелии – вдалеке от жилья, от людей, от такого привычного ритма жизни. Приехав в Петрозаводск первого мая, мы были удивлены и огромным количеством снега, лежавшего в лесу повсюду, за исключением самых прогреваемых солнцем склонов, и тем, что почки на деревьях ещё, казалось, даже и не собирались набухать. Весна в этом году явно запаздывала. Мы брели на лыжах по снежной целине, с хрустом проламывая наст, с удивлением вглядываясь сквозь заросли чепурыги в гладь озера, покрытого едва начавшим темнеть льдом – лишь в самом дальнем его углу лёд стаял, и образовалась небольшая закраина.

Однако уже на следующий день ситуация совершенно изменилась. Рано появляющееся в это время года на Севере над горизонтом солнце Светило, казалось, со всем жаром, на который только способно – словно опомнившись и объявив решительную войну захозяйничавшейся Зиме. Под этим напором снег стал стремительно таять, оседая и становясь похожим на подмокший сахар. Там, где вечером мы оставляли цепочку следов, утром возникала прерывистая полоска проталин. День ото дня окрестные полянки становились всё темнее и темнее, озеро очищалось ото льда всё стремительнее и стремительнее. Возникало удивительное чувство нереальности происходящего, вызванное столь быстрыми изменениями в окружающем пейзаже – глаза буквально отказывались узнавать места, виденные ещё накануне. Стали появляться первые лягушки – полусонные, еле шевеля лапами, они ползли туда, где потеплее – на прогретые солнышком пригорки. Всё сильнее и сильнее набухали на деревьях почки, и вот, наконец, настал тот момент, когда я увидел первый проклюнувшийся листочек. Нежно-зелёный, крохотный, он с любопытством выглядывал из своей скорлупки. А уже на следующий день окрестные берёзки подернулись легчайшей зеленоватой дымкой раскрывающейся листвы.

А по ночам над нашим лагерем пролетали на север гуси. Стая за стаей летели они, ведомые древним инстинктом. Сперва до нас доносились их крики, затем, когда они пролетали почти над самыми нашими головами, становился слышен свист мощных крыльев, рассекающих воздух. Весна, казалось, была разлита вокруг нас – в самом воздухе, которым мы дышим. Да и сами мы, кажется, пропитались ею насквозь – на душе было светло и радостно, как в сосновом бору погожим солнечным днём.

В таком вот тёплом, весеннем настроении я шёл по предзакатному лесу. Завтра нужно было уезжать, и мне хотелось ещё раз окунуться в эту лесную сказку, посмотреть, подышать, послушать. Сплошной ковёр ягеля, мягко похрустывая, проминался при каждом шаге – ступать по нему было легко и приятно. Теплые лучи склоняющегося к горизонту солнца освещали стволы сосен, заставляя их сверкать ярким золотом, а густые, длинные тени подчеркивали яркость солнечного света. Лес был волшебно красив в своём роскошном вечернем убранстве.

Между тем, усталость начинала подкрадываться ко мне, наливая тяжестью утомлённые за целый день ходьбы ноги. Пару раз споткнувшись, я решил немного передохнуть – благо, совсем близко возвышалась могучая сушина, у подножия которой оказался совершенно просохший бугорок.

Сколько лет назад проклюнулась эта сосна из крохотного семечка, обронённого ветром у подножия пологого склона каменистой гряды, что тянется вдоль озера? Сколько лет росла она, стремя ввысь – к небу – свои опушённые сочно-зелёной хвоей ветви, стремясь впитать побольше света, год за годом встречая и провожая весну и лето, осень и зиму? Когда и почему затихла в ней жизнь, иссякли те волшебные токи, что превращают простую древесину в нечто живое? Кто знает... Только, судя по тому, что отломившаяся когда-то под напором внезапного шквала вершина успела уже истлеть и превратиться в продолговатый, заросший разноцветными мхами, едва заметный бугорок, было это давно. Очень давно. А основание ствола – метров пять высотой – устояло и теперь, много лет спустя, совершенно высохшее и звонкое, как камертон, продолжает возвышаться надо мхами величественным памятником погибшему дереву-исполину.

Небольшой мшистый пригорок у подножия этого монумента был так прогрет солнышком, так мягок и уютен, что не было никакой возможности устоять перед соблазном присесть на него, расслабить натруженные за день мышцы и задуматься. Что я и сделал. А дальше – как-то сами собой

нахлынули воспоминания. Тихо-тихо, словно из маленького родничка, потекли события, лица, имена, обрывки сценок, жесты, звуки... Они сменяли друг друга, текли спокойно, непринуждённо, уводя всё дальше и дальше. Не знаю уж почему, но как-то особенно отчётливо вспомнились занятия в детском садике. Мы, малыши, сидели за партами, с гордостью ощущая себя уже совсем взрослыми – совсем как школьники на уроке, да и воспитательница была очень похожа на учительницу – строгая и серьёзная. Она рассказывала нам о смене времён года, о прилёте и отлёте птиц, о других природных явлениях. Внезапно она прервалась и спросила: «Дети, а как вы думаете – почему наступает весна?» Как один из самых начитанных в группе, а читал я тогда все подряд, без разбору, я потянул вверх ручонку, затряс ею, страстно желая ответить – мне так хотелось показать свои знания, получить хорошую отметку – совсем как в школе! И какое же горькое разочарование постигло меня, когда воспитательница, выслушав моё гордое «потому, что Земля вертится вокруг Солнца», с видимым неудовольствием, даже, как мне показалось, едва заметно поморщившись, посадила меня на место. А потом похвалила одну из девочек за «птички прилетели, листики распустились и солнышко светит теплее»... Да, это был удар – в течение нескольких следующих дней меня удавалось отвести в садик только после длительных уговоров – так я был расстроен и обижен...

Из глубины воспоминаний меня вернул внезапный, резкий стук дятла, устроившегося поохотиться на жучков-короедов прямо над моей головой. Я поднял голову и увидел Весну – настоящую, чарующе красивую, в сочной зелени распускающейся листвы и тёмном золоте сосен, освещенных догорающим закатом, пахнущую свежестью и жизнью, звенящую вечерним разноголосьем множества птиц. Пожалуй, впервые в жизни я увидел её такой – открытой, свободной, естественной и непринужденной, не стесненной рамками цивилизации. Живой и счастливой. Красивой, как сама Жизнь. Впрочем, почему «как»? – Она и была возрождением Жизни, началом нового цикла в извечном круговороте, несущем нас – поколение за поколением – по бесконечной реке времени...

И тогда я подумал – а может быть, права была моя воспитательница? И главное – не объяснить причины происходящего, не разобрать Природу «до винтика», а Увидеть её, Почувствовать и Принять – такой, какова она есть – живой, вечно изменяющейся и загадочной? Как бы то ни было, но мне стало хорошо и легко. У меня есть теперь ещё одно светлое детское воспоминание – об уроке жизненной мудрости, о том, почему наступает весна...

Альбина КАШАПОВА

г. Салават, Республика Башкортостан

Кашапова Альбина Алимовна родилась 12 июля 1992 г., студентка Башкирского государственного университета. Победитель городского литературного конкурса «Родники вдохновения» (г. Салават), победитель номинации «Белый лист кладу перед собой» городского литературно-творческого конкурса, посвящённого 100-летию образования РБ и народного поэта Мустая Карима. Публиковалась в местных СМИ, журналах «АртГабарит», «Бельские просторы», литературных альманахов «Возрождение», «Родники вдохновения», «Слово-молодым». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Лучшие дни ещё впереди

Рассказ

Много сказано слов о любви к Родине, к тому месту, где родился и вырос, где прошло беззаботное детство, которое оставило в душе каждого человека отпечаток с нотками доброты, беззаботности и голосов родных людей на своём, до боли знакомом языке. В произведениях многих башкирских писателей, страницы которых пропитаны любовью и трепетом к родному Башкортостану, мы вчитываемся с особым чувством в каждую строчку, и на одном дыхании, пропускаем через душу всё пережитое автором, узнаем самих себя, с первых строк ощущая всю широту башкирской души.

Шумят, как листья, голоса,
Что слышу я через года седые,
А время всё несёт меня,
Бросая в волны бурной жизни.
Я знаю, не вернусь назад,
Туда где детство пробежало,
Туда где не было невзгод,
Где сердцем счастье ощущала...

Хочу поведать историю об одном интересном человеке, которого знала с детства. Каждый раз, приезжая в родной Красноусольск, въезжая по ухабистой дороге на свою улицу, среди других домов взор мой традиционно падает на одиноко стоящий покосившийся деревянный домик, окна которого грустно смотрят на улицу и будто бы говорят: «Счастливые дни ещё впереди...»

Человека, который жил в этом доме, давно нет в живых, но память о нём я до сих пор храню в своём сердце.

Никто не знал его настоящего имени и даже возраста. Невзрачный с виду, вечно потрёпанный и неряшливый, он всегда был «немного навеселе». Узнать его можно было издалека, его выдавала

нелепая «косолапая» походка, с которой он важно расхаживал вперёд-назад по нашей небольшой улице, будто измеряя её шагами. Внешность этого человека была очень необычной. Внешне он походил на мальчика, о чём говорил его невысокий рост, чёрные волосы и громкий заливистый смех, но по своей неряшливости и неуклюжей походке временами напоминал уставшего от жизни деда. Порой было сложно определить, мальчик перед тобой или дедушка. Так и прозвали его ребята во дворе – Карим-малай-бабай.

Никто не воспринимал его всерьёз. Но Карима это нисколько не беспокоило, он жил в своём мире и не боялся выглядеть нелепым и смешным. Вечерами возле домика Карима собиралась куча ребятишек. Этот человек был кладезью разных историй, он мог дать ответ на любой вопрос. Не скрывая восхищения, я вместе с остальными ребятами восторженно впитывала все рассказанные Каримом истории и не могла понять, как такая маленькая голова может столько знать? Ведь именно благодаря его историям ещё тогда в наших нежных ребячьих душах постепенно зарождалось великое чувство патриотизма и искренняя любовь к своему родному краю.

«Пока вы все здесь, в родном Башкортостане, вы под крылом у своих матерей греетесь, – говорил Карим. – Если поранились, мать подует на ваш пальчик, и беда прошла, проголодались – мать напечёт блинов и беляшей, олэсэйки коров надоят, молока хоть опейтесь, а если кто обидел – отец кнут возьмёт и разберётся с обидчиком. Пока вы маленькие – всё в этом мире для вас устроено. Солнце красит день яркими красками, чтобы вам веселее жилось, даже гуси с индюками вас не кусают, потому что знают, что беззен бэлэкэстэр – самые главные здесь. А вот как подрастёте, улетите, как птицы, с родных мест в другие города и даже страны. Но куда бы ни забросила вас судьба, помните, что душа всё равно тянуться будет к родным местам, будете нашу журчащую реку Усолку вспоминать, Уральские горы, которые издали голубизной отливают, наши звёзды, которые по ночам как драгоценные камни искрят, и нежное башкирское небо, которое и в невзгоды как одеялом облаками укроет. Ничего в жизни не бойтесь и помните – лучшие дни ещё впереди».

Так говорил Карим и читал нам свои стихи, которые как музыка лились из его большого сердца и глубины его нежной и доброй души:

Не видел я чудесней той земли,
В которой матери прекраснее весны,
В которых голубая кровь журчит по руслам,
В рубиновых закатах исчезают табуны.
Где небо от беды меня укроет,
Курая звуки душу успокоят,
И в каждом доме приютят меня,
Погреться, приглашая у огня.
С рождения я сын той благодатной стороны,
Башкортостан – вселенная моей души...

Словно напевая песню, читал Карим свои стихи, медленно, созвучно поведывая о большой и прекрасной Башкирии, о живописных пещерах, бурлящих реках и горах, связанных с удивительными легендами и преданиями...

С тех пор прошло много лет, всех историй, рассказанных Каримом, уже не упомнить, сменилось большинство соседей, не стало тех добродушных бабушек с морщинистыми лицами, которые угощали нас конфетами и яблоками со своих огородов, ушли в прошлое и старые добрые деревянные дома, и Карима тоже не стало. Не стало человека, воспевавшего и горячо любившего свою Родину, свой родной Башкортостан. Оказалось, он уехал в большой город на заработки и пропал. Долгие годы искали Карима родные, наконец, нашли у цыган, которые воспользовавшись его наивностью, удерживали его силой и заставляли без устали работать на себя. Но до дома Карим так и не доехал живым...

В тот день вокруг его дома собрался народ, я тоже решила попрощаться с Каримом. Исхудавший и состарившийся, он был похож на уставшего с дороги человека, решившего отдохнуть. Но лицо его выражало уверенность и спокойствие, и казалось, что он хотел сказать: «Лучшие дни ещё впереди...»

Александр ЗМУШКО

г. Минск, Республика Беларусь

Директор литературного кружка «Школа ЭФ» на базе форума «Эксмо». Участник литературного клуба «Экватор». Модератор форума издательства «Эксмо». Составитель и корректор альманаха издательства «Аэлита». Автор романа «Конкурс «Мисс Галактика» (АСТ, 2014) и 2 книг малой прозы. Первая публикация в журнале «Северо-Муйские огни» состоялась в №4 (51) 2015.

Лудильщик и Стена

Сказ (фэнтези)

Город Джиллиан был прекрасен. Он лежал между мягких холмов, похожих на спины волшебных зверей, утопающих по холки в земле, его окружали горы, розовые, как грудь молочницы

на рассвете, и синие, как райские птицы – на закате. Поля его были тучны и полны стадами коров; леса вокруг кишели дичью; черепичные крыши горели, как золотые слитки, купаясь в лучах солнца цвета сердолика, утопающего в бездонном Море.

А рядом с Городом была Стена.

Она была черна и монолитна, и в ней кипела тьма, и возникали тени, и страшные лица показывались из гагатово-чёрного варева. Никто из горожан к Стене не ходил; место считалось дурным, и там запрещали играть детям, хотя земляника в лесу перед стеной была просто дивная! А в остальном никто о Стене не думал. Но вот беда: каждый год, дюйм за дюймом, Стена подбиралась к городу всё ближе и ближе – как чёрный зев от земли до небес, и взирала на него тысячью бессонных глаз, и облизывалась, будто хотела сожрать его: такой прянично-прекрасный, облитый глазурью первой влюблённости и выложенный помадками сбывшихся надежд.

И жил в городе Лудильщик. Имени его никто не помнил, ибо он был столь приятной наружности, что все просто называли его: эй, красавчик! Лудильщику было всего девятнадцать лет, и время от времени он подумывал влюбиться, но вот беда: когда ветер дул с Запада на Юг, ему казалось, что любит пухлощёкую Дженни, внучку Повара из «Черничных кексов», а когда ветер дул с Севера на восток, то сердце его стремилось и рвалось из груди к веснушчатой дочке Горшечника.

Собирая букет полевых цветов для Лилли, дочери кузнеца, однажды он подошёл слишком близко к Стене.

– Привет, Лудильщик, – сказала Стена. – А хочешь ли ты получить столько силы, что Лилли, и Дженни, и Мариана, и все девушки в городе станут твоими?

– А что, ты так можешь? — спросил Лудильщик.

– Я могу многое, – сказала Стена, а когда съем этот Город, с его хрустящими башенками и аппетитными дверями, с выложенной булыжниками мостовой, с флагами цвета брусничного сиропа, то смогу ещё больше! Но, как видишь, я иду слишком медленно, всего-то сантиметр в год, и мне придётся добираться до Города очень долго! Получается, что я сижу на диете, а голодать мне совсем не хочется!

– И что же мне сделать? – спросил лудильщик.

– Подойди и коснись меня, – сказал Стена. – И я дам тебе столько сил, что ты сможешь поднять Горы, проглотить Холм, и вылить море в луга. А если ты не подойдёшь, то я найду другого, кто хочет Лилли, и Дженни, и Марианну, ибо я устала ждать. А люди всегда хотят так многого!

И Лудильщик подумал о Лилли, и Дженни, и Марианне, и сказал:

– Хорошо. Дай мне свою силу.

И он подошёл и погрузил руки по локоть в Стену.

И чёрные струи погрузились в его тело, руки покрылись шипами, глаза закрылись защитными щитками, панцирь, похожий на рака, заклепал со всех сторон его тело, а ноги стали похожи на внебрачный плод наковальни и тюремной колодки.

– Чудесно, – сказал Лудильщик, и от его голоса задрожали Горы.

Он вытащил руки из Стены.

– Доволен ли ты своей силой, что может реки обращать вспять и кипятить моря? – облизнулась Стена.

– О да, доволен, – сказал Лудильщик.

И снова протянул руки, и упёрся в Стену.

– Во имя золотистой карамели, и хрустящей черепицы, и аппетитных девушек, что ты делаешь? – спросила Стена.

– Всегда найдётся кто-то, кто захочет и Дженни, и Лилли, и Марианну, – сказал Лудильщик. – И захочет перевернуть Землю, и поставить всё вверх дном. Но он опоздал, ибо твоя сила – уже у меня.

И мышцы на его чудовищных руках напряглись, руки вздулись, а ноги ушли по колено в землю. Глаза сверкнули янтарным огнём.

– Нет-нет-нет, – заверещала Стена. – Ты не смеешь!

– Уже посмел.

С тех пор каждый, кто навещает Город, чьи крыши кажутся золотой нугой и пралине под лучами заходящего солнца, что краснее рубина, в окаймлении синих, как сапфиры, Гор, не без интереса выслушивает историю о Стене, находящейся чуть дальше к Северу от Города. Никто не знает, что она и кто Она такое; но иногда в ней возникают и исчезают тени, и будто бурлит Тьма.

А ещё – в самом центре Стены стоит статуя – настоящее чудовище, покрытое шипами, и рогами, и клешнями, и роговым панцирем, и лапы его, будто старые корни, по локоть погружены в Стену. Кто-то говорит, что он мёртв, а другие – что порой, после освежающей грозы, или в самые сильные морозы, можно услышать его дыхание. Никто не знает, кто он, и никто не знает, что это за Стена; но, в конце концов, горожане не особо волнуются об этом.

Ведь всем известно, что дюйм за дюймом, за годом год, она медленно отодвигается.

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многотомного повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (3 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публикует журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель российских и зарубежных литературных конкурсов.

А лето только начиналось...

Рассказ

Стоял май. Последние его денёчки. Самые последние и, наверное, самые беспокойные для жизни всех лесных обитателей. Всё буйно в рост пошло. И травинки, и кустики, и деревья, и вообще всякая живность, населявшая огромный лес, в котором жила обыкновенная человеческая семья. Хотя, как сказать – обыкновенная?.. Обыкновенные живут в городах или хотя бы в деревнях да посёлках. Эта же поселилась в маленьком домике посреди леса и больше походила на семью лесных обитателей, нежели на семью людскую. А всё дело в том, что глава её – высокий, сухопарый Олёша Яковлев – работал лесником, и в обязанности его входила прежде всего охрана лесных угодий от всяческих напастей. Вот он и расположился поближе к своему «рабочему месту», дабы не отмерять каждый день лишние километры, покуда до места этого самого доберёшься.

Имя своё, необычно звучащее, он получил ещё в детстве, которое прошло, как и у всех его сверстников, в самой обыкновенной деревне, пусть и расположенной в большом лесу. Нарекли его при рождении Алёшкой, имя это при дальнейшем взрослении и общении с такой же ребятнёй, как и сам Алёшка, переделалось в привычное деревенскому уху «Олёшка», а по мере вырастания носителя этого имени из него исчезла лишь одна буква «к» да добавилась фамилия. Ну, это уж в знак уважения к Олёше за добросовестное исполнение им возложенных на него обязанностей и добрую душу. Перепутать-то и так ни с кем бы не могли его односельчане. Всегда ж при разговоре добавлялось – ежли надо – всё поясняющее «лесник».

Было там когда-то человеческое жительство – на том самом месте, где теперь располагался домик Олёши – целый посёлок лесозаготовителей стоял и бурно функционировал. И дорога через тот посёлок шла торная, волоком называемая, даже телефонная линия была проложена. Но времена изменились, заготовка леса в том месте прекратилась, посёлок закрылся, и люди разбежались кто куда. Один только лесник и остался. Ну, вообще-то не один; Олёша – нормальный мужик, без какого-либо мужицкого или человечьего изъяна, и в положенное всякому обыкновенному мужику время обзавёлся он семьёй. Женился, то есть. Не всякая, конечно дело, девка была готова на такую «должность» и проживание в лесном одиночестве, немалое число их и сдыгало*, узнав, какая им светит перспектива, сделав «от ворот поворот» уж в последний момент, но Олёша шибко не переживал и свою половиночку-таки нашёл!

Избранницей его оказалась, как это ни странно, самая обыкновенная горожанка, к тому же не в первом уж поколении, городскую среду, вроде бы, в себя всосавшая с молоком матери от самого своего рождения, а на деле оказалось всё не так. Изабелла – это же надо было родителям столь диковинное имечко придумать! – вовсе не была горячей поклонницей городской жизни, к которой наметили её родимые матушка и батюшка. Наоборот: всей своей душой она всегда тянулась к чему-нибудь живому. К цветочку ли, восхищаясь всякий раз его красотой, будь то даже обыкновенный одуванчик, к кусточку ли зеленеющему, поглаживая его листики, будто собачку маленькую или котёнка, а уж когда настоящий-то котёнок в доме появился, так Изя – это для удобства обращения укоротили имя своей дочери её родители – и вовсе с ним не расставалась. Даже спать в обнимку с ним старалась укластись. И котёнок не возражал. Привык через какое-то время и уж сам шёл к маленькой девочке за очередной порцией ласки, которую очень любил и за которую искренне благодарил сладким мурчанием.

Дальше – больше. Ни в какие ни в артисты или музыканты Изя даже и не помышляла «проложить дорогу», как того желали её родители, а всё время старалась уединиться с природой. В первый раз это особенно отчётливо проявилось при поездке к бабушке в лесную деревню, из которой Изя наотрез отказалась выезжать обратно в город. Когда же родители вывезли её в «родные пенаты» силком, она почти всю дорогу проплакала, а потом и вовсе замкнулась в себе. Благо, что котёнок хоть был в доме, и малышка сколько-то оттаяла душой, общаясь с ним.

Но так продолжаться без конца не могло; девочка явно тосковала и мучилась без общения с «зелёными братиками» – как она называла всё растительное окружение бабушкиной деревни – и родители поняли, что хотя бы на лето дочку надо вывозить в деревню. Так и сделали, к неописуемой радости малышки, на следующее лето. Да и радости бабушки, вообще-то. Той-то всё ж не так тоскливо одной в доме. Хоть на тёплое время да с кем-то пообщаться можно. Ну и зажили...

Так вот и выросла Изабелла до взрослого возраста и, конечно же, пошла учиться «на лесничего». Не на артистку, не на музыканта, хоть и научилась – да и неплохо же! – играть на скрипке даже. Ну, а уж дальше сам Бог велел как и где жизнь построить. Ну, конечно же, в лесу! Поближе к «зелёным братикам», так поранившим душу ещё в раннем детстве. Ведь они показались маленькой Изе такими беззащитными, такими беспомощными, так нуждающимися в её попечительстве и каждодневной заботе, что она даже и не задумывалась о своём месте работы и жизни.

И – вот ведь не даром же говорится, что «добро к добру тянется» – как будто специально на её пути возник Олёша. Да баской-то какой! Высокой-то! Да молодой-то! Да добрый-то во всяком поступке своём! Ну, прямо-таки сказка-мечта какая-то, а не парень! И тому-то Изя сразу поглянулась! Ещё бы: молодая, красивая, да ещё и на скрипке играет! А злые на таком инструменте не сыграют – он им не покорится. Не долго и проворковали молодые в мимолётных встречах. Раз ли два ли только и всего-то повидались в лесничестве районном, и оба поняли: моё! Брать надо, покуда не истрепалось без толку и зазря. Ну и взяли. Вернее, взялись. За руки взялись – да и в сельсовет. Так, мол, и так, граждане-товарищи, готовы мы вот так – за руки взявшись – всю жизнь свою пройти, сколь нам отпущено будет – Господом Богом, правда, при этом вслух не произнесли – мало ли чего подумают окружающие – но в душе каждый это в виду имел. Хоть и через комсомол оба прошли, но прежде через бабушек родных стареньких, мудростью их напитавшись. Получили «заветную книжицу», то бишь «Свидетельство о браке», и – айда в лесную избушку. Изя к тому времени уж хорошо знала где и что делает её избранник.

Ну и стали «жить-поживать да добра наживать»! И не столь физического добра, сколь душевного. Избушка, конечно, преобразилась очень скоро под ласковыми женскими руками, тёплой да уютной сделалась благодаря рукам всеумеющим да добрым хозяйским, и закипела в ней жизнь во всяческих проявлениях. И овечки через малое время заблеяли, и козочки «забебекали», курочки заквохтали, поросёночек в загородке жердяном запохрюкивал, ну, и собачка, само собой, вскорости появилась. А как же иначе? Кто службу караульную нести будет? А хозяина до «рабочего места» сопровождать?..

С Шариком вообще история приключенческая вышла. Поехали Яковлевы в город к Изиным родителям на побывку. Встретились, за столом посидели, поговорили, и пошли молодые по городу погулять, свежим воздухом подышать. Идут, это значит, потихонечку по аллеечке тенистой, и вдруг – вой! Именно, что вой тоскливый, а не что-нибудь ещё. И как будто из-под земли. Глянули вперёд – колодец кабельный. И без крышки! И опять вой. Из-под земли! Сразу всё и поняли. К колодцу подбежали, глядь – а там на дне два щеночка в воде барахтаются! Наверное, рука нелюдя какого-то бросила и даже колодец не закрыла – люк в стороне валяется. Плачут щеночки, в воде барахтаются – её хоть и немного, но лапки коротенькие до дна не достают – и что делать? Ведь не проходить же мимо. А достать-то малышей как? Ведь колодец-то два с лишним метра глубины! Оглянулись – неподалёку стройка за забором. Олёша туда, малёхочко – с трубой какой-то назад бежит. Здоровая труба, с руку толщиной – никак не меньше. И длины метра четыре – всяко уж до дна достанет.

«Держи крепче!» – только и крикнул супруг Изе, указывая кивком головы на конец трубы.

А сам в колодец по этой самой трубе, как по шесту.

Пока то да сё – захлебнулся один из щеночков. Подняли его наверх – не дышит. А вот второй, как только твердь земную под ногами почуял, первым делом от воды отряхнулся, а потом... А потом к Изе подбежал и, «ни слова не говоря», руку ей язычком своим лизнул, покуда Олёша из колодца выкарабкивался. Видать, в благодарность за спасение... С тех пор он и не на шаг от своего спасителя. Куда Олёша, туда и Шарик!

Дальше – больше, и, конечно же, через положенное времечко «уа-уа» дитячье в домике раздалось. Сначала мальчишеское, а через три годочка и девчоночье. Грядочки всевозможные, «зелёными братиками» наполненные, обочь избушки появились – ну, прямо маленькое царство-государство вроде Монако какого-нибудь или Лихтенштейна! И хозяева в нём одни лишь Яковлевы! Как скажут – так и будет! Как задумают – так и сделают! И никто не указ!

...Тот годок удачный выдался. Тепло в своё время пришло, заморозки не донимали, и все «зелёные братики» в рост хорошо пошли. Картошечка уж посажена была, лучок с морковочкой, зелень всякая.

«Пожалуй, надо и капусту уж бы высаживать, – высказалась за завтраком Изя. – Смотри-кося, тепло-то застояло какое».

Хозяин и не возразил; надо – так надо. И – в лес по делам своим лесниковским.

А Изя в домике прибралась и с рассадой капустной на грядки.

А погода-то! А тепло-то как! А солнышко-то ласковое какое! Ну, прямо хоть растелешивайся донага! Жаль только, комары спокою не дают. Хоть и солнышко, вроде бы, а всё равно, нет-нет, да и кусаются. Но Изе не привыкать. Вытащила рассаду на грядки, инструмент в руки – и давай «братикам зелёным волю давать».

Сколько так времени прошло – Изя не считала. Знай себе, луночки выкапывала да очередной «комочек жизни» в них усаживала. Посадит, погладит по листочкам распустившимся, да ещё и приговорит: «Расти большой, малыш!». Как в детстве недавнем. И так кусточек за кусточком...

Вдруг – Изя даже и не поняла, как и когда это произошло – она почувствовала, что на неё кто-то смотрит! Да так остро почувствовала, что можно было бы подумать, что её кто-то потрогал этим самым взглядом, будто рукой! Выпрямилась женщина, обернулась в ту сторону, откуда взгляд исходил – нету там никого. И быть-то бы не должно. До деревни восемь вёрст, заходили к ним сельчане совсем нечасто, да и то по большей части в сезон сбора ягод и грибов. А тут... Постояла ещё маленько Изя, пытаясь повнимательнее разглядеть кусты и деревья, стоящие за жердяным забором, отгораживающим усадьбу лесника от остального леса, но ничего не заметила.

Только наклонилась к грядкам – опять смотрят! Ну, прямо-таки прожигают насквозь взглядом!!! На сей раз Изя резко развернулась и... и увидала за забором два глаза! Горящих, словно

жаркие уголья! Безмолвных! Недвижимых! Горящих на уровне коленей! Прожигающих взглядом насквозь, будто калёным железом! И зовущих к себе...

«Кто это?..» – мелькнуло в её голове, но ничего ответить себе она не могла. Даже предположить – глаза тянули к себе, как будто магнит! Изя сделала несколько шагов к огороду, за которым горели глаза, и, подойдя поближе, увидела... огромного волка!!! Серый хищник недвижимо стоял за забором, отделявшим усадьбу лесника от леса, и не сводил своих глаз с женщины.

И Изя вдруг почувствовала, что теряет рассудок. Нет, она не потеряла способность мыслить, но она потеряла власть над собой. Она вдруг почувствовала, что горящие глаза зверя зовут её! Манят её к себе! Заставляют приблизиться вплотную! Они словно бы говорят: «Иди сюда!!!» – и Изя ничего не могла с собой поделать. Она шла и шла к забору, покуда не подошла к изгороди почти вплотную. И увидела горящие волчьи глаза так близко от себя, что, казалось, об них можно обжечься!

Но, странное дело, она не испытала страха. Её чувства и эмоции словно бы покинули её тело или умерли безвозвратно, настолько велика была власть горящих глаз, зовущих её к себе. И она упёрлась в забор...

Волк ещё несколько мгновений пристально глядел на неё, словно проверяя, всё ли она сделала из того, что он хотел. Потом опустил свой взгляд на землю и коротко скульнул. Совсем как их собачка Шарик, которая, конечно же, ушла утром в лес вместе с хозяином. А после этого зверь развернулся и медленно пошёл прочь от дома Изи.

И женщина вдруг почувствовала, что к ней вернулось сознание. Ей захотелось одновременно и закричать, и куда-то побежать, но она не успела сделать ни того, ни другого, потому что зверь обернулся к ней. Изя опять встретилась с испепеляющим огнём его глаз! И снова потеряла власть над собой. Она замерла окаменело, как будто заколдованная, но уже в следующее мгновение взгляд волка приказал ей: «Иди за мной!».

Приказал властно, непререкаемо, и Изя повиновалась этому приказу. Она прошла за калитку изгороди и направилась к волку. Направилась, с ужасом думая при этом, что она опять не владеет собой. Что она не может противиться этому горящему взгляду! Что она – игрушка в руках кровожадного хищника, и он может сделать с ней всё, что угодно.

Видя, что женщина подчинилась, волк снова развернул голову и пошёл прямо по дороге, ведущей от дома Яковлевых.

И опять всё вернулось на свои места! Опять Изе захотелось закричать, куда-то побежать и укрыться, вместо того что бы идти туда, куда зовёт её зверь, но... хищник снова обернулся. Она встретила его взгляд и, опять потеряв над собой контроль, покорно пошла за волком.

Так продолжалось много-много раз. И всякий раз, когда Изя переставала видеть взгляд хищника, она хотела убежать домой, но всякий раз волк, как будто всё знавший и понимавший, оборачивался к ней, и женщина вновь и вновь попадала под воздействие его гипнотизирующего взгляда.

Так они прошли несколько километров. Изя хорошо знала лес, и знала, что они идут к болоту, на котором по осени в изобилии вырастает крупная клюква, но которую почти невозможно достать, потому что болото молодое и топкое. В нём ещё немало «окошек», в которые запросто можно провалиться, и уж никогда никто не сможет помочь выбраться обратно. Поэтому к болоту за ягодами ходили лишь отчаянные смельчаки, всегда обязательно компанией и непременно с верёвками. Теперь её вёл туда волк.

В то, что зверь ведёт её к болоту, Изя уже поняла и даже покорилась, поняв, что ничего она не сможет сделать против его горящего взгляда. Более того, она поняла ещё и то, что её дальнейшие попытки противиться намерениям зверя могут для неё плохо кончиться; зверь ведь может и рассердиться. Пока что он этого не делает, но ведь он же может... Он же зверь! Но вот зачем он всё это делает – этого Изя в толк взять не могла; уж слишком всё было напряжённо.

В какой-то момент ей даже пришла в голову шальная мысль: и кой её чёрт занёс в такую глушь? Сидела бы в городе, пиликала бы на скрипке и в ус бы не дула, а тут – на тебе! Попробуй разгадать загадочку, загаданную зверем, и найти ответ – чем же всё происходящее для неё закончится! Но это было всего лишь на миг. Всё остальное время она шла по лесу, ведомая огненным взглядом время от времени оборачивающегося волка, как козочка на верёвочке.

Наконец, они вышли к обрыву. Тому самому, который когда-то служил берегом для водоёма, ставшего началом болота. Сколько лет пролетело над лесом, сколько веков прошумело, покуда произошли необратимые изменения, и вода сначала застоялась, потом заилилась, а потом и вовсе превратилась в топкую равнину, на которую не дай Бог попасть? Не было на то ответа у Изи. Было только осознание: они пришли!..

Но вот куда? К чему? Зачем – на эти вопросы не видно было никакого ответа.

Волк остановился у кромки обрыва. Глянул мельком в сторону болота и опять уставился пристальным взглядом в Изю. И, странное дело; женщина снова не испытала никакого страха. Казалось бы, всё – пришли к какому-то финишу, сейчас для неё всё должно решиться, решиться, скорее всего, очень плохо, ведь рядом с ней топкое болото, на кромке его кровожадный хищник, самый свирепый и кровожадный из всех известных ей хищников северного леса, а Изя смотрела на него как на своего Шарика, не испытывая никакой дрожи. Смотрела и ждала. Просто ждала, потому что взгляд зверя, как и всё это время, гипнотизировал. Гипнотизировал и лишал всякой попытки ему воспротивиться.

И вдруг волк опять опустил голову. Повинно опустил, как мгновенно показалось женщине, и она тут же почувствовала в своей душе прилив какой-то жалости к зверю. Она по-прежнему ничего не понимала в происходящем, но жалость... это ни с чем несравнимое человеческое чувство, переполняло её душу. И ей уже хотелось шагнуть к волку навстречу, чтобы погладить его, как она много-много раз делала это со своим Шариком, но она подавила в себе это желание, где-то в глубине души осознавая, что роль ей предназначена другая. Какая – этого она так и не могла себе представить, но другая.

А волк, между тем, поднял голову вверх и испустил столь пронзительно-жалобный вой, что у Изи подкосились ноги!

«Господи!!! – пронеслось в её мозгу. – Да у него беда!!!»

Догадка была настолько очевидна, что у женщины не оставалось никаких сомнений в её правильности, но вот только в чём она – эта беда? Как ей понять зверя? А в том, что она должна сделать это, не было никаких колебаний! Она должна понять! Понять зверя и... помочь ему. Эта последняя мысль пришла опять как-то спонтанно, в малюсенькую долю секунды, но она так прочно овладела её сознанием, что Изя мгновенно поняла всё. Она поняла, что зверь пришёл к ней за помощью. Что беда, свалившаяся на него, слишком велика, и он не может с ней справиться. Что он пошёл на смертельный риск – решил обратиться за помощью к человеку. Но это означало только одно: он ДОВЕРИЛСЯ!!! Он доверился человеку – главному своему врагу! А доверие надо оправдывать. Всегда! Иначе ты уже не человек!

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Изи, и прежде чем она вновь поставила себе труднейший и главнейший вопрос – в чём же она, беда зверя, волк неожиданно сделал несколько шагов в сторону от обрыва. Он словно бы открывал ей дорогу, словно бы приглашал подойти к уступу. Изя нерешительно ступила вперёд и посмотрела на волка. Тот опять покаянно опустил голову и, жалобно скульнув, отшагнул ещё подальше.

И тогда Изя шагнула к самой кромке... И мгновенно всё поняла: прямо под обрывом, на узеньком – в четверть шириной всего лишь – земляном выступе, тянущемся вдоль обрыва, на вершок покрытом водой небольшого водного оконца, ещё не затянутого болотной ряской, прижались друг к дружке трое волчат. Зверьки выглядели совсем как собачьи щенки! Они жалобно поскуливали, вытягивая вверх узенькие мордочки, и время от времени пытались скрести неокрепшими ещё лапками по глинистой стене в попытках выбраться из западни, в которой очутились. Как они туда попали, когда, при каких обстоятельствах – обо всём этом можно было только гадать. Абсолютно ясно было только одно: все попытки волчат выбраться наверх бесполезны! Обрыв слишком высок и крут, чтобы на него залезть. Покрытый водой приплёсочек внизу слишком узок для того, чтобы на него могла спрыгнуть мать-волчица в попытках помочь малышам выбраться из беды. И даже если бы она это сделала – спрыгнула бы в воду в попытке помочь своим детям – выбраться наверх у неё не было никаких шансов: слишком высоко и круто.

«Ах ты, Господи! – мгновенно всё поняла Изя. – Вот, значит, зачем она меня сюда привела...»

Понятие «волк» в её мыслях мгновенно заменилось на «волчица», все загадки похода немедленно получили точную разгадку, не было ответа только на главное: как помочь зверю? Помочь матери, если уж точнее, помочь в спасении её детей?! Помочь немедленно.

Изя кинула быстрый взгляд по сторонам и обнаружила неподалёку длинную палку, брошенную, наверное, когда-то ягодниками. Палка походила на черенок длинных вил, которым в деревне метали стога сена в страдную пору, но она была изрядно подгнившей.

«Хоть глубину померять...» – молнией пролетело в голове, и женщина, схватив находку, подбежала обратно к обрыву.

А там уже всё изменилось. Волчата, растревоженные её появлением, все до единого барахтались в воде, шлёпая по ней лапками в попытках выбраться обратно на приплёсочек, и Изя чуть уж, было, не соскользнула по палке вниз, как по шесту, дабы помочь зверькам выбраться хотя бы на выступ, на котором она их обнаружила. Но вовремя одумалась и опустила палку прямо в воду позади волчат. «Шест» глубоко вошёл в вязкий ил, так и не достав до дна!..

«Ах ты, Господи! – опять в отчаянии воскликнула Изя. – Но не может же быть так, что тут нет никакого выхода».

Она отбежала немного в сторону и вдруг заметила, что чуть поодаль под обрывом маленький подводный уступчик чудесным образом расширился вдвое и поднялся над водой. Его не видно было сразу из-за напиравшей в том месте на берег болотной зелени и прибрежных кустов, свешивающих свои ветки в сторону болота, но он был! И на него можно было хоть как-то ступить и опереться, если спуститься к самой воде. Но как спуститься? Ведь высота обрыва была около трёх метров – как?! «Шест» для этого не годился – слишком ненадёжен – а лестницы же под рукой нет... Ах, если бы волчица могла говорить! Если бы она сказала, что тут нужна лестница. Изя бы, конечно, захватила её с собой. Как раз такая лестница и была в их хозяйстве, как неотложный инструмент. Но волчица не умела говорить по-человечески. Она могла только гипнотизировать своим взглядом... И вот что теперь делать?..

Изя оглянулась назад и увидела привычные лесные заросли.

«Туда!» – мелькнуло в её голове. – В лесу всегда можно найти что-то подходящее!»

Она метнулась в чащу, и очень скоро ей на глаза попалась молодая высохшая ёлка. Деревце было метра три-четыре ростом, с хорошо развитыми сучками, но нашлась и для него какая-то напасть – оно засохло.

«Вот оно!» – радостная мысль пронеслась в голове женщины, и она схватилась за высохший стволик.

Вырвать из земли засохшие корешочки не составило большого труда – ёлочки ведь не сильно их заглубляют – и через пару минут Изя была уже опять на кромке обрыва. Попробовала опустить комелёк ёлочки на уступчик – получилось. Сразу получилось! Мешали, правда, сухие сучки, но роста деревца вполне хватало, чтобы достичь уровня уступчика. Изя быстро обломала сучки, выбила маленькую канавку по кромке обрыва, в которую вставила стволик деревца, чтобы хоть как-то ограничить его перемещения вдоль обрыва, и полезла вниз.

И вот ведь странное дело: ни единожды в её голову не пришла мысль, что она неправа. Что она рискует своей жизнью. Что если стволик деревца ерзанёт по обрыву, и она упадёт в болото, то она может остаться под этим обрывом навсегда, точно так же, как и волчата. Ведь «шест» не достал дна!.. Ведь подступающая к обрыву болотная тина никогда не отпустит её от себя!.. Ведь в том месте, где она спускалась, даже нет оконца в ней! И у неё не будет никаких шансов выбраться из болота, потому что оно сразу засосёт!!! И даже если всего этого не произойдёт, и новоиспечённая «лестница» не соскользнёт по обрыву, всё равно наверх очень трудно подняться, потому что обрыв высок и крут, а уступчик очень узок. А ведь дома остались двое детей... И пусть им не угрожает опасность, но они могут потерять свою мать. Навсегда потерять!.. Но ни одна из этих мыслей просто даже и не заглядывала в голову Изи! Там было только одно: надо спасти волчат. Ну и что ж, что это волчата? Это малыши! Это дети волчицы, которая позвала её на помощь! Позвала, как мать! Как можно тут о чём-то ещё думать? Тут надо делать!!! Оказывать помощь, ради которой другая мать рискнула жизнью! И Изя думала только об одном: полезут ли волчата к ней? Не испугаются ли они её?

А волчата полезли!!! Как только ноги Изи упёрлись в уступчик, в который мгновением раньше упёрся комелёк ёлочки, волчата, словно по команде свыше (а может и правда, по неосязаемой команде матери!), забарахтались в воде и, жалобно поскуливая при этом, принялись одолевать пространство по болотной ряске, отделяющее Изю от них. Довольно скоро первый их них уже был на уступчике, и женщине не составило никакого труда подхватить его на руку. На одну руку, потому что другая всё время сжимала древесный стволик.

А вот дальше предстояло самое трудное: надо было как-то подтянуться хоть бы до кромки обрыва, чтобы поставить на него волчонка. И пусть невелико оно было – это расстояние, отделявшее вытянутую руку Изи от спасительной кромки – пусть даже меньше метра, но оно было. И Изя, как могла, полезла по стволику наверх...

И у неё получилось! Как только рука её, сжимавшая волчонка, поравнялась с береговой кромкой, зверёк мгновенно встрепенулся и, энергично оттолкнувшись от руки Изи, оказался на твёрдом!

«Слава тебе, Господи! – мелькнуло в голове у Изи. – Хоть один...»

Но на расслабление не было времени; ещё двое волчат уже жались к её ногам, вскарабкавшись на спасительный уступчик.

Дальнейшее не вызвало особых осложнений. Оба волчонка были подняты на кручу, а когда у Изи освободилась и вторая рука, она, хоть и с трудом, но дотянулась до кромки обрыва сама.

А там... В первый момент женщина не поверила своим глазам и тому, что увидела: все трое волчат даже и не думали бежать к матери!!! Они скучковались на самой кромочке обрыва и, жалобно поскуливая, впились взглядом в Изю! Они словно бы хотели ей помочь хоть сопереживанием! Они словно бы болели, как болеют на чемпионате мира за любимую команду футбольные и хоккейные болельщики. Болели и желали ей победы. Победы над высотой. И Изя победила!

Она тяжело перевалилась через кромку обрыва и беспомощно распласталась на земле, не обращая внимания ни на что. Она просто до предела устала! И волчата – эти отпрыски лесных хищников, спасённые ею от неминуемой гибели – подскочили к своей спасительнице и... принялись облизывать её лицо!!! Этого Изя оставить без внимания не могла. Она осторожно поднялась на ноги и отошла от рокового места.

И тогда – только тогда!!! – к спасённым волчатам подошла их мать. Она тщательно обнюхала каждое своего дитя, убеждаясь при этом, видимо, что это действительно они, её дети, чудесным образом спасённые от неминуемой гибели, что они живы и здоровы – Изя всё это видела своими глазами. Как в театре!!! Как будто она – зритель, а не главный участник СОБЫТИЯ. И после этого случилось самое главное: волчица – эта громадная серая хищница! – легла на живот и, словно бывалый фронтовой разведчик, по-пластунски поползла на животе к Изе. Женщина опять стояла недвижимо, загипнотизированная теперь уж не взглядом, а больше действом зверя, и лишь в последний момент словно бы кто-то подал ей команду, и она присела на корточки. То, что она сделала после этого, она никогда бы не смогла объяснить никому: она протянула руку навстречу ползущему зверю!!! Протянула и замерла уж окончательно. А волчица подползла к ней вплотную, замерла, глянула всё тем же выразительным взглядом прямо в её глаза и... медленным протяжным движением тёплого чуть шершавого языка лизнула женскую руку! Как спасённый Шарик когда-то...

А вокруг было так тепло и радостно! Так ласково светило солнышко с голубого неба! Так бурно пробивалась ему навстречу всякая жизнь! Ведь лето только-только начиналось...

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Александр ШЕРСТЮК
г. Москва (Зеленоград)
Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов, Союза журналистов России. Дипломант XIII международного Волошинского конкурса (Коктебель-2013). Автор 7 книг стихов и прозы. Зам. главного редактора по литературной критике журнала «Северо-Муйские огни».

«Зачем цветок?..»

***

Дева первая – Ева, Эвочка,
по-учёному, Эволюция,
когда быт свой компоновала
всем, что было тогда живущим,
она очень была разборчива,
вкус имела она безупречный
к цвету, к линии и созвучьям,
она дивно наотбирала
экземплярчики что получше.
Льют сиянье кошачьи очи,
включены они в мрак ночной
зримо – в сборную мира точно.
Точно так же – пластично, сочно,
хоть летящими, хоть ползучими –
жизнь в пространство струями вкручена:
то вьюном, то бесшумной змеёй,
то лисой, то льняной косой,
то хвостом кобылицы лихой –
совершенства отборных льются.
И та кровь, что реками льётся
из прогрызенных горл, из сердца
антилопы иль, скажем, зайца
и животных прочих хороших, –
эта кровь совершенна тоже.

Лебеди и змеи

Если любите лебедей,
то должны полюбить и змей.

Что такое, собственно, змеи?
Это есть лебединые шеи.

В чистом виде. Их голая сущность.
И скользящая их изящность.

Одинаковость линий и звеньев?
Нет, не только. Равны и в пенье.

Говорите, есть песнь лебединая?
Это миф. Есть – шипенье змеиное.

На примере животных

Прекрасное дело – каждому
только его, своё.
Воспойте же подданство, граждане,
не предавайте его.

Не может ведь быть иначе.
Распределились места:
глаза – непременно кошачьи,
а холод – собачий всегда.

***

Марине Тарасовой*

Когда носами псы на улице
с надеждой в сумки вам глядят,
вы вид не делайте замученный –
мол, знал бы, друг, что так получится,
припас бы сушку или булочку
и был тогда бы очень рад...
Вы знали, друг, что так получится.
Вы знали, друг, что так получится –
что каждый день на каждой улице
четвероногие есть умницы, –
не знать вы это не могли.
И вид не делайте замученный,
идите в даль благополучную...
Иль вовсе не ходите лучше.
Да, вовсе не ходите лучше!
Сидите дома и не мучайтесь,
варите, жарьте, ешьте лучше,
но не ходите вы по улицам.
Но не ходите вы по улицам,
не то такой случится случай,
что вы получите падучую,
да, вы получите падучую –
в глазах собак падёте вы.

* Марина Тарасова – виолончелистка, Заслуженная артистка России. Содержит приют для бездомных животных.

***

Нечто вползающее, нечто влетающее,
которое мы принимаем за
мурашек и мошек, козявок изящных
и возмущаемся, –

они сегодня мешают, конечно
(попробуй отмыть лобовое стекло!),
стекло, как бульдозер, по воздуху чешет
и крылья им рвёт, и взметает легко.

А ведь они не букашки, не мошки,
одной из них даже «божьей души»
имя дано...
Ты, доехав до мойки,
отмоешься ль сам – решить поспеши.

***

Расшагаться по сочнозеленью,
коренному народцу трав,
по мохеровым шапкам клеверным,
по короткой стрижке отав.

Расшагаться по-гулливерски
по стране изумрудных чад
и наречий всемирно-местных
замечательно не замечать.

Они так в свои дёрны вцеплены,
что не выдернуть, – это так.
Оттого-то великолепен
надзелёный надземный шаг.

Неуклюжие эти прелести
так покорны на первый взгляд.
Они спинами в ноги стелются,
про них *шёлковые* – говорят.

Но однажды в шелка эти ляжете,
запахнётесь в их аромат,
и мохнато-трепетным бражником
на травинке зависнет взгляд.

И отсюда, с земного уровня,
с высоты планеты всея,
вдруг предстанут такие штурмы,
взлёты, росчерки, вензеля –

станет благостно, станет ясно,
и сознание то проймёт,
что любой гражданин муравства
прямо в небо упрямо растёт.

***
В схватке за жизнь полноправно свиреп
всякий живущий, травинка и вепрь.

Встретились в ярости неукротимой
Буйство Асфальта и Жар Крапивы.

Скрежет железный каждый бугор
режет и грабит, чтоб был погребён.

Коже зелёной подводит итог
рыжий бульдозер – рыча, как бульдог.

Гусениц глупых, мягких, как мазь,
давят стальные. Разносится лязг.

Льются бензины на воинство трав,
право бесцельных цветений поправ.

Совесть не может машину сожрать,
если машине понравилось ржать.

Выкрашен, выброшен дико простой
лозунга выкрик: НЕ СТОЙ ПОД СТРЕЛОЙ!

А под стрелой на тросах к сердечку
близится крюк, червяково очерчен...

Но не сдаются мои изумруды,
бьют, как фонтаны зеленокудрые.

Через покрытья то там, то тут
горбятся корни, прутики прут.

В майском ударе, в вещем порыве
в высшие сферы ныряют проныры.

Дышат угарной углекислотой,
но кислород выдыхают зато.

Хобби их дивное – каждую пядь
без нормативов озеленять.

Глину и соль, чернозёмную массу –
жёлтую, белую, чёрную расу.

Ряской и хмелем, нощно и денно
лезут, цепляясь, по гладям и стенам.
Лезут в бутылки, в хрустальные вазы,
в очи пророков, в смоленские грязи.

Дыбом – дубы, кабачок – по-пластунски.
Кажется, нет им твердынь неприступных.

Кажется, нету бессмертнее граждан,
чем иммортели, – но только кажется.

Зренье продлив за окно «Жигулей»,
вдруг я увидел в струящейся мгле:

стайка берёзок, рядом с бетоном,
светом из фар моих перебинтована.

Ах, какие песни!

Ревела буря, дождь шумел.
Шумел камыш, деревья гнулись.
Идёт-гудёт Зелёный Шум.
Гудёт из изб.
Идёт вдоль улиц.

Через рощи шумные и поля зелёные
вышел в степь дальнецкую
парень молодой.

Для завоевания Сибири
ему, Ермаку,
только бури и не хватало.
Это поначалу.
А потом,
когда гром всё-таки грянул,
мужик перекрестился
и вспрянул.
Пошёл в Кучума палить.
Да, под шумок
много великих дел
можно наворотить!

***
баба Маня разгадывала кроссворд
там был вопрос «английская копейка»
баба Маня написала «пенс»
и поступила правильно
как-никак это существенная часть
её пенсии
причём с королевским брендом

а у меня русская копейка – и есть копейка
пусть она легко может быть пропейко
но она моё и копьё и окопейко
я коплю копейки
не купонами и не копнами –

коплю копьями
шерсть моей ФИО щетинится ими
как щетинится Шекспира фамилия*
копьями поражающими змия
и это уже не какой-то неприличный пенс
а пожалуй отличный шанс
это уже копьё-пенис
сразу снаряд оберег
и мой страховой полис

* Shakespeare – копьеносец *(с англ.)*

Баллада о пользе рыбоуженья

Повели поэта рыбку ловити,
захотели поэта крючку научити.

Захотели поэта крючку научити,
крючкотворству его наловчити.

Вот сползает с хат одеяло тьмы.
Вот добыт червяк. Вот и в лодке мы.

Тело речки вдаль распростёрлось, спит.
Серебро воды чешуёй блестит.

Вот пустил с кормы корешки кормак,
и растёкся вглубь дивный аромат.

До дна-донышка Донца-мелюшки
соблазнилась им рыбья ме́люзга.

Вот как клюнул, стал поплавок нырять,
стал нырять-шнырять, по верхам сновать.

Потащил поэт, рыбку выдернул,
рыбку выдернул, стал с крючка снимать.

Стал с крючка снимать – а никак не снять,
надо с мясом рвать, по нутру пахать.

Друг помог ему. Здесь упрёка нет,
но от рыбки той помрачнел поэт.

Дальше ловит он. А тут луч летит.
И сверкает весь, изнутри горит.

Красок полон сам, начал яркий труд –
за этюдом стал рисовать этюд.

Заиграла ярь. Поволок парок.
Даль накинула расписной платок.

Вышла лань к воде и губами пьёт.
Щебетьё летит и лучи стрижёт.

«Жабродёрствуй сам!» – тут сказал поэт
и на берег прыг. И ворчанье вслед.

Сел на бел песок, сиднем час сидит,
час другой сидит, обалдел совсем.

Пока дёргал друг, он своё ловил
и в сетчатку глаз свой улов сложил.

Каждый год теперь ждёт-пождёт поэт
ко дружку махнуть и опять ловить.

Заметка на обложке путеводителя

Есть разновидность среди татьб –
глазами мир приобретать.
Когда галопом по Европам,
вернее, по всемирным тропам
и в сёдлах спальных и каютных,
расписанные по минутам,
по Эрмитажам и Камчаткам,
взлётно-посадочные мчатся,
кружат колёсным куролесьем
среди Переславлей Залесских,
по каменным священным Лаврам,
по лавровишням цветоглавым,
ликуют кедно между кедров,
стремятся жизнь прожить не бедно,
распахнутым счастливым взором
глядят на все для них просторы,
глядят влюблённо в свои оба
и Волгу любят, точно воблу, –
им слишком очень весьма жаль,
что не впихнуть в пиджак Стожар,
что не вмещается в багажник
ну ни одна из псковских башен
и не нанижешь на шампур
ни Коктебель, ни как-то Лувр,
и что на палец не напялишь
кольцо, в котором сбоку Палех...
Да, очень жаль... Но их спасёт,
что зуб их что-то хоть неймёт.

Костры дискуссий

То ли Толи, то ли Оли
вдруг находятся в капусте.
Точно так же, то есть ой ли,
и в ораторском искусстве –
истину находят в споре,
в языках костров дискуссий.
В них сжигая частоколы
изречений златоустых,
распаляются всё боле,
праведным взвиваясь чувством,
то ли Толи, то ли Оли...
Спор рождает толуолы!

Спор рождён, чтобы взрывать.
Взрывом смеха, блеском молний
реплик острых и раскольных –
вверх тормашками взметать,
в пух и прах изничтожать
не одни лишь схемы, школы,
догмы их, рутины тонны,
но и дружб вроде бетоны
вдруг до трещин потрясать,
что не склеить, не склепать.
В общем, спорить, обсуждать,
толковать – что тол ковать...

В чистом поле, в грустном поле
так звенело мне стоусто:
ветер пел, что не позволит
прикусить язык дискуссий.

В искромётном диком буйстве
ветер пел, что быть собою –
выть любой пустой трубою.

Случайная связь

Звонок. Снимаю трубку: «Да».
– Ростов?
– Москва.
И разговор окончен.
И кто звонил, откуда и куда –
повисло зазвеневшим многоточьем.

Ростов Великий нужен был ему?
Иль тот, который называют «папой»?
А может быть, вопрос имел в виду
Ростова Петю – на коне и с саблей?

На миг соединились два слепца.
Вдохнули токи в проводов пружины.
Попутал бес их. Но черты лица
остались каждого далёкие, чужие.

«Он» – «я».
Тире шнура меж нами вдруг
повисло сбоем номера, контакта.
Нам не узнать друг друга!
Рваный звук
звенит резонно разобщенья фактом.

Но так же вот миры, играя в связь,
добились некогда скрутить мельчайше
крупицы в код такой, что родилась
вся жизнь кругом
из связи той случайной.

В Тараканове

Золотое колечко Блока
не влилось в Золотое кольцо
автострады картинно-лубковой,
церковь Блока – где озерцо
и вода одиноко-сирая,
и наполненность до глубин,
до осокой пронзённого ила
отраженьями рыб и рябин,
серых изб и постройки свайной.
Пена мыл кружевная плывёт,
а послышится песнь ветровая –
стынь свинцовою рябью взойдёт,
и нальёт воздух мраком грозным,
сочной мглою кругом обернёт.
Скотный двор промычит тревожно
и охапку вонищ швырнёт
на обугленность дупел вдовью
старых верб, окруживших погост,
и на остов *невесты христовой,*
что обглодан, как дикая кость.
Ни железной косынки не стало
и ни складок ступеней, как шлейф.
Это всё на эпоху отстало,
растворилось в туманах тех.
Свищет ветер в пустых глазницах,
красномясо кирпич отбит,
любит здесь стая птичья виться
и не любит она здесь вить.
И на стенах похабное слово
скифской музыкой отдаёт,
и зловоние скотства людского
из подклета, как гад, ползёт.
И представить не мог никак я,
что стоял здесь *он* под венцом,
где впервые прохлада злая
прикоснулась к *нему* кольцом.
Но представилось – что познаться
зримей вряд ли где б довелось –
здесь, конечно, прошли *двенадцать,*
но их вёл не Исус Христос.
Был у ведшего венчик с багрянцем,
не из белых – из красных роз.

Тех цветов и следов святые
завихренья взметнул октябрь...
И, захлюпав, резино-литые
вязнут в липкую стылую хлябь.

***

О. Мыслицкой, звезде Сургута

Ухо человека – знак вопроса,
знак того, что жить не так-то просто.
Мы живём, порой не замечая
знака этого, его основы тайной.

Но любое звуков сочетанье,
что летит с надеждой на свиданье
с разумом недюжинным и светлым,
завершается вопросом этим.

Всё в нас ищет ясного ответа!
Всё до дна не ясно даже свету.
За ответом послан луч мгновенный:
зритель, глянь! твоё какое мненье?

Запахи, то тычась в нас настырно,
то слегка касаясь стенок носа,
из букетов попадают в дыры
со своим каким-нибудь вопросом.

А букет вина ничуть не хуже!
Интервью своё он не упустит
взять у языка любого мужа,
и вопросы не всегда по вкусу.

Каждую секунду всесторонне
нас ощупывают незаметно
воздуха пытливые ладони:
– Кто вы, люди, есть? прошу, ответьте!

И помимо органов наружных
тайным ходом что-то дивное украдкой
по шестому чувству лезет в душу:
– И мою ты отгадай загадку!

Детские вопросы

– Зачем цветок?
– Чтоб ветер землю не унёс.

– Зачем земля?
– Чтоб обозначить горизонт.

– А горизонт?
– Цель ставшего на верный путь.

– Зачем та цель?
– Чтоб донести туда огонь.

– Зачем огонь?
– Им жгут клеймо, чтоб жгла любовь.

– Зачем любовь?
– Чтоб не нашлось достойных слов.

– Зачем слова?
– Слова? Напомнить про цветок.

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ
г. Ашдод, Израиль
Литературный редактор журнала «Начало». Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем – институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Автор более 10 книг стихов и переводов.

«Сверчок исчез, и с ним ушла эпоха...»

Мой старый дом

Я представляю, как вхожу в тот дом,
где жил несчётно лет тому назад,
я узнаю его родной фасад
и козырёк над памятным крыльцом,
я открываю дверь в родной подъезд,
взбираюсь по ступенькам не спеша,
как прежде, стойкий запах гуляша
откуда-то разносится окрест...
Вот справа дверь на первом этаже,
я жил за ней, теперь я здесь чужой,
мой ключ не отопрёт замок дверной,
нет книг моих на старом стеллаже
в квартире, где прожил немало лет
с родителями и своей сестрой,
где счастлив был и где болел порой,
где, если поискать, найдёшь мой след.
Отсюда топал с папой в детский сад,
потом – через дорогу в первый класс,
стоял под фонарём в вечерний час
и чувствовал подруги тёплый взгляд.
Здесь всё напоминает те года,
когда над Зарекой плыла моя душа,
и жизнь была светла и хороша,
и думалось, что это навсегда.
Я больше не приду в свой старый дом
и не зайду в подъезд – он мне чужой,
не хлопнет дверью за моей спиной,
никто меня не знает в доме том.

9.12.19

Заморыш

Когда-то был я заморыш маленький,
и мама сказку про цветик аленький
читала мне, если был простужен,
и гоголь-моголь потом на ужин
мне приносила в заветной кружке,
на дне которой живут лягушки,
и надо съесть до последней ложки,
чтоб ви́дны были их ручки-ножки
чтоб лягушонок не захлебнулся
и к маме с папой живым вернулся.
Был самым вкусным тот гоголь-моголь,
из двух яиц я просил. – «Не много ль?» –
мне мама ласково улыбалась,
и уходила, – и появлялась,
и чашка полной была до края,
я рад был, лакомство уплетая.
И вновь просил я про цветик аленький
прочесть мне сказку, – ведь я был маленький.

08.04.2020

Ночной сверчок

Давненько было, жил у нас сверчок,
он притаился в кухне на балконе,
там в банке прорастал у нас лучок,
и он там жил – на луковом газоне.

Он издавал там трели по ночам,
сверчал – да так, что слышно было в спальне,
он подражал заезжим скрипачам,
его пассажи были гениальны.

Он мог исполнить на одной струне
все «Вариации» Никколо Паганини,
и мы с женой – с ним на одной волне –
слова произносили на латыни.

Я говорил ей: «Magna res est amor[1]».
Она в ответ мне: «Cognosce te ipsum[2]» –
и становилась холодна, как мрамор,
как будто залита аптечным гипсом.

Сверчок же продолжал концерт полночный,
переходя к «Магнификат» Вивальди,
и звук его, священно непорочный,
вдруг прорастал стихами на асфальте,

он пробивал асфальт дорог ущербных,
промёрзшие стремнины тротуаров,
мир очищал от запахов консервных
и неизбывной вони перегаров.

Сверчок сверчал в ночи не уставая,
но мы, увы, сморились и уснули –
до утреннего скрежета трамвая,
до неизбежной утренней пилюли,

до утреннего солнышка в окошке,
до суматохи в утренней квартире,
до завтрака – жене, себе и кошке
и до зарядки в радиоэфире...

А вечером, когда уже все дома,
а на столе картошка, и лучок,
огурчики – подарок агропрома,
селёдочка, и свежий чесночок,

и радио талдычит без умолку,
и дух борща витает над столом,
и кошка клянчит рыбки, но без толку,
случился непредвиденный облом:

сверчок не засверчал, как накануне,
он не взмахнул над скрипкою смычком,
мы ждали музыки, но тщетно, втуне
и поглощали ужин свой молчком.

Сверчок исчез, и с ним ушла эпоха
вечерних посиделок за столом,
когда не ждали от друзей подвоха, –
ушла эпоха, отдана на слом.

[1] Великое дело – любовь (лат.).
[2] Познай самого себя (лат.).

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Автор многих книг стихов и рассказов. Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Бийский вестник», «Интеллигент», «Вертикаль», «Огни Кузбасса», «Доля», «Русский берег», «Вовремя», в альманахе «Дафен» (г. Синьян, на китайском языке, в переводах Хэ Суншаня), «Флорида» (г. Майами), в «Журнале ПОэтов» (Москва).

«Стремятся вслед за мною тени птиц...»

***

Хоть верьте прорицанью, хоть не верьте:
Поэзия –
Есть отрицанье смерти!

Она – в любви,
Вне веры в Да и Нет,
Как говорил и говорит Поэт,

Из века в век
Живущий между нами,
Под разными скрываясь именами...

2020

***

К поэтам, в чьих стихах –
Мессия
Из космоса являет взор, –

Была жестокою Россия
И остаётся
До сих пор...

Страдает Гений и Пророк:
В его глазах –
Судьба и рок.

Любовь и боль,
Увы и ах, –
В его всевидящих словах...

2020

***

В стране Сибирской – вьюжной, снежной –
Над Вечной Мерзлотою – там,
И тут –
Со мною – добрый, нежный,
Влюблённый в детство Мандельштам...

Тепло на сердце
И светло
От однотомника его...

2020

Танго «Божий дар»

Ты можешь в зал войти,
В танцзал февральский мой...
И растопить камин... И станцевать со мной...
Пусть вновь огонь под зеркалом горит
И освещает твой счастливый вид...
И танго «Божий дар» звучит: – Come in! –
И водка слаще
Всех заморских вин...

***

Волшебны образы,
Пленительны мотивы
Февральской ласковой заснеженной зимы...

И мы
Опять с тобой для счастья живы,
Опять – о, Муза милая, – и мы!

Оттаивают –
Музыка и стих –
Под солнышком на окнах ледяных...

2020

***

От детства до старости
В музыке слов –

И страсть, и усталость
И снов, и основ –

Надежды и памяти
Ложь или бред...

Идёшь – год за годом –
А выхода нет...

2020

***

Полжизни я молился:
– Дай мне, Бог! –

Полжизни я томился:
– Не дай, Бог! –

И вот, увы,
Молитвам вышел срок...

Меня услышать Он
Так и не смог...

2020

***

Воркуют голуби...
И каркают вороны,
Когда смолкает колокольный звон...

И я иду по улицам Вероны –
К Ромео...
И к Джульетте – под балкон...

Куда
Над мрамором, увы, бессмертных лиц
Стремятся вслед за мною тени птиц...

Февраль, 2020

Яков ШАФРАН
г. Тула
Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка».

Берёзовая Русь

***

Прижмусь к берёзе – славно, благодать! –
В ней жизнь гудит кипуче, неустанно.
И, будто в детстве, мне природа-мать
Готова залечить любую рану...

***

Бледнеет небосвод, сереет роща,
Берёзы с полутьмой слились.
Луна за тучами лучи полощет –
Беззвёздна сумрачная высь.

Не спится мне, под утро нет покоя.
Пройдусь, хотя ещё темно.
В поре такой есть что-то колдовское,
Как будто в мир иной окно.

Иду, стволы берёз рукой лаская
И взором – розовый восток.
И видится душе: там жизнь иная,
Живительной воды исток.

***

Речка, косогорье.
Дальние поля.
Ближнее подворье –
Милая земля.

Милая Россия,
Милая земля,
Ты моя стихия,
Ты моя семья.

Городами, селами
Мне б пройти твой свет,
Видеть их веселыми,
Слать любви привет.

Старые и главные
Песни петь и петь,
Чтоб деянья славные
Не кончались впредь.

Время тихо катится.
Взор стремится ввысь.
Прочь все неурядицы,
Чтоб мечты сбылись!

***

Уж в роще темно, догорает тоскливо
Заря меж берёзовых крон.
И следом за ней наплывает лениво
Ночной продолжительный сон.

Но птицы, смириться со сном не желая,
Хвалебную песню поют.
И песня несётся от края до края,
В любви провожая зарю.

***

Кто счастье ищет неустанно,
Меняя страны, города,
Игрушкой стал в руках обмана,
И жизнь такая – суета.

А счастье – солнца луч рассветный,
Сиянье россыпей росы,
И птичий певчий хор приветный
Среди берёзовой красы,

И сказочное многоцветье
Осенних радостных картин,
И серебро в закатном свете
Дрожащих тонких паутин,

И ветви, инеем покрыты,
И снег – от неба благодать,
Мороз забористо сердитый,
И речки ледяная гладь,

И звёзд смиренное мерцанье
Из беспредельности в ночи,
Любви божественной дыханье –
Лишь «тихо чувствуй и молчи»,

Алмазная капель весною,
Бурливо звучные ручьи, –
Всё это счастье мне земное,
Крупицы радости мои.

Ещё: в покое и довольстве
Народ бы наш российский жил
И креп, и расцветал в потомстве,
И счастлив бы вовеки был.

И не нужна страна другая,
Других не надо городов,
Была бы ты, моя родная,
Земля мечтаний и трудов!

***

Проста берёзовая роща,
Как вся берёзовая Русь.
Что может быть милее, проще?
Но отчего на сердце грусть?

Давно на рощу точит зубы,
Давно уж глаз свой положил
Богатый многоликий зубр –
Готов построить сотню вилл.

Что может быть сегодня проще?
Но отчего на сердце грусть? –
Проста берёзовая роща,
Как вся берёзовая Русь...

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Член Союза писателей России. Автор 6 книг стихов и прозы, сборника сказок и 2 документально-исторических книг о Болгарии. Член Европейского конгресса литераторов (Чехия), руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», член редакционного совета журнала «Белая скала», литобъединения «Точки» при Совете по прозе СПР. Стипендиат министерства культуры РФ.

Стихи начала двадцатого...

Минувшее

Всё в минувшем:
день прожитый, чья-то радость и беда,
Пораженья и победы, кем-то сказанное «Да!».
Где-то вспыхнувшие ссоры
и крылатое «Прости».
Этажей пугливый шорох,
будней серые пласты.

Всё минуло с днём прошедшим,
всё ушло в небытие.
По неведомым пределам растопталось житие.
По ступеням, по скрипучим,
ночь ступает налегке.
Бой часов. Фонарь дворовый
свет рассеял вдалеке.

Новый день спешит с просторов,
обходя привычно мир.
Тихо-тихо, тонут звуки
в скромной бытности квартир.
Спят родители и дети,
в день грядущий смотрит век.
И по праву, как и прежде,
счастье мерит человек.

Поэт

Изогнула спину лампа, расплескала свет.
Ночь без сна и тянет лямку у стола поэт.
Рассвело, а он слагает. Исчеркал листы.
Первый луч в окне играет,
тень сползла в кусты.

Крепкий кофе стынет в чашке,
съеден шоколад.
На тарелочке – фисташки...
отрешённый взгляд.
День ворвался в тихость дома
свежим ветерком,
Встал поэт, вздохнул...
истома подкралась тайком.

На крылечко вышел вскоре:
«Здравствуй, белый свет!»
А с зелёного забора шепчет вьюн: «Привет!»
И ромашки раскивались и метнули взор:
«Мы хозяина заждались», – слышится укор.

В синем небе, словно в море,
стая гордых птиц.
Крылья плещут на просторе у иных границ.
А на тонких ветках сливы воробьи шумят,
Сочных листьев переливы огласили сад.

«Вот где жизнь!» –
и на ступени шумно сел поэт,
Зажигалка на коленях, пачка сигарет.
«Вот где музыки стихия! Вот где мира суть!
Слышу рифмы и стихи я – взволновали грудь!
А в моих? В них нет и проку, только мига тень,
Предаваясь слов потоку, прославляю день.
А природа совершенна – торжество вокруг,
И букашка в ней бесценна,
всё сомкнулось в круг. –

Он вздохнул. – И я прославлю
этот мирный час,
Ускользающий бесславно в бытность мимо нас.
Воспою рассвет лиловый, мимолётность дня
И струящуюся нежность, что вокруг меня».

Вирус

Железный век, двадцатый год,
Весна... апрель и Пасха скоро.
А с улиц вдруг исчез народ,
И непривычно пуст наш город.

Сидим в квартирах взаперти,
Всему виною – вирус новый.
Он смог обычность запретить
И нам принёс венок терновый.

Коварно время – враг суров,
Осуждены мы на покорность.
А за окном в тиши дворов
Зелёный реденький покров –
Земли и неба чудотворность.

Седьмой этаж

Седьмой этаж, квадрат в квадрате,
Бетонный ряд жилых квартир.
В кабине лифта – указатель,
Входящим он ориентир.

Спешит наверх, потом обратно
(Как на реке снуёт паром),
И створкой хлопает стократно,
Дрожа железным всем нутром.

На этажах – стальные двери,
Проход в таинственный уют.
И ряд замков – цепные звери,
Пройти чужому не дают.

Подслеповатые оконца
Бесцельно смотрят в небеса.
В лучах оранжевого солнца
Дома в строительных лесах.

Возводят их стеной друг к другу,
В шеренгу ровную стоят.
Заполонил собой округу
Высотный ровный градоряд.

Я на балконе, на Садовой,
Плыву под крышей, словно чёлн.
Седьмой этаж в квартире новой
Стать центром мира обречён.

Николай ТИМОХИН

г. Семей (Семипалатинск), Казахстан

Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии.

Зам. главного редактора по международным литературным связям авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни».

Зав отделом поэзии журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» (г. Тула). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). Председатель редколлегии международного художественно-публицистического журнала «Современная всемирная литература», (Нью-Йорк, США).

Из нового...

Астана

Ты – моя любимая столица
Лучезарный город Астана!
И в тебя так трудно не влюбиться,
Моему ты сердцу отдана.

Воспеваю я твои просторы,
Высоту и красоту домов.
Их цвета и яркие узоры
Описать моих не хватит слов.

Ты столица – символ Казахстана.
Астана – рождение чудес!
И тебя хвалить я не устану,
Возвышая словно до небес.

Ты - моя любимая столица
Лучезарный город Астана!
И в тебя я навсегда влюбился,
У меня такая ты одна.

***

Дорога, длинная дорога
Ковром лежит передо мной.
По ней иду давно и много,
Вдали оставив дом родной.

Остались в прошлом все печали,
Моя любовь к тебе одной.
Её смогу забыть едва ли,
Хоть стала ты совсем другой.

Иду в жару я и в ненастье,
Чтоб одолеть нелёгкий путь.
Искать своё повсюду счастье –
Быть может, в этом жизни суть?

Дороги, новые дороги...
Как долго мне шагать по ним?
Остались позади тревоги.
Любовь растаяла как дым...

***

Вся твоя красота-это тайна.
Не могу я её разгадать!
Ты загадочна необычайно,
И к тебе я желаю опять

Прикоснуться, как к звёздам, губами,
Чтоб остаться с тобой навсегда.
Описать твои очи словами
Я не в силах. Твоя красота

Не даёт много лет мне покоя.
Не могу я найти себе места.
У меня предложенье такое:
«Согласись стать моею невестой!»

Ты и вся красота твоя – тайна.
Не дари мне молчанье опять.
Наша встреча с тобой неслучайна.
Ты хоть что-нибудь можешь сказать?

***

Вновь до утра мне не уснуть,
Когда со мною рядом ты.
Нас ждёт с тобою долгий путь
В страну любви. От красоты

Твоей небесной, неземной,
Я чувствую души полёт.
Рождён он давнею мечтой
О счастье нашем. Вновь придёт

Рассвет – желаний исполненье.
Мне не смокнуть глаз до утра,
Ведь это страсти наступленье
И вечная любви игра.

***

Мне фонари в глаза пускают свет
И не смогу уснуть я до рассвета.
Всё кажется, конца у ночи нет.
А новый день за горизонтом, где-то –

Лишь на подходе... Что он принесёт?
Заранее никто не в силах знать.
И я гадать не стану наперёд –
Потери или счастье? Но опять

В глаза мне фонари пускают свет.
И не усну теперь я до рассвета.
И кажется, прошло так много лет
И жизнь моя промчалась как комета.

***

Девушка сидела у окна
И весну встречала по мгновеньям.
Прятала в глазах тоску она.
На неё смотрел я с восхищеньем

Мне бы подойти к ней и сказать:
«Не встречал я красивее Вас.
И хочу влюбиться я опять
Как когда-то в прошлом». Но в тот час

Я не смог произнести ни слова.
Мысли разлетались словно птицы.
А душа моя была готова
К девушке той милой устремиться,

Что сидела тихо у окна.
И, весну встречая по мгновеньям,
Прятала в глазах тоску она,
Ожидая счастье с нетерпеньем.

Марина СКВОРЦОВА
г. Москва

Скворцова Марина Владимировна родилась в Ульяновске, с 1998 года живёт в Москве. Работает учителем английского языка. Член Союза писателей России, автор 7 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов.

«Медовый вечер»

Моя Россия

Моя Россия – ширь реки,
берёзок реверансы,
по лугу солнца мотыльки
и соловья романсы.

Моя Россия – отчий дом
и тёплый запах хлеба,
бабули выцветший подол,
лицо в ладонях неба
и серебристость в волосах,
и половодье взглядов...

Моя Россия – небеса,
распахнутые рядом,
и сердца самый чистый звон,
и боль моя в ненастье.

Глубок в России свет икон,
и самобытно счастье,
по пояс – травы в полный рост,
а церковь – место силы.

К Нему*... тропинка на погост
с недавних пор - Россия.

Россия песней хороша
и в солнце, и в ненастье.
Россия – ближнего душа,
распахнутая настежь.

*к любимому

Лоскутное одеяло

Любимой бабушке…

Одеяло любимое наше.
В нём история прожитых лет.
С лоскуточков хлопчато-бумажных
луговой разливается свет.

Вот ромашки... Я платье любила,
надевала по случаю лишь.
Белым облаком детство уплыло
в вековую рассветную тишь.

Это был сарафанчик из ситца,
там братишек моих ползунки.
Не успели, видать, износиться
в те счастливые наши деньки.

Только выцвели чуть. Эко дело!
Лишь дороже... В них времени след.
Полотняною ниткою белой
был прострочен бабулин «букет».

И цветут васильки, незабудки.
А средь них, как с небес письмецо:
разноцветье сатиновой юбки...
Пред глазами – родное лицо.

Я рукой провожу осторожно
по теплу от бабулиных рук.
Стало вдруг и светло, и тревожно...
от любви и грядущих разлук.

Одеяло лоску'тное глажу,
а душа незабудкой цветёт.
И о чём-то особенно важном
мне до боли сердечко поёт.

Я птица

Я птица, но скажите мне, какая,
И отчего в глазах такая грусть?
Зовусь Мариной, стало быть, морская.
В ненастье чайкой надрываю грудь.

В погожий день в родимом небе синем,
Где мысль течет спокойней и светлей,
Себе кажусь лебёдушкой красивой,
Вороной белой – на чужой земле.

До глубины небес взлететь смогу ли,
Когда крыло подранено в грозу?
Голубкой белой, о любви воркуя,
Какую весть от Бога я несу?

Не покидают помыслы в полёте
Укрыть Россию под своим крылом.
С тревожной песней на высокой ноте
Я вымираю белым журавлём.

Я птица одинокая, без стаи.
Не оттого ли часто я грущу?
Но главное: летаю я, летаю,
В метель и дождь крыла не опущу!

Медовый вечер

Окна солнцем залиты,
жёлтым, словно мёд,
и в округе – зарево
от медовых «сот».

В синеву бездонную
уплывает свет,
и стоит медовая
зелень: краше нет!

И листва округлая
пьёт медовый сок.
Протянула руку я –
сладок ли медок?

Всё б, глядишь, и сладилось
на моём пути,
коль немного сладости
сердцу обрести...

Владимир СПЕКТОР
г. Луганск/Бад-Зоден
Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей Украины. Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат международных литературных премий: имени Юрия Долгорукого, Сергея Михалкова, Владимира Даля, Николая Тихонова, Леонида Первомайского и Арсения Тарковского.

Регулировщик света

***

Ну, что с того, что я там был…
Юрий Левитанский

Ну, что с того, что не был там,
Где часть моей родни осталась.
Я вовсе «не давлю на жалость»...
Что жалость – звёздам и крестам

На тех могилах, где война
В обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя,
Хоть, кажется, ещё видна

Тень правды, что пока жива
(А кто-то думал, что убита),
Но память крови и гранита
Всегда надёжней, чем слова.

Ну, что с того, что не был там,
Во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там – сорок пятый!

***

Лумумба, Дэвис, Корвалан...
Кто помнит звонкость их фамилий?
От «жили-были» до «забыли» –
Тире, как от «пропал» до «пан».

А я вот помню. «Миру-мир»
Кричал на митингах со всеми.
Прошло своё-чужое время.
Конспект зачитан аж до дыр.

А мира не было и нет.
Похоже, здесь ему не рады.
И эхо новой канонады
Летит, как бабочка на свет.

***

Предательство всегда в прекрасной форме.
Ему оправдываться не пристало.
Полузабытый бог геноссе Борман
Простит и даст команду: «Всё сначала».

И в жизни, как в недоброй оперетте,
Зловещие запляшут персонажи...
Вновь темнота видней на белом свете,
А свет опять заманчив и продажен.

***

Подлецов не становится больше.
Их и раньше хватало с избытком.
– Не по паспорту бьют, а по роже, –
Повторил он, – попытка не пытка.

Он пытался, то тихо, то громко.
Он не знал, что такое усталость...
Недодуманных мыслей обломки –
Всё, что было, и всё, что осталось.

***

Ангел удачи кружил над плечом,
Но не садился, боялся чего-то.
– Что за удача? За что и почём?
Что за душой? – За душой лишь полёты.

– Что за полёты? – В мечтах, как в стихах.
– А наяву? – Всё, как в прозе житейской.
Что отдаёшь? – самый страшный свой страх...
Дрогнули крылья: «Иди и надейся».

***

Здравствуй, дедушка, это ведь я, твой
«Курчатов»,
Что не стал академиком, как ты мечтал.
Всё случилось не так, как хотел ты когда-то,
Если б только ты знал, если б ты только знал...

Буратино с Незнайкой и с Кариком Валя –
Время добрым казалось, бессмертным слегка.
Мы читали с тобой, дни за днями листали…
И судьбу прошивала дорогой строка.

Что успел –
подарить мне любовь между строчек,
Что хотел – научить не стесняться себя...
Ты прости, что я был благодарным не очень.
«Ты прости» – это нынче шепчу я, любя.

Становлюсь на тебя я похожим с годами.
Интересно, узнаешь меня или нет...
Преломляется время, парившее с нами,
И рождает, как в детстве, мерцающий свет.

***

Состоящим из неба и звёзд
Среди будней легко состояться?
Даже зная, что «мир так не прост»,
Ждать и ждать, и не факт, что дождаться

Неизвестно чего и когда,
Ощущая, что небо и звёзды,
Это те же песок и вода,
И что «рано» становится «поздно».

***

Окно планшета – это жизнь взаймы,
В которой я – регулировщик света.
Не только, впрочем, света, но и тьмы,
Всего, что есть и, к сожаленью, нету.

Я – свой-чужой в потоке новостей,
Где только взгляд от правды до обмана.
И только фотографии детей
Сигналят честно – выключать свет рано.

Павел РОСЛАВСКИЙ
г. Москва

Рославский-Нарышкин Павел Викторович родился и живёт в Москве. Окончил Московский государственный строительный университет. Работал архитектором-реставратором, дизайнером интерьеров. Участник IX литературного семинара «ПарОм» (2019). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни» (с 2017). Публикации в сетевых изданиях Donum, «Полутона», в журналах «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией». Авторский сайт: https://roslavsky.ru

«Последние бабочки лета...»

***
Держись крепче за коляску,
не то ветром выхлопным
унесёт,
пронесёт по хрустящим губам,
напомаженным ягодным сном.

Держись крепче где-то рядом,
не то ветром дворницким
унесёт,
пронесёт по солёной спине
в золотисто-седой чешуе.

Держись крепче, по порядку
не сбавляй, не отставай —
унесёт,
пронесёт мимо дома в авось
безымянным,
бесхозным.

***
уго́льные крыши
подпольные мыши
старик на трёхгорке с протянутой рукой
свободная касса
творожная масса
и хлеб на кефирной закваске
февральские кости
бенгальские трости
сгибают предпраздничный стол дугой
слипаются губы
свиваются трубы
сливается зеркало с небом
взрываются звёзды
срываются слёзы

***
чёрно-белый город
белый бок немного сколот
чёрный исцарапан
и сифонит старый клапан
надувной планеты
битый пиксель сигареты
прожигает неба
ткань вуаль а-ля ля-ля

дети наряжают
межсезонье в цвет озона
в клетке в вязком споре
бег-побег на белом поле
как зрачок нелепый
человек стреляет небо
у вселенной рвётся
ткань вуаль а-ля ля-ля

***
Вот пёс хромой в тельняшке,
вот лес немой в растяжках,
вот дом не мой.

Хотел бы я сказать: «Вот мы с тобой»,
но здесь мы просто мусор бытовой,
да хоть и с общей простынёй.

Вот ржавая шестёрка,
вот ветхая избёнка,
вот за стеной

ТЦ, БЦ, каршеринг, АЗС,
и чей-то перемат идёт вразрез
с ничьей. Война и мир — 3:0.

***
А у города сыпь
на вспотевшем лбу,
а в глазах недосып
от бинарных бу-
дней. Быстрей. Параллель.
Утро. ТПУ.
Пересесть на троллей-
бус. Ввинтить в толпу
ежеутренний ко-
фе. С собой. В пакет.
И – за парнем в трико,
не жалея кед,
в опенспейс к девяти.
Повторить?
Повторить!

***
Снег лежит в ПЭ пакетах,
на тропе — позёмка-мусор,
чёткий бит проходит по лыжне.
Мимо пробегают лоси,
напустив ореховый туман.
Только мальчик в жёлтой кепке
виновато кормит уток.

***
Последние бабочки лета
застыли на теле цтп –
бабочкино гетто.

Возможно, и в этом гетто
будет станция метро
«Бабочкино лето».

Лидия РОЗИН

г. Мюнстер, Германия

Лидия Розин родилась 6 августа 1948 г. в Сибири, в Кемеровской области. В 1956 семья переехала в Казахстан. В Казахстане закончила школу, получила образование и до переселения на историческую родину (1994) работала инженером-связистом.
Стихи писала с детства, печататься начала в Германии. Автор 3 книг стихов.
Жила в городе Бонн. В 1999 году организовала в Бонне русско-немецкую радиопередачу «Добрый вечер», затем (2003) – радиопередачу «Берега». В 2010 году вышел роман «Ошарашунг», в 2012 году роман издан в переводе Евы Рённау под названием «VorüberGestern».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«И снова счастлива, и снова людям верю...»

А за спиной у них... шептались тени

Роскошный май преуспевал в цветеньи –
Вокруг к любви тянулось всё живое.
Вновь встретившись, беседовали двое.
А за спиной у них... шептались тени,
Уютно развалившись на лужайке:

– Давно не виделись, а ты не изменилась,
Чего не скажешь о твоей хозяйке...
– А твой-то, Дон Жуан, что с ним случилось?
Он постарел и... форму потерял.
Нашёл ли то он, что всю жизнь искал?..
Тебе с ним очень трудно приходилось?
– Да, нелегко. Могу тебе признаться.
Полмира с ним объехали – не меньше,
Ему всегда была верна я – тень же...
И от меня не смог он оторваться –
Не смог, как ни старался, он взлететь.
Мечтала я хоть на одно мгновенье
Вдруг сделаться свободной птичьей тенью.
Но мой удел – у ног его сидеть...
– Да, ты права, быть тенью нелегко,
Ведь мы для них не значим ничего.
Для нас, теней, в природе счастья нет:
Что человек, что дерево, что здание, –
Все выполняют лишь одно задание –
Они от тени заслоняют свет.

Утро

Ты не успел сегодня мне присниться –
Мой сон украли на рассвете птицы.
И вот, в который раз опять
Мешает утро о тебе мечтать.

Какие-то дела меня зовут
(Их отменить была б я очень рада).
Но старый долг мой – негодяй и плут –
Напоминает, что работать надо.

Настало время отдавать долги,
И ждёт меня реальный мир, в котором
Мне неуютно, и мои стихи
Всерьёз не принимают кредиторы.

Ушедшей ночи призрачный сонет
Разбил нечаянно очередной рассвет.

Муза

Пешком по бездорожью, в непогоду
Она идёт за мной в огонь и в воду.
Гоню её и от неё сбегаю
И очень часто больно обижаю.

Она диктует мне наивные стихи,
А я их рву, я их в огонь бросаю.
И как избавиться от них, не знаю.
Без них же умираю от тоски.

А Муза мне все слабости прощает
И вновь меня, упрямая, находит
И молча от реальности уводит,
И снова улыбаться заставляет.

И с нею я про боль и про потери
Спокойно забываю и опять
Её диктанты заношу в тетрадь,
И снова счастлива, и снова людям верю.

Рождение книжки

Дописана последняя глава.
В порядке строгом собраны листы.
В колоды строф уложены слова...
В итоге у отведенной черты
Поставить надо точку и проститься...
И вот уже попали в переплёт
Событья, годы, города и лица.
Осталось только в памяти пройти
Ещё один, – последний, поворот...
Перо ещё раз просто обмакнуть
И провести черту под эпилог.
Ещё раз проследить нелёгкий путь –
Пройти назад, против теченья строк
К истоку небольшого ручейка,
В страну ещё невысказанных слов,
Где робкому дыханию стиха
Противоречит бодрый звук рожка –
Настойчивый, тревожный, странный зов
Вершин, что мною не покорены...
Из переулков памяти звучит
Мелодия рассветной тишины.
Но здесь у нас расходятся пути.
И отправленья час уже пробит:
В реальный мир от памяти уйти...
Пора уже, как это ни печально,
И на прощанье прошлому махнуть.
Пора. Пора.
Звучит свисток финальный.
– Ну, в добрый путь!
– Не забывай! Пиши!
Пора уже закрыть обложку-крышку.
И... Крик души!
И...
С днём рожденья, Книжка!

Юлия РУДОМАЗИНА
г. Санкт-Петербург
Главный редактор литературных изданий Международной медийной группы «Интеллигент» /Костомукша, Карелия/.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Всё застыло в ожидании чуда...»

***

Всё застыло в ожидании чуда.
Из ниоткуда
Вот-вот
Прилетит вертолёт
С голубым волшебником,
Таким всклоченным,
Таким бархатным,
Будто сам Кайл Маклахлан
Или сам Дэвид Боуи.
Ободранный, словно обои,
Из обрывков слаженный,
Замазанный сажей,
Сотканный урывками,
Сшитый жестяными нитками,
Красными, зелёными,
Фиолетовыми,
Фальшиво отпетый,
Написанный наощупь,
Чёрным ботинком по снегу пройдёт,
Слепой как крот,
По двойной сплошной жёлтой
Следами третьего сорта,
Второго апреля, десятого марта...
...Тысячу раз ха-ха...
С высока
Эхо отзовётся
Паническим смехом уродца –
Плачем по безлюдью,
По усопшему празднику
Непослушными слезами,
Затолкнутыми в глотку,
Связанными в кулак,
Грохотом, стоном и топотом...

...Потом...
...Потом...
...Эхо...

Свет выйдет из тени,
Останется только
Взрыднуть на колени.
Вздыблены вены,
Жар в руках,
В кончиках пальцев теплово,
Незачем вовсе дышать...

Через час меня здесь уже не было.

Черновик

Разбросаны черновики,
Закорючки на бумаге –
Чёрные буковки на снегу,
Обрывки, окурки,
Огрызки от слов,
Будто играешь в «Балду»:
Буквы те же, и слово – вот оно.
Но не тот порядок –
Нету слова,
Кончилось Слово,
И Слова не было.

Были следы на снегу,
Словно птички прошли
Неизученной Древнегречневой
клинописью,
Записали стихи
Воробьиною мовою,
Где слово не нужно,
Язык не понадобится
(можете его вырвать).
Только читайте
Пока не проехал трактор –
Всепрощающий трактор,
Ретрактор Дивера,
Дистрактор Харрингтона,
Хантингтона,
Плутона,
Полутона.

Здесь пятитонный работает снайпер,
Так что не прыгайте,
Читайте
Снежное чувство,
Слушайте лес,
Смотрите северный ветер.
Вот вам стихи

Вот древнее-древнее дерево,
Оно знает музыку,
Оно Бога ведает
Бородатого, цепкого, Бога земного –
Из коры, из магмы,
Из сока карельской берёзы,
Из стопудового дуба,
Из самого-самого детства,
Из непомнятых первых праобразов
Пралюдей,
Празапахов,
Празвуков,
Пращуров,
Ящеров,
Айнуров.

Вот здесь будет текст,
Вот тут стихи будут
Чёрной пастой написаны –
Закорючки на клетчатом снегу
(Птицы, помните?),
Пока черновик.
Он потеряется потом...
когда-нибудь.

Лора ВАЖИНСКАЯ

г. Краснодар

Член Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов», литературного объединения «Верность» при Краснодарском региональном отделении СПР. Публиковалась в альманахах «Юг Руси», «Единение», «Верность», в коллективных сборниках стихов. Лауреат III, IV международных поэтических конкурсов «Восхождение», краевых фестивалей, арт-фестиваля «Littera-Тур: Москва – Краснодар». Автор 2 книг стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«И, может быть, тогда найду себя...»

Чайное...

То ли время течёт,
То ли я сквозь него,
Кувыркаюсь чаинкой в заварке,
То уйду в глубину,
То коснусь берегов
Вслед за ложкой проворной кухарки.
Иногда чай с медком,
Иногда с молоком,
Чаще просто с водою речною,
Забурлит кипятком
И завьётся волчком,
Не поймёшь,
Чем заварен, порою.
Насыщаю страстями, заполнив собой
Всё пространство и время для жизни,
И стараюсь послаще готовить настой,
Но грехи мои горечью брызжут.
Не дано выбрать время, в котором мне жить,
Только плыть –
По течению, против,
И грести без задержек вперёд во всю прыть,
Не щадя ни души и ни плоти.
Времена, что прошли
Или только грядут,
Ни на йоту не проще, не плоше,
Без меня путь, что чай без чаинок – не крут,
Лишь водица,
Налитая в ковшик...

Заколдованный дом

Сменяя тихий вечер, ночь-брюнетка
Прильнула к окнам поглядеть за мной,
Рукою щедрой разбросав монетки,
Мерцает сердоликовой луной.

Расположилась вольно, по-хозяйски,
А город спит и ни души окрест,
Мигает иероглифом китайским
Неоновый рекламный ирокез.

Дрожа огнями, мельтешат машины,
Взрезая тишину ножом гудка,
Виляет виадук хвостом змеиным,
Помахивая им издалека.

А я ловлю сиянье звёзд лучистых,
Плету из них узоры макраме,
Вставляю в петли рифмы поискристей,
Чтоб хóросом светили мне во тьме,

Указывая путь давно забытый,
Ведущий в юность, где осталась дверь
В домишке, что когда-то был защитой
От горестей, напастей и потерь.

Там улыбалась мама молодая,
Волчком кружил безродный пегий пёс,
Кидался всем на шею, с ног сбивая
Отец серчал – конечно не всерьёз.

Все были живы, счастливы, здоровы,
Цвёл сад весной и виноградный куст,
Дом памятью моею заколдован,
И в ней он никогда не будет пуст...

Эхо...

Ни богатства, ни славы не прошу у судьбы,
Ни ристалищ потешных, ни серьёзной борьбы,
Мне удача – в наследство, а итог предрешён –
Быть иначе не может: то ли явь, то ли сон...

Я – частица большого пути в никуда,
Это значит не быть не смогу никогда,
И нет силы, которая вырвет меня
Из единства космического бытия.

Реки вытекут в устья, погаснут костры,
Разлетятся на щепки, исчезнут миры –
Те, что строились мной из кирпичиков снов
И в конце оказались основой основ.

Надо мной нет суда, да и мне не судить,
Узелками событий плету доли нить,
Разрываюсь на части в попытках понять –
Где же силы добыть, чтоб нести жизни кладь?

Мне б в душистые травы уткнуться ничком,
Мне б забыться, не думать совсем ни о ком,
И, возможно, тогда мне шепнёт эхо весть:
«Всё, что надо тебе, у тебя уже есть».

Ушла в себя...

Ушла в себя. Прошу не беспокоить,
Там много накопилось срочных дел,
Дверь распахну и свежесть травостоя
Впущу заполнить внутренний предел...
Отмою чувства, а дурную память –
По кофрам разложу и сундукам,
Сниму с души замшелый старый камень –
Отдам на откуп чистым родникам...
Обиду и вину налью в бокалы
И выпью залпом, не деля ни с кем,
Колючки страха – алые кораллы
Зарою в золотом морском песке...
Уныние, растерянность и горечь
Сожгу в камине – выпущу в трубу...
Сомнений яд и сожалений хвори
Из головы переложу в арбу
И выкачу на пыльную дорогу,
Что от порога – прямо в никуда...
Освобожусь от хлама понемногу,
Да натаскаю воду из пруда.
Прополощу уверенность и радость,
Рассыплю смех – пусть катится, дробясь,
Восторг взращу гроздями винограда
И, может быть, тогда найду себя...

Лариса СТРУИНА
г. Камбарка, Удмуртия

Струина Лариса Дмитриевна родилась в 1949 г. Образование техническое. Увлекается фото и видеосъёмкой, монтирует и озвучивает фильмы с музыкальным сопровождением о родном городе, земляках, окружающей природе… Стихи начала писать в 57 лет. В издательстве Эда Побужанского «Образ» (Москва) вышли 3 книги стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Кружатся чайки белые над прудом...»

***
«Чем дальше в лес, тем больше дров».
А жизнь – чем дольше, тем прекрасней.
Немного надо: был бы кров
и день прошедший – не напрасен.
Сорвался с ветки жёлтый лист,
ещё один, второй и третий...
Лесной паук-эквилибрист
вплетает жизни чьи-то в сети.
Подобно жёлтому листу
судьба готовится к полёту:
шагнуть и рухнуть в пустоту
в надежде, что подхватит кто-то!
Да, жизнь людская вплетена
спокон веков незримо в сети.
Принадлежит ли нам она,
возможно, знает кто-то третий.
«Чем дальше в лес, тем больше дров», –
известно это и поныне.
И мир причудливый не нов,
и люди-мухи – в паутине.
Жизнь, несмотря на суету,
порой жестока, но прекрасна.
И жить, шагнув за пустоту,
я, вопреки всему, согласна.

***
Редкий дождь под вечер, на закате,
брызнул в придорожную траву.
Холодно. И дождь совсем не кстати.
Солнце, лето, где же вы? Ау!
Что-то в жизни в корне поменялось, –
Думаю об этом иногда.
Давит многолетняя усталость,
мучит нервных срывов череда.
Внешне – всё путём, бывает хуже:
стержень вдруг ломается внутри.
Разошёлся дождь – круги по лужам.
Успокойся! Плюнь и разотри.
Мир изменчив. Да! Вернётся лето.
Вишни зацветут в чужих садах.
Но, увы, поверь, пройдёт и это,
медленно, но точно – навсегда.

***
Денёчки бесшабашные.
Рюкзак через плечо.
Ходили не накрашены.
Всё было нипочём.
И лагеря спортивные,
и ночи у костра,
и трели соловьиные,
и песни до утра.
Твоя щека нечаянно –
вблизи моей щеки.
Глаза в глаза – отчаянно
от страха велики.
Замрёт сердечко юное.
И в пяточки – душа.
А ночь такая лунная,
и жизнь так хороша!
Денёчки бесшабашные,
как юности родник.
Слова такие важные.
Ты помнишь ли о них?

***
Собраны смородина, малина,
сушится на солнце свежий лук...
Августа вторую половину
оплетает нитями паук.
Лето улыбается мне сыто...
Словно зрелой мудростью года,
спелостью медовою налиты,
опадают яблоки в садах...
На дворе – оранжева рябина,
терпок запах скошенной травы.
Августа вторая половина –
лето завершающей главы.
Жёлтой дымкой осень постепенно
золотит предутреннюю даль.
А земля парит и пахнет тленом
прошлого забытая печаль.
Жизнь мила и жить, как раньше, мило.
Май в моё заглядывал окно...
Отчего так сердце защемило?
Жизнь, однако, прожита давно.

***
Воспоминанья о любви ещё не редки,
а роднички в душе давно иссякли.
Романтике вослед сомкнулись ветки,
осыпались с листвы дождинок капли.
Любовь ушла, терпение зависло,
как облако тумана над рекою.
И радуги цветное коромысло
по небу – невесомое такое!..
А лето зреет яблоком и вишней,
варенье разливается густое.
Терпенье – перед радостью затишье.
Живу! Терпеть и радоваться стоит.

***
Кружатся чайки белые над прудом,
над грудой утонувших облаков,
явившихся в мой мир из ниоткуда,
всплывающими строчками стихов.
Районный город. Дворики с крапивой.
Безлюдно. В пыль растоптанный песок.
Течёт из века в век неторопливо
здесь жизнь от суеты наискосок.
Исчезну вдруг на полуслове, скомкав
страницу недописанных стихов.
И появлюсь опять среди обломков,
разбросанных по времени веков.

Зинаида БАРАНОВСКАЯ
г. Советск, Калининградская обл.

Публикуется впервые. От автора: *Барановская Зинаида Степановна. Родилась в послевоенном 1946 году в белорусском селе, и в том же году моя семья перебралась в бывшую Восточную Пруссию в город Тильзит, ныне Советск, осваивать незнакомый край, поднимать из руин, восстанавливать промышленность. По окончании школы вышла замуж, родила шестерых детей, от которых имею восемь внуков. Всю жизнь трудилась, сейчас пенсионер. Стихи пишу с 2000 года. Пишу о том, что мне дорого, о чём болит душа.*

Лесная сказка

Высок, широк, красив, могуч,
Стремясь достать до самых туч,
Дуб на опушке леса рос
В соседстве с группою берёз.

А чуть поодаль – две рябинки
От ветра гнулись, как тростинки;
Был тонок гибкий стан дерев,
Сродни фигуркам юных дев.

Топорща острые иголки,
К ним примостилась рядом ёлка.
Совсем молоденькой она
Меж них была поселена.

Всем солнца яркого хватило
Оно им поровну светило,
Всех одинаково согрело,
Когда весна им песню пела.

Земелька-матушка вскормила,
Для роста отдавала силы,
А дождик влагою поил,
Струй не жалея, лил и лил!..

Пушиста ёлочка, красива,
Доброжелательна на диво!
Была мила и весела,
И разговор такой вела:

«Друзья любезные, подружки,
Мои соседи по опушке!
Вы согласиться все должны,
Насколько ёлочки важны!

Листву мы вовсе не теряем,
И круглый год в ней щеголяем!
Зима бела и холодна,
Я ж неизменно зелена!

А постучится Новый Год –
Встают все в дружный хоровод,
Вокруг кружатся ребятишки –
«Лисички», «зайчики», «мартышки»!

А в центре – ёлочка-краса,
Горят счастливые глаза!
Висят на веточках игрушки -
Гирлянды, шарики, хлопушки!

Нам, ёлкам, в каждом доме рады.
И это разве не награда!
Считаю я, что всех нужнее,
Желанней ёлка и важнее!»

Ей возразили все берёзки,
Обидные скатились слёзки
С их белых, в крапинку, стволов,
С кудрявых шевелюр голов.

«Ведь мы нисколечко не хуже!
Сок из берёзы людям нужен,
Кора, чтоб делать туесочки;
Мы – украшение лесочка!

Как жарко мы в печи горим,
Тепло, уют всегда дарим!
И в жаркой бане мы послужим,
Наш веник, как нигде, там нужен!»

Но тут вступили в спор рябинки,
В протесте выпрямили спинки:

«Про нас, друзья, не позабудьте,
К нам снисходительнее будьте!

Хоть не пылаем мы в печи,
Не накаляем кирпичи,
Но вас не менее важны,
И знаем, как для всех нужны!

Красива кружевная крона,
Как будто царская корона!
В «рубинах» праздничный узор
Любого услаждает взор!

Из наших ягод и варенье
На вкус, мы знаем, объеденье!
Чтоб нравиться юнцам безусым,
Плетут из нас девицы бусы!

Когда ж мороз скуёт природу,
Нужны мы птичьему народу.
Тогда – и сладки, и нежны –
Для них так ягоды важны!»

Им сверху всем внимал дуб мудрый,
Наш исполин зеленокудрый.
Прожил на свете много вёсен!
Всех примирить его попросим.

«Желаю молвить вам, друзья,
Живу довольно долго я!
И вас не менее полезен,
Но постараюсь быть любезен.

Лишь вкратце о себе скажу,
Что людям я давно служу.
Своею пышною листвою
От солнца путника укрою.

А плоть моя им служит домом,
С ней руки плотника знакомы.
Зверью мои плоды нужны –
Их очень любят кабаны.

Пусть вас тщеславие не мучит,
Вас старший брат тому научит:
В природе все важны растенья,
К тому должно быть разуменье!

Все вместе людям мы нужны,
Семьёй единой скреплены!
Нельзя о том нам забывать,
Что всем земля – родная мать!

Ещё сказать я вам обязан,
Здесь каждый с каждым тесно связан;
И, как у матери сыны,
Мы у природы все равны!»

Притихли шумные соседки,
Стыдливо приспустили ветки:
«Прости нас, грешных, дядя дуб!
Спасибо, что ты не был груб.

Что слушал нас, не перебил,
Что снисхожденьем наградил.
Ты прав: у матушки-земли
Мы все любимы и равны!

С тем и продолжим свой расцвет
Иной у нас дороги нет...»
...На том и сказочке конец,
Кто сказку слушал – молодец!

Юрий АНАНЬИН
с. Черевково, Архангельская обл.

Ананьин Юрий Александрович родился в 1937 году. В 1966 году окончил факультет журналистики МГУ. Публиковался в ряде российских газет и журналов. Автор 2 книг стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Отшелестят дожди косые...»

***
Откуда красота России?
Где одевается она?
В лесах? В лугах?
А ты спроси их –
Не их ли зорила весна?
Не их ли май голубоглазый
В одежды яркие рядил?
Но ярче их – души алмазы,
Они, как орден на груди...
Откуда чистота России?
Где умывается она?
В речушке августовской сини
Иль в море зреющего льна?
А может, в северных озёрах,
Что так прозрачны, как слюда,
Всю жизнь прожить среди которых
И... не отвыкнуть никогда.

***
Тоскуют птицы по теплу,
А я по Северу тоскую
И коль в дороге заночую,
Мне снится васильковый луг.
К нему, как будто в половодье,
Спешат на выручку ручьи.
И звонче всех других мелодий
В зените тенькает: «Вы чьи?»
«Да свой я», – птицам отвечаю.
Я здесь пожизненно пленён
И оглушён от крика чаек,
Сосновым мёдом опьянён.
Я здесь не гость и не приезжий,
А свой по паспорту земли.
И никакие в мире межи
Не могут с нею разделить.

***
Дарует солнце позолоту
Без всяких выкупов земле.
И до чего ж ему охота
Купаться в кронах тополей,
Лучом, как многоцветной кистью,
В одежды яркие рядить,
Как будто бронзовые листья
За всё сумеют отплатить.
...Земля моя,
Край благодатный!
Я сердцу, право, не солгу,
Что от рожденья в неоплатном
Перед тобой живу в долгу.
Твой воздух пить – и не напиться,
Не надышаться по весне,
И никогда не откупиться
За всё отпущенное мне.

***
Сошлись берёзы на пригорке
Втроём на подступах к селу
И, как ягнята к хлебной корке,
Стыдливо тянутся к теплу.
Им отогреть бы ветви-руки
Да просушиться от дождя,
Но не привыкшие к разлуке
Они лишь искренне глядят,
Как тонкоствольную осину
Упругий треплет ветерок,
Как та в его объятьях стынет,
И нет того, кто бы помог.
Берёзы в тесном полукруге
Лишь крепче кронами сплелись –
Им в одиночку, друг без друга,
Никак, видать, не обойтись.

***
Прекрасен час, когда светает,
Когда не Млечный путь пылит,
А голубая-голубая
Зажжётся звёздочка вдали.
По небосводу разбежится
И разольётся в новый день,
И до полудня будет биться
О свой барьер косая тень.
Но тени выцветут, и скоро,
Как с горки солнышко скатив,
Блеснёт холодным метеором
Луна – влюблённых всех комдив.
Потом, как бабы, тяжелея
Беззвучно росы упадут –
У трав глазёнки посветлеют,
У ночи крылья отрастут.
И в сумерках, прикрыв зевоту,
Приходит истина ко мне,
Что утро вечера с чего-то
Всегда бывает мудреней.

***
Отшелестят дожди косые,
Вновь не напеться соловью...
Я полюбил тебя, Россия,
За неизведанность твою.
За то, что всё в тебе открыто,
Непостоянно – до поры,
Как дождь, что плещется в корытах;
Вдруг брызнет смехом детворы.
Как всё, что в глубине таится
Апрелем вспаханной земли,
Волной подымется пшеницы,
Зардеет колосом вдали.
Как небо майское, что утром
Мир озаряет синевой,
А к полдню разозлится будто,
Приняв характер грозовой.
В лугах твоих слышны напевы,
Но посягнувшим на мечты,
Вся переполненная гневом
Вдруг взрывом обернёшься ты.
И грудью, пахнущей не мятой,
И увлажнённой не росой,
В который раз встаёшь солдатом,
Чтоб стать сегодняшней красой.

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ
г. Нижний Новгород

Автор 35 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Аврора», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Крылья Родины», «Крокодил», «Смена», «Знаменосец», «Турист», «Собеседник», «Нижний Новгород», «Земляки», «Вертикаль. XXI век», «Чудеса и приключения», в альманахе «Ставрополье», постоянный автор альманаха «Неволя» (Нижний Новгород). Лауреат премии по итогам творческого конкурса (Ставрополь), премии Союза писателей Латвии (за поэму «Красная Липепая», 1981 г.). Победитель в двух литературных конкурсах: имени Калинина и «Народный автор» (2010 г.). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Я — твой солдат, Природа

***
Ночью всё, что растёт, прозревает в саду:
синеглазые сливы глядят в высоту,
как смуглянки-цыганки, две вишни стоят...
А ещё здесь случается яблокопад,

когда звёзды свою затевают кадриль,
и луна покидает стыдливый альков,
и теплеет, как речка, небесная стыль
от прильнувших доверчиво к ней облаков.

Люди спят. Им, наверно, совсем невдомёк,
что творится на свете. Их мир – это сны.
Он предельно безумен, предельно жесток
и не знает законов весёлой весны.

Люди спят. Им, похоже, нисколько не жаль,
что не видят они, что не знают секрет,
как глаза раскрывает прозревший миндаль,
и у них необычный лазоревый цвет.

Люди к счастью не выстроят вовсе мосты,
знать не знают они: наделяет весна
тех, кто любят, глазами святой чистоты,
и они голубые, как марево льна.

***
Вот после разлуки ты к другу идёшь,
а он безнадежно больной.
Лес около города сильно похож
на лес полосы фронтовой.

Жуёт шашлыки здесь весёлый народ,
но лес ему нынче не друг:
как будто весь день бушевал артналёт –
воронки и шрамы вокруг.

О чижик, ты гнёзда здесь больше не вей –
здесь всё нестерпимо болит.
Лес тянет к рассвету обрубки ветвей,
как будто культи инвалид.

И ветер листок пожелтевший сорвёт –
у ветра повадка крута.
Сиротская доля. Так жалко сирот,
когда ты и сам сирота.

***
Взвоет мотопила, и забудется тишь.
Больше здесь не услышать пичуг голоса.
О, родная природа, поймёшь ли, простишь
нас за то, что твои вырубаем леса?

Вверх поднимутся стебли бетонных опор.
Электрический ток потечёт без преград...
Но зачем от сосны отвожу я свой взор,
подбираясь к ней, как к жеребцу конокрад?

Тонет в хвое заката холодный огонь...
Я иду с топором в занемевшей руке,
и мне каждое дерево шепчет:
– Не тронь! –
и зелёной ладошкою бьёт по щеке.

***
Стекольщица – ночная тишина –
вставляет в раму синий лазурит,
и, значит, всё – спокойствию хана,
и травит душу память, как зарин.

Давно не вижу голубые сны,
припудренные клёнов парики,
травы корзинки, что зовётся сныть,
она так сладко пахнет у реки.

Так что же мне ниспослано взамен?
Чтоб я довёл молчанье до ума?
Но мне не изменяет глазомер –
и без бинокля вижу я обман.

Я не молчу, когда сплошной костёр,
когда в лесах стоит огня стена.
Чудовищные крылья распростёр
над стороною нашей сатана.

И не дождаться радостных вестей –
они все жутки, словно на заказ.
Помойный мир. И так смердит везде,
что впору одевать противогаз.

Кормилец-лес, ты сильно захандрил,
наверное, как я, попал впросак.
И у тебя – хронический хондрит,
и оспинами мечен твой фасад.

Но душу ты в смятенье не поверг,
хоть мчалось время камнем под уклон.
Ты никому не кланялся вовек,
тебе за это – низкий мой поклон.

Ты не сидишь на нефтяной игле,
ты лишь листву по осени терял.
И, если есть спасенье на Земле,
так это лишь спасение тебя.

Поэзия Восточной Сибири

Максим ОРЛОВ
г. Братск, Иркутская обл.
Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов.

«Прав Кенжеев: «Ухи не отведать ершу»...»

Знакомство

Мы были около любви.
О. Яглинская

Ходить вокруг да около не след –
мы в сумме прожили поболее столетья…
Непознанного в жизни больше нет,
Истрачены восторгов междометья.

Вам протянул открытую ладонь,
чтоб жизни линию прочли без хиромантов.
Форси, бахвальствуй или же фасонь,
котурны надевай или пуанты –

излишний труд, коль видите насквозь
причины напускного фанфаронства.
Мы ныне, присно будем только врозь,
но для чего-то выдалось знакомство?

Мы в обжитой пребудем ячее,
не в силах поменять бытоустройство,
а изредка столкнувшись в толчее,
не причиним друг другу беспокойства.

В хозмаге

Стоит поэт у лавки с пипифаксом,
но мысли осиянно высоки.
«Подвержены сильнейшим параллаксам
воззрения о мире вопреки

экспериментам сложным Резерфорда,
предвестника грядущих хиросим».
Тут продавец:
– У нас второго сорта.
– Хоть третьего – бумагу не едим.

«То бишь о чём? О нём, о Резерфорде.
...Взять электрон – как белка в колесе
он крутится без устали, ну вроде
как вечный двигатель, пусть нам твердили все,

что это невозможно. Интегралов
скорей всего не применял Господь
да не читал он Ньютона «Начала...»
и монографий гениальных вплоть

до Планка с Бором».
– Чек свой заберите.
– Чек мне не нужен. Дайте мне пакет.
«А был ли пипифакс при Демокрите?
Наверно, нет», – ответствовал поэт.

Этюд №6

Закат казался не фотогеничным,
как «Голова собаки» у Моне...
Но становился явственней Возничий
и кадмием покрылись в Падуне

фронтоны крыш, завалинки и стены...
Капелла* замерцала в вышине,
украсили зюйд-веста мизансцены
куртины облак цвета кабернэ.

Громада моря – грань аквамарина –
за Монастыркой сведена на нет,
и Гелиос из краешка картины
последний разбазаривает свет.

* Капелла – самая яркая звезда созвездия Возничий.

Осеннее

Вселенная рифмуется с пельменной.
Ю. Татаренко

Попрошу тебя, парнасгеноссе,
погоди о горнем воздыхать.
Лучше посмотри: какая осень!
Изумись: какая благодать!

Подивись кармину листопада,
и заката сочному бордо.
Насладись бездельем променада
и пичуг октавы пятой до.

Ощути себя таежной птахой,
это просто – ты же не технарь…
Да со мной восторженно поахай,
окунувшись в тлеющую ярь.

Приземлен я, мой парнасгеноссе,
что неудивительно – телец.
Мне уютно в колоннаде сосен,
чужд межгалактический свинец.

***

Прав Кенжеев: «Ухи не отведать ершу».
Много лет у людей ничего не прошу...
От любых прибамбасов давно потрошу,
как кедровую шишку себя шелушу...

Мне ль пенять на судьбу и хлестать самогон?
Но бывает со мною такой закидон:
клянчу Бога продлить этой жизни прогон, –
двадцать миль позади, но хочу марафон.

Впопыхах запивая чайком бутерброд, –
мелкотравчатых дел ещё невпроворот, –
я врубаю с размаху жизнь-автопилот,
не взыскуя, как прежде, последних щедрот.

Иногда вопрошаю: какого рожна?
Мелкотравчатость эта кому-то важна?
И кому эта жизнь, в самом деле, нужна?
Знать нужна, раз на кухне хлопочет жена...

Татьяна СТРЕЛЬНИКОВА
г. Ангарск, Иркутская обл.

Руководитель студии «Метафора» (Дворец творчества детей и молодёжи, г. Ангарск), педагог дополнительного образования высшей категории. Делегат I съезда писателей Иркутской области (2008). Лауреат Международного литературного конкурса «Семья – всему начало» в номинации «Публицистика» (2014). Публиковалась в коллективных поэтических сборниках Иркутской области, в антологии «Ангарск поэтический», справочнике-антологии «Ангарск литературный», в журналах «Метаморфозы» (Белоруссия), «Сибирь», «Иркутский альманах», «Белая радуга», «Горизонты Ангарска», «Огни Ангары», «Северо-Муйские огни». Автор 4 книг стихов и прозы.

«Пишу... свою скрижаль...»

***

Не хвали ты меня, захвалённую –
Мне известно самой, кто я есть;
Утомила здесь жизнь забубённая,
Увези в свой отшельничий лес!

Будем вместе встречать зори алые
Слушать пенье ручных снегирей;
Сок берёзовый пить, воду талую,
Воздух, что всякой музы сильней.

Будем просто любиться и нежиться,
Первобытные чувства дразня:
Пусть глоток неизведанно-прежнего
Добавляет свободе огня.

Я совью из заботы и нежности
Для тебя, мой романтик, венец,
А избушку твою до безбрежности
Превращу в пониманья дворец.

Не хвали ты меня, захвалённую –
Не нужна эта сладкая лесть,
Словно рифма толпой запылённая...
Мне по сердцу отшельничий лес.

***

Ты устал, мой хороший, от войн.
Глянь, душа, как смольё, обгорела.
Всё молчишь, только слышится вой
Каждой клеточки битого тела.

Нет знакомой живинки в глазах,
Нет живой потаённой улыбки,
Вижу: тянут раздумья назад
В чёрный ком, окровавленно-липкий.

Да отринь же от сердца скорей
Думы мрачные, плена картины!
Не себя, так детей пожалей,
Посмотри на печального сына.

Он растёт и не может понять
Глубины отстранённого взгляда,
А ведь скоро исполнится пять
Твоему возвращенью из ада.

В тот кошмар, в ту войну – не твою –
Затвори крепко-накрепко сени,
Сядь поближе ко мне, на скамью,
И приляг головой на колени.

Я спою тебе снова про шаль,
Шёлк волос твоих бережно гладя,
Про Байкал и сибирскую даль...
Отдохни, сон целительный глядя.

Душу спящую песням открой, –
Много жизней вернули обратно
Наши песни на равных с мольбой.
Я шепчу «Отче наш» троекратно.

***

Ну, что ты мечешься, душа?
Отлично знаешь: не вернуть былого,
Как не вернуть достоинства гроша
И не войти в одну и ту же реку снова.

Смотри: я развела костёр,
Пускай – другой, пускай – у новой речки, –
Тепло живое он ко мне простёр
И защищает от зимы, как дом свой – кречет.

Я не хочу тонуть, душа,
В потоках памяти на дне обрыва.
Ты – оберег мой, щит, а не праща.
Довольно о прошедшем говорить
с надрывом!

***

Иркутск!
Не знатные судьбы страницы
И не вишнёвую в дорогу шаль,
А подарил ты мне скрижаль...
Мне, девочке, что вольной птицей
В неповторимую стремилась даль.

По площадям ходила, скверам,
По улицам или внутри дворов,
На катерке вдоль берегов –
Везде дышала атмосферой
Тобою собранных в букет веков:

Бунтарские, престольные,
Кандальные, застольные,
Купеческие, сельские,
Красно-бело-гвардейские –
В букете им не враждовать,
Как сердцем их понять, принять?!

Упрямо истину искала,
На «наших» и «не наших» мир деля,
Внося сумбур и в личные дела.
Пока судьбу на правду примеряла,
Любимого другая забрала...

Урока оказалось мало...
...Мне ту себя жаль и не жаль.
Вишнёвую купила шаль,
Чтоб в перепутьях согревала.
Пишу, Иркутск, свою скрижаль.

Инна КОНОПЛЁВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Член Усольского городского литературного объединения имени Ю. П. Аксаментова. В 2008 году организовала самиздат «Белый воробей», который оказывает помощь местным поэтам в издании книг. Публиковалась в городских СМИ, коллективных сборниках, журналах «Иркутский альманах», «Белая радуга», «Первоцвет», «Северо-Муйские огни», «Огни Ангары», Антологии усольской поэзии. Автор 3 книг стихов: «Зарисовки с натуры», «Сказка летящего снега», «Я подарю вам…».

«О чём предупреждал седой Байкал...»

Утулик

Ветер байкальский
Душу тревожит мне зовом,
Свист белых крыльев
И чайки волнующий крик,
Шёпот реки, тайны леса
И сопок оковы –
Это зовётся словом одним – Утулик.
Дымка тумана
Над славного моря простором,
По берегам твоим скалы
И кедров реликт,
Из ледников скал байкальских
Родился суровых
Горный поток
Своенравной реки – Утулик.
Тихие шорохи
Синей таинственной дали,
Грохот оркестра
Холодных байкальских ветров,
Значит, не зря
Музыкальность твою разгадали
И Темирканов,
И Гергиев, и Спиваков.
Ах, Утулик,
Повторяю заветное слово,
К Храму байкальских Богов,
Может, кто и привык.
Если придётся
Остаться без дома родного,
Жизни остаток
С тобой разделю, Утулик.

Ландыш

Хоровод водили
Юные русалки
Лёгкой тенью плыли
По ночным фиалкам,
Завершали танец
Ритуалом древним:
Рассыпали в травах
Жемчуг драгоценный.
Таинство русалок
Тёмной ночью этой
Перлы превращало
В колокольцы света,
А лесные феи,
Пролетая рядом,
Щедро одарили
Нежным ароматом,
В росах искупали,
Как малютку-дочку,
В листья спеленали
Белые цветочки...
Облаком душистым
Нам в начале лета
Ландыш серебристый
Дарит сказку эту.

Андрею Дементьеву

«Всё начинается с любви,
И наше счастье, и печали».
Вот этой мудростью, поэт,
Вы нас когда-то удивляли,

И научили понимать –
Жить можно только отдавая,
Но не жалеть, и не страдать,
Жизнь, как подарок, принимая.

В поэмах о большой любви
Тепло и нежность не забыты.
Их свет по миру разнесли
поэзии «златые нити».

Июль

Светила диск асфальт расплавил.
Июль. Жара.
Вновь трели птиц любви хоралом
Звучат с утра,
Жемчужно-серый, но равнодушный
Взгляд небес,
Ковер цветов и тень радушно
Нас манят в лес,
Их ароматы восхищают,
Пьянят слегка
Струёй прозрачною играя,
Зовёт река.
...Но вечером дыханьем зябким –
Какой сюрприз,
Подарит осень мне украдкой
Янтарный лист.

Мираж

Быть может, кто-то не поверит мне,
Но только я однажды увидала
Торжественно плывущий в тишине
Хрустальный город посреди Байкала.
Он так прекрасен был, он так сверкал,
Неторопливо проплывая рядом.
Всё замерло, затихло... Стар и мал
Залюбовались этим дивным градом.
Синь неба и монументальность скал,
Прозрачность озера, град-призрак поражали...
О чём предупреждал седой Байкал,
Своими колдовскими миражами?

Раиса ГАВРИЛОВА

г. Ангарск, Иркутская обл.

Дипломант литературного конкурса, организованного художественно-публицистическим альманахом «Газпрома» (2010 г.). В 2011 году в Подмосковье принимала участие в семинаре работников «Газпрома», по рекомендации известного российского писателя Владимира Крупенина принята в Московскую областную организацию СП России. Публиковалась в коллективных литературных сборниках Ангарска, альманахах «Литературный факел» (Москва), журналах «Сибирь» (Иркутск), «Признание» (Ангарск), в поэтическом сборнике «Откуда приходят стихи» (Москва, 2006), антологиях: «Ангарск поэтический» (2006), «Ангарск литературный» (2018).
Автор 3 книг стихов и прозы: «Стихи в зелёной косынке», «Кто-то помнит о тебе», «Я к земле прикована судьбою».

«Зову тебя, но только эхо...»

***
Я родом оттуда, где лебеди жили.
Их ветер весенний на крыльях принёс.
Утрами над озером стаей кружили,
Будили курлыканьем древний утёс.

Я родом оттуда, где трав медоноса
Мне запах милее французских духов.
О самом заветном шептались берёзы
У речки, зажатой меж двух берегов.

Я родом оттуда, где злились морозы,
А ичиги были на се́мью одни.
Я видела голод и мамины слёзы,
Там жизнь измеряли не в годы, а в дни.

В дырявом ведре хризантема вмерзала
Махровым цветком в ледяное стекло,
Но большего счастья я в жизни не знала,
Чем маминых рук загрубевших тепло.

***
Из года в год число друзей редеет,
Свечей зажжённых множатся ряды.
Я с каждым разом чувствую яснее:
От мира к миру тянутся мосты.

По ним друзья приходят ненадолго,
Напоминая в снах, что смерти нет,
Что наша жизнь – картина из осколков,
Которую мы лепим много лет.

Ушли герои из прожитой драмы –
Война, разруха, голод, нищета.
Стою одна у приоткрытой рамы,
Прошу за них о милости Христа.

Они ушли без почести и славы,
Не провожал их звон колоколов,
Шумят над ними сосны величаво,
А слышатся мне шорохи шагов.

***
На время в прошлое вернусь –
Визит нежданный для подружки,
Тихонько в двери постучусь
В крестьянский домик у речушки.

Казалось мне, увижу в нём
Всё ту же девочку простую,
В потёртом платье, босиком,
А вижу женщину седую.

Глаза её – цвет синевы,
Два василька в осеннем поле,
В них – одиночество вдовы,
Печаль, застывшая от боли –

Судьба балует, но не всех.
Обняв друг друга, слёз не прячем.
За радость, горе и за грех
Мы чем-то в этом мире платим.

Портреты в рамках на стене,
В защитной форме три солдата:
Геройски пали на войне
Отец и оба старших брата.

Свеча горит у образов,
Лежанка, где когда-то спали...
Уж столько минуло годков –
Убранство в доме не меняли.

Уходит день, а вместе с ним
Мы провожаем всё былое,
Как в детстве рядышком сидим,
Пирог с картошкою едим,
Пьём молоко, ещё парное.

А старый клён стучит в окно
Сухою веткой в час заката.
Немало нам дорог дано,
Но нету в прошлое возврата.

***
Одевшись листвою, опять зашумели
Берёзы о чём-то заветном своём
И яблони белые платья надели,
Как будто взмахнули лебяжьим крылом.

Летят лепестки и ложатся на плечи,
Душистой метелью пропахла весна.
Утрату и горечь мою не излечат
Ни радуга в небе, ни рек быстрина.

А наша весна вновь на год постарела,
Но разве мы можем её упрекнуть?
Опять чьё-то сердце струною запело –
Мне память не даст этой ночью заснуть.

***
Я помню ту весну хмельную –
Вовсю подснежники цвели –
И речь несвязную, пустую,
Когда мы рядышком брели.

Благословенных дней начало
И Богом данная любовь…
Как быстро время пробежало
Средь суеты и пустяков!

Зову тебя, но только эхо
Мне откликается вдали
И меж берёз бежит со смехом
Туда, где тропки заросли.

Виктория АСТРАХАНЦЕВА
г. Братск, Иркутская обл.
**Заслуженный архитектор РФ, Советник Российской академии архитектуры и строительных наук.
Председатель Правления Братской организации Союза архитекторов России.**

«Экспозиция»

***

Памяти художника Сергея Моисеенко

Купол наверху в лепном уборе,
светлый зал, иконостас, гранит...
В этом, мной задуманном декоре,
недвижим товарищ наш лежит.
В пол спустились витражи с крестами,
свет притушен в люстрах с хрусталём.
Тишина, ссутулившись стояли,
вспоминали прошлое о нём.
Он – художник, одинок по жизни,
выбор сделал свой давным-давно,
Видим, здесь свидетельствует тризна,
и известность не спасла его.
Думала ли я, что в этом Храме,
будем свечи по нему держать.
Вот, погасло яркое их пламя –
тихий знак в дорогу провожать...
Тленно всё, забудет образ кто-то,
сгладятся знакомые черты.
Но напомнят о тебе работы,
свяжет нитью память, как мосты.
Жизнь продолжится в картинах мыслью,
что не каждому, отнюдь, дано,
Сохранить себя пером и кистью,
скрупулёзно выписав её.
Сколько их таких, все одиночки,
люди творчества ранимы и хрупки,
А посмотришь – вот стоят обросшие,
мощные по виду мужики.
Постаревших всех и поседевших,
колоритных, можно различить,
Хочется огородить всех вместе,
чтоб их вдохновенье защитить.
Чтоб не расплескать талант, особость,
чтобы сохранить азарт и страсть,
В хрупкую изысканную область,
самозванцам чтобы не попасть.
Для того ли Храм сооружали?
Да, наверное, и для того,
Чтобы дань хотя бы так отдали,
плавящейся свечкой за него.

3.12.2014

Экспозиция
(Выставка работ скульптора Даши Намдакова)

Когда-то в скромной мастерской творца
Со мной случилось потрясенье,
И десятилетия спустя не нахожу успокоенья.

Откуда этот взгляд на мир преображённый,
На мир другой, иными чувствами пронзённый?
Непостижимы образы, придуманы фигуры,
А может, всё же мастер создал их с натуры?

Подумалось, Создатель тут причастен:
Здесь в облике – достоинство и счастье,
Здесь – воля, взгляд сосредоточен, точен.
Копьё воителя на недругов заточено...

«Богатая невеста» /Д.Н./

Взгляни на магию восточной красоты,
Отливом бронзы амазонка поражает.
Стремлюсь найти знакомые черты,
Влекут причуды, образ навевают.

Натянута уздечка тетивой,
Любимый конь на старте, ждёт сигнала,
Уж времени до Счастья очень мало,
А стать и нега спорят меж собой...

«Девушка на коне» /Д.Н./

Здесь воедино слитые тела,
Хребет коня накрыт девичьим станом,
Как будто мать одна их родила.
Копна волос смешалась с гривой пряной.

Наполнен аромат травы степной,
Его душой и телом ощущаешь,
Оплавлен солнцем горизонт земной...
И от увиденного сердцем замираешь.

«Царица» /Д.Н./

Вижу пантеру с грацией кошачьей,
Величья царственного явно, не иначе.
Рельефом мускул корпус напряжён,
Упругим телом к жертве устремлён.

«Стихия» /Д.Н./

Летящей лошадью отражена «Стихия».
Ей не найти ассоциации другие.
Стремительно! С потоком ветра! К цели!
Чтобы другие раньше не успели.

Возможно, этот образ для того,
Кто впереди не хочет видеть никого?..

«Мадонна с птичкой» /Д.Н./

Багровый вдруг представится закат,
Среди степи стоит «Мадонна с птичкой»,
Большими пальцами к груди птенец прижат,
Что обнажило чуткой девы личность.

Ковыль волнами шёлка – по ноге,
Саян графичный контур проступает,
Байкала близость, нужная реке,
И тишина ночная замирает.

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Владимир ПЛОТНИКОВ

г. Самара

Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор 9 книг прозы, художественной публицистики и лирики.

1 апреля. Гоголь (1809-2009-...9): поминки по летаргии

210 лет назад на Полтавщине родился кудесник русского слова, русского духа, русского смеха...

Николай Васильевич Гоголь!!! Виват!!! Ура!!!

Но так ли радостно всё это?

***

Пушкин – это наше всё...

А Гоголь?

«Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его и переживает и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот дар виденья и воспитывал великих писателей; без него не было бы ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого».

В такой жёсткой последовательности сделал раскладку Райнер Мария Рильке. И не впервой: для Ницше или Кассирера русскую литературу открывает, если не олицетворяет, Гоголь.

Пушкин – это наше всё...

А Гоголь?

Гоголь, который и разглядел в Пушкине это всё, заявив (как вышло, поспешно), что Пушкин – «это русский человек в своём развитии, как он, может быть, явится чрез двести лет»...

Да с не меньшим ведь основанием «наше всё» – это Гоголь, из литературной «Шинели» которого вышли Все наши классики, начиная с признавшего это Достоевского...

Не так? Тогда давайте возьмём галерею бессмертных образов, хрестоматийных характеров, чарующих описаний, аллегорий, метафор? Давайте вспомним преизобильный разброс вечных вопросов и сомнений, великих мыслей и формул, провидческих догадок и прогнозов, мудрых афоризмов и обобщений...

***

А палитра литературных жанров?

...«Доедет эта телега, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет». – «А в Казань-то, не доедет?» – «В Казань не доедет»...

Я не знал ещё про такую штуку, как «абсурд в литературе», но что Это, как не один из первых штрихов одного из родоначальников?.. А ещё ведь были «Нос», «Записки сумасшедшего», «Коляска»... И бурлеск гротеска едва не в каждом шедевре... Притом что у него шедевр – Всё...

Если сказки, то пленительные, сочные, завораживающие по красоте своей, пластичности и поэтичности: «Ночь перед Рождеством», «Сорочинская ярмарка»... Кинематографические по фокусированной точности и предугаданным эффектам: «Страшная месть», «Вий», «Ночь накануне Ивана Купалы»... Они же, вкупе с «Портретом», – «триллеры и ужастики» высшей пробы...

***

А драматургия?! Как говорится, классика жанра...

Плюс гениальные исторические «боевики»: «Тарас Бульба» и незаконченный «Гетьман». Эпика в формате новеллы. Не каждому дано...

А ещё выше – сразу две универсальные «энциклопедии» русской жизни и сатирических (или всё-таки вечно-жизненных?) типов: «Ревизор» и «Мёртвые души».

Юмор, сатира, детектив, приключения...

Реализм, сентиментализм, психологизм...

Деревенская проза, городская проза...

Проза крестьянская и дворянская...

Столица и провинция... Россия и Украина... Столичный салон художника и жидовский шинок в Малороссии...

Повесть, рассказ, сказка, байка, юмореска...

Эссе, памфлет, критика, мемуаристика и переписка (в том числе религиозная и философская исповедь), лекции по истории, искусствоведческая аналитика...

Поэма «Ганц Кюхельгартен», наконец...

ВСЁ...
Разве нет?

***

1 апреля много врут, куда меньше шутят. Хорошая шутка – это искусство. Гоголь здорово пошутил, но не соврал: он появился 1 апреля 1809 года...

Человек, родившийся в «день смеха», преобразил и обогатил мировую сатиру. Старый «Корабль дураков» Себастиана Бранта с «авторскими отсеками» Рабле и Сервантеса, Свифта и Стерна, Бомарше и Мольера прирос на целую гоголевскую палубу российских дураков с... «общечеловеческими ценностями»...

Реальные дураки не шутят. Не дано. Если же пытаются, то все мы ох-ох, как видим, и фу-фу, как чуем, плоды их «чёрного юмора»...

Не успели дураки «кризис» очередной уЧУДить, как те же, но на мудрую букву «м» прокладывают «новую» ДОРОГУ к СВЕТУ в КОНЦЕ тоннеля, который почему-то больше смахивает на КОНЕЦ СВЕТА.

***

«Горьким словом моим посмеюся»... – говаривал юбиляр, смело распластывая безобразную тушу гнилых типов и пороков людских.

Верно: вовсе не смешно, а ГОРЬКО: гниль-то оказалась бессмертной. Не смешно, а СТРАШНО, ибо в жизни...

...Искоренять коррупцию частенько назначают Ляпкина-Тяпкина, а в помощь ему неизменно мобилизуют Держиморду...

...Чичикову то здесь, то там велят обеспечить... демографический («душевой») рост. А Плюшкину – оптимизировать социальные расходы...

...И вот уже инвестициями в науку занялся продвинутый тандем «Maniloff and Korobochka INC». Сквозник-Дмухановский же не только пролез в обе столицы, но унавозил властные структуры «до самых до окраин»...

...Ведая культурой за «лично указанную близость» Пушкину и Загоскину, Хлестаков ходко реализует мечту о 35 тысячах личных курьеров. А Земляника активно спасает аптеки и здоровье нации...

...Панночка, Пацюк и Басаврюк лихо заправляют информационной политикой. «Игроки» же во главе с Гловым, оседлав сыпь «независимых» центров, фондов и институтов, ничтоже сумняшеся «отвечают» за эффективное управление финансами и экономикой...

...Собакевич, нет-нет, да поучит трезвости и правильному образу жизни. А Ноздрёв доблестно курирует дух и мораль...

...Ивану Ивановичу с Иваном Никифоровичем поручена консолидация общества. А Бобчинский с Добчинским формируют модель многопартийной демократии на базе общенациональной идеи...

...Майор Ковалёв и мыслитель Поприщин определяют геостратегические интересы, и не обязательно в масштабе своей каморки. А Башмачкин со Шпонькой специализируются на державности и патриотизме...

...Старого Тараса и сына его Остапа судят за нарушение политкорректности сразу же до начала боевых действий. А командование их полками препоручают душке Андрию...

***

Ах, Русь, Птица-тройка...

...Она давно никуда не летит. Тройку ту да под «зубровку» раздавили в Пуще на троих ...

...Увы и ах…

...И разве что гоголевская телега, даст Аллах, доберётся до Казани. В Киев-то и Минск, а наипаче в Тифлис с Ригой путь ей заказан...

...Не сон ли это?

...Николай Васильевич больше всего боялся такого сна, имя ему ЛЕТАРГИЯ...

***

Давайте в день 1 апреля вспомним русского гения и пророка, как он того достоин!

Вспомним и посмеемся. Ведь «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым». А бессрочная летаргия, ей богу, стоит того...

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым

Президент Крымской литературной академии, директор региональных отделений в Республике Крым Общероссийского литературного сообщества и Литературного сообщества писателей России. Заслуженный деятель искусств Крыма, лауреат международных премий имени Шолохова и Домбровского, лауреат литературного конкурса «Доброе слово» МВД РФ, кавалер международного виртуального ордена «За верность Мечте». Автор двух десятков книг прозы, публицистики, поэзии.

Из цикла «Вечера в гараже у Петровича»

Высшее образование – всем и каждому

Мающемуся от безделья 32-летнему переростку Алексею Ципочёнкову, когда он припёрся в гараж Петровича, хотя его никто из завсегдатаев не приглашал, Витольд Бондаренко сказал:

– Чего ты маешься! С неба работа на землю не упадёт. А когда ты на небо попадёшь, там тебе её тоже не подыщут, потому что ты ничего не умеешь. Сходи-ка ты в кафешку за углом, там вроде бы подыскивают то ли сторожа, то ли вахтёра.

«Действительно подыскиваем мужчину, которого могли бы принять на работу или сторожем, или вахтёром», – сказали ему.

– А почему: или – или? – поинтересовался безработный.

Ему ответили, что это одна и та же работа, но оплачивается по-разному, в зависимости от того, как будет называться должность.

– А кто решает, как она будет называться?

– Многое зависит от претендента. Вот скажите: какое у вас образование?

– Среднее.

– Ну, тогда ты нам вообще не подходишь, – перешёл на «ты» заведующий кафе, – ни в вахтёры, ни в сторожа.

У Алексея челюсть так и отвалилась. Усилием воли он соединил её с верхней и попросил:

– Может, примете на какую-нибудь работу попроще?

– А на какую? У нас посудомойка и уборщица иняз окончили. У барменши Лёли – два высших образования. Я сам – кандидат физико-математических наук.

– И что же мне делать?

– Пойди в центр занятости, попроси подыскать самую – что ни на есть – простую работу...

Алексей поплёлся в центр по улице, со всех сторон завешенной транспарантами и лозунгами одинакового содержания: «Высшее образование – всем и каждому!», «Все, как один, – в вуз!» От созерцания их ему стало совсем грустно, и с этим настроением он вошёл в центр занятости.

Находящиеся в нём люди были как бы разделены невидимой границей с нейтральной полосой и с натянутой на столбы колючей проволокой. Все лица в толпе справа были мрачны и насуплены. Слева прохаживались немногочисленные лица с румянцем на щеках и приятной полуулыбкой. К ним Алексей и направился. У наиболее скромного на вид паренька поинтересовался, могут ли тут подыскать ему самую чёрную работу, чтобы не пропасть от безделья и безденежья.

– А по образованию вы кто? – спросил паренёк.

– Да никто. Я после школы на стройке некоторое время работал, пока не сократили.

– Ну, тогда вам вряд ли что светит. Только что одна девушка получила направление на работу лаборанткой в санэпидстанцию. Так у неё гуманитарное образование. А женщину с дипломами политолога и юриста устроили нянечкой в детский сад.

– А я и не хочу в нянечки...

– Это понятно. Как я выяснил, в бригаду сантехников нужен подсобный рабочий. У них там заработок приличный и «халтуры» много. Сам бы пошёл к ним, но я по специальности астрофизик, а бригада выдвинула условие, что возьмёт только того, кто обучался на философском факультете.

– И что же мне делать?

– Ну, таких-то, как вы, вон – целая толпа справа. Там можно каждый день толкаться – и без толку. Мой вам совет, не теряя времени, поступить в вуз, хотя бы на заочное отделение...

Выходящего из центра Алексея чуть не сбил с ног крупногабаритный мужчина в галстуке с золотой скрепкой в виде рыболовного крючка. Не извинившись, он оглядел Алексея и поинтересовался:

– Работу ищете?

– Да.

– Читать, писать умеете?

– Да. Я среднюю школу окончил.

– Годится. Мне нужен директор в лицей для особо одаренных детей сотрудников моей компании. Согласны?

- Конечно...

Через неделю Ципочёнков пришёл вечером в гараж и выставил на стол две бутылки армянского коньяка.

Валерий ВОРОНКОВ
г. Самара

Валерий Александрович Воронков (р. 1954) – писатель-юморист, мастер приключенческого жанра, публицист. Родился в Батуми, полжизни отдал Сибири и Сахалину, его исследования публиковались за рубежом. Много сотрудничал с дальневосточным писателем Б. Полевым. Готовит к печати специально для «Северо-Муйских огней» давний материал о Курилах.

Метод дедукции

Рассказ

Лет пять назад пришёл в нашу редакцию паренек – Миша Отроков. Бойкий такой, на вид смышленый. Ну, редактор дает ему первое задание: написать о бригаде строителей.

Только редактор за дверь – Миша за телефон. Слышу, он спрашивает:

– Это строительный участок номер два? Это из газеты. Будьте любезны, позовите бригадира каменщиков Морозова Ивана Ивановича. Спасибо... Иван Иванович? Здравствуйте! У меня к вам несколько вопросов. Как ваша бригада справляется с заданием? Ага... Угу... Назовите имена лучших. Угу... Как, Степанов Кузьма Кузьмич? Угу...

Буквально через минуту он положил телефонную трубку и принялся писать. Через час рукопись в триста строк лежала на редакторском столе. Редактор мигом «ужал» статью втрое и передал ее ответственному секретарю.

Наутро в свежем номере красовалась статья под бойким заголовком «Говорит ветеран». Начиналась она так: «Первое, что бросается в глаза на строительстве жилого дома, которое ведёт СУ-2, – это деловая атмосфера.

– Так у нас заведено уже давно, – говорит ветеран труда, каменщик Кузьма Кузьмич Степанов. – Наша бригада в течение трёх лет является лучшей среди остальных коллективов строительного участка...»

Отроков ходил гордый. А как же: сам редактор похвалил его за оперативность.

В это время в редакцию вошёл человек в рабочей спецовке и в руках он держал свежую газету. Встал в дверях, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

– Скажите, кто тут у вас М. Отроков, – наконец произнёс он. – Я Иван Иванович Морозов, бригадир каменщиков.

– А в чём дело? – вышёл из своего кабинета редактор.

– Да понимаете, штука какая вышла. Вот тут статья появилась «Говорит ветеран». Всё верно в ней. Все факты, это я говорил корреспонденту по телефону, верны.

– Так в чём же дело?

– Да вся штука в том, что ветеран Степанов говорить не может...

– Это как так? – удивились мы все.

– Да он от рождения глухонемой, а в газете вот заговорил на весь район. Вот штука-то какая, – словно оправдываясь, закончил бригадир, положил на стол газету и, извиняясь, вышел.

Миша Отроков, кажется, ростом стал меньше. Но буквально через полчаса после взбучки от редактора снова стал жизнерадостным и вновь кинулся к телефону.

В следующем номере появилась его новая статья. Первыми её строчками были такие: «Несмотря на свои пятьдесят лет, Владимир Петрович Сорокин ловко взбежал на второй этаж. Каждое утро он приходит на работу вовремя. Это одна из черт его прямой и широкой натуры...»

Под конец рабочего дня в дверь редакции еле-еле протиснулся человек. Он опирался на костыли.

Редактор с тихим стоном опустился на стул.

– Где здесь М. Отроков? – с сильной одышкой проговорил вошедший, обращаясь к нам.

– Ваша фамилия Сорокин? – спросил редактор.

– Да. А как вы узнали? – удивлённо спросил одноногий.

– Методом дедукции, – объяснил редактор и сурово глянул на Отрокова.

Рыбохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!

М. Ю. Лермонтов

Сокровенности таёжной природы

Токовище каменного (чёрного) глухаря

Каменный глухарь – совершенно редкая и красивейшая птица, встречающаяся только лишь в северных гористых районах Прибайкалья и Забайкалья. Птица эта занесена в Красную книгу России, и поэтому охота на неё запрещена. Но мы сейчас поговорим не об охоте, а об особенностях поведения на току удивительной таёжной птицы – чёрного глухаря.

Вместе с первыми проблесками весны начинаются тока каменного глухаря. В эти дни вылетевшие после ночёвки из снежных лунок самцы подолгу сидят на верхних ветках деревьев. Слышится тихое сухое пощёлкивание, запевающие петухи принимают позу, сходную с позой токующего обыкновенного глухаря. Раздаётся одна громкая песня, затем другая, и следуют редкие щелчки, сливающиеся после каждой песни в трель.

Во время пения каменный глухарь, в отличие от обыкновенного, очень осторожен, ни на минуту не теряет способности воспринимать звуки и прекрасно всё видит.

Для этой птицы характерно наличие временных токовищ на местах кормёжек. В Прибайкалье, например, каменные глухари начинают петь на оттаивающих ранее всего откосах побережья, покрытых куртинами толокнянки и брусники. Но с начала мая происходит смена токов. Глухари улетают в глубь тайги на постоянные токовища, где держатся весь период до начала линьки.

По количеству слетающихся птиц особенно богаты глухариные тока в лиственничных лесах Байкальского хребта. В середине мая на этих токах ещё довольно холодно и лежит снег, хотя в долинах уже цветёт прострел и распушилась нежной зеленью лиственница.

На вечерний ток глухари собираются отовсюду, вылетают из распадков и низменностей, опустив крылья без единого взмаха, спускаются с соседнего более высокого гребня. Усевшись на лиственницах, петухи развёртывают веером хвост, вытягивают вертикально шею и начинают щёлкать. Вечернее токование продолжается до полной темноты, причём на земле в это время глухари токуют редко. Переставшие петь птицы перелетают ночевать на соседние деревья; иногда глухари ночуют и на снегу.

Утреннее токование большим временем уже происходит на земле. Ночной сумрак ещё не рассеялся, но уже слышится первое пощёлкивание неугомонных токовиков. Во время пения глухарь взлетает с громким хлопаньем крыльев на 1-2 метра над землёй и вновь опускается на развёрнутом хвосте и при спущенных крыльях, как на парашюте. Вслед за первым следует целая серия таких «взлётов». Каждый глухарь поёт на своём участке, по которому передвигается со скоростью быстро идущего человека. Но случается, что два щёлкающих и «взлётывающих» петуха встречаются. При этом происходят «турнирные» бои. Но петухи не наступают и отступают, как бывает у обычных глухарей, а кружатся один возле другого.

Чуть позже, когда уже достаточно светло, прилетают глухарки. Они обычно появляются в одном и том же месте. Те глухарки, которые ночевали на току, подсаживаются к ним.

С прилётом глухарок ток разгорается с особой силой. Беспрерывно щёлкающие самцы подбегают к самкам и начинают отгонять их каждый к своему излюбленному месту. Во время этого своеобразного дележа самок глухари не дерутся и турнирных боёв между ними не бывает. Каждый петух зорко следит за своим табунком самок. Но, как они ни подталкивают крыльями и ни собирают вместе разбредающихся глухарок, не каждому удаётся удержать их. По-видимому, глухарки хорошо различают и в какой-то степени сами выбирают токовиков, возле некоторых глухарей каждое утро собираются табунки до десятка самок.

По материалам статьи доктора биологических наук С. Устинова

Виктор ШМЕЛЁВ

г. Нижний Новгород

Виктор Александрович Шмелев родился 8 мая 1985 года в г. Горький (ныне Нижний Новгород). В 2008 году закончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института, поступил на службу в ФССП по Нижегородской области, где проработал 6,5 лет. В настоящее время работает юристом в коммерческом банке. Увлечения охотой и литературой не проходят бесследно, выливаясь в рассказы, посвящённые темам охоты, взаимоотношений человека с ружьём и природы. Первые публикации состоялись в международной литературно-публицистической газете «Интеллигент. Магадан» и журнале «Северо-Муйские огни».

Ток Весны

Рассказ

Тихая глубокая ночь до краёв напоила темнотой бездонный колодец неба. Янтарными свечками молчали сосны, посверкивая на маковках языками звёзд. В коронованном ледком бочаге купалась луна. Прошлогодняя трава, освободившись, наконец, от надоевшей тяжести зимы, крепко прижалась к земле, посверкивая холодным серебром инея. Ни огонька вокруг, ни звука. Тихая глубокая ночь.

Но вот вспыхнул, заметавшись, едва видимый в узком запылённом оконце «зимовья» робкий светлячок лучины. Скрипнула, на миг нарушая плывущую тишину, давно не смазываемыми петлями низенькая дверь, и на пороге приютившейся под соснами лесной избушки тёмным силуэтом появился человек. Вдохнул лёгкий весенний морозец, замер, всматриваясь в непроглядную вязкую темь, словно не осмеливаясь переступить невидимую черту. Молча постоял и, будто решившись, человек закинул за спину ружьё, сделал шаг, другой и окончательно растворился в дегтярной темноте. Далеко ещё до рассвета, всласть гуляет ночь. Охотник отправился на ток.

***

Спала лесная опушка, крепко спал по её краям молодой березняк, уныло свесив голые ветви. Безмолвной тёмной стеной растекался лес, куда-то дальше, за горизонт, и, наверное, где-то там, в его дебрях досматривала сны заря. Луна, запутавшись в тенётах дрёмы, лениво и сонно роняла скупой, неверный свет на широкую поляну.

Но вот что-то неуловимо нарушилось в этой темноте, будто сместилось невидимое, предрекая конец ночному царству. Нет, рассвет ещё не лизнул оранжевым языком по краю блюдца, хмарь утренних сумерек не закурилась над землёй, однако тетерев-косач, словно уловив это неведомое, настороженно приоткрыл глаза, выныривая из сонной вязи. Замер, прислушиваясь. И словно в подтверждение не обманувших чувств с другого края поляны раздалось приглушённое «чуф-фы», сменившееся булькающим бормотанием. Такое же «чуфыканье» эхом отозвалось и откуда-то сбоку. Просыпалась поляна, решительно прогоняя ночь. Заворковала, забулькала со всех сторон, захлопала крыльями. Гулко, казалось на всю опушку, бухнуло тетеревиное сердце, разгоняя кровь, вмиг сбрасывая остатки дремоты. Косач, чуффыкнув в ответ, сорвался с места. Тетерев отправился на ток.

***

Тесный конус шалаша соломенной юбкой прикрыл тонкий стан молодой берёзки. Застыл, словно остров, посреди затерянной в лесной глуши старой вырубки. Щекочет ноздри пыльный запах жухлой травы, пробуждает аромат рождающегося дня. Притаившийся внутри человек, замерев в волнующем чувстве ожидания, напряжённо вглядывается в темноту сквозь узкую прорезь «бойницы»[1].

Едва различимой тенью промелькнул неясный силуэт, и рядом – казалось, протяни руку – раздалось бормотание, а за ним и долгожданное «чуф-фы», заставив обжигающий холодок азарта пробежаться по телу. Появившийся из-за кулис токовик[2], важно расхаживая, словно конферансье, отдавал команду к началу представления. Провернулось незримое колесо, окончательно меняя стёкла калейдоскопа на утренний орнамент, рассыпалась осколками ночь, а вокруг зашумела перекличка. Замелькали по краям белые наряды подхвостий, полилось мелодичное бормотанье, и всё чаще разносилось задорное «чуффыканье». Вспыхнув от спички-токовика, ярким костром разгорался тетеревиный ток.

Охотник ждал, внимательно вглядываясь в карусель белых пятен, разгораясь от этого пожара. Чувствовал, как отдаётся задором каждый хлопок крыльев всё прибывающих на поляну косачей. Чувствовал, как замирает сердце и чуть подрагивает в руках ружьё. Чувствовал, как пьянящим хмелем загулял по венам весенний ток.

[1] Бойница – узкое отверстие в шалаше. Служит для выстрела из укрытия по заданному направлению.

[2] Токовик – самец тетерева. Прилетает на токовище первым и своим голосом привлекает других косачей и самок-тетёрок.

***

Робкий звон рассвета взбудоражил вырубку. Разбилась где-то наверху кринка, и в чёрный байховый чай ночи молоком пролилось утро. Попятилась темнота, укрываясь в лесу, наступал её черёд прятаться в дебрях. Вся поляна задышала в унисон с тетеревиной песней. И в самую её середину, шумно разогнав крыльями воздух, плюхнулся тетерев-косач. Настороженно огляделся. Старый токовик уже крутился на месте. Вон он выхаживает поодаль, гордо подняв голову. Косач с бормотаньем покосился в его сторону. Для молодого петуха начиналась вторая весна, и если первую он провёл у самого края опушки, то в эту претендовал на её сердце. И быть может на следующий круг уже он, на правах самого сильного, объявит начало тока. От задорных мыслей вспыхнула кровь. Развернув веер хвоста, надув шею, косач просеменил по кругу, явно показывая, что не собирается уступать облюбованное место. Как и не собирался уступать его соперник, возникший словно из ниоткуда, раздувшимся шаром вкатившись на поляну. А скользнув взглядом дальше, петух заметил, как на самом краю опушки, на ветках берёз рассаживаются пёстрые тетёрки-невесты. И с их появлением словно упала последняя, раскалённая капля – терпеть рядом с собой конкурента косач никак не мог. Тетерев опустил голову, вытягивая над землёй шею, чувствуя, как налившись до краев, красным огнём загорелись брови. Чувствуя, как бешено заколотилось сердце и чуть подрагивали крылья.

Готовясь дать отпор, зардел в ответ и оппонент. Два косача, два противника, распушив лиры хвостовых перьев, будто увеличившись в размерах, застыли друг напротив друга.

Ток заполыхал во всю силу. Ток весенним хмельным дурманом ударил в голову. Лихим азартом вскипела кровь, и тетерев, не помня себя, бросился в драку.

***

Нескончаемым бурным потоком неслась тетеревиная песня, поднималась ввысь, растекалась далеко за края ставшей ей тесной опушки. Словно гимн самой Весне, глашатай её расцвета. И в такт песне заходилось стуком сердце, разнося по венам ток. Ведь в плотном киселе сумрака, варившегося за узкой «бойницей», сошлись головами два петуха, рассеивая утренний полумрак красными маяками. Каждый удар крыльев, каждое паровозное «чуф-фы» только разжигало пыл охотничьей страсти. Мурашками озноба пробегал по коже переполнявший человека азарт, выметая из головы все иные мысли, раскрашивая каждый миг самыми яркими красками.

Охотник медленно поднял ружьё, ловя мушкой чёрный тетеревиный силуэт. Замер, казалось, даже забывая дышать. Вот один из косачей подпрыгнул, грудью налетев на соперника, шумно ударил, отгоняя со своего места, сверкнул белым подхвостьем, повернулся, удачно открывая охотнику бок.

***

Косач наскочил на конкурента, ударил всем телом, громко захлопав крыльями. Прошёлся взад-вперёд, низко опустив голову, красуясь перед невестами, показывая свою силу и удаль. В это мгновение тетерев жил особенно ярко, дышал жизнью полной грудью, чувствовал тёплое дыханье весны. Ещё один рывок и противник будет с позором изгнан. Черныш подпрыгнул, отрываясь от земли.

Но вдруг раскалённым эхом раздался выстрел. Косач дёрнулся и завалился.

Разбился калейдоскоп, заливая мир медью. Растворялась в ней и старая вырубка, и все краски, и тёплое дыхание, остывали угольки бровей. Смолкла и песня, утонув в медном море. Не гулял больше по венам ток, погасли искры. И лишь налетевший откуда-то ветерок погладил чёрное оперение петуха.

***

Тишина сменила только что журчавший ручей песни. Разлетевшись, оборвался тетеревиный ток. Смолкла поляна, притаилась, напуганная чуждым ей аккордом.

Безмолвие поплыло над затерянной в лесной глуши старой вырубкой. И в этом безмолвии из-под самого купола трубным голосом словно отзвонил крик гусиной стаи.

Охотник медленно опустил ружьё, чувствуя, как утихает мгновением назад бушевавшая страсть, угасает в венах ток. Эта весна вышла удачной. Прогулялась ветреная барышня, до краёв напоив человека хмельным задором и оставив на память желанный трофей. Охотник аккуратно выбрался из укрытия, подобрал добытого косача и пошагал в сторону зимовья. Его Весна только начиналась. Ещё не одно утро будет проведено на старой вырубке, не один концерт будет услышан из шалаша.

***

Медь растворялась в ярких красках наступающей Весны. Откуда-то сверху, где виднелись бескрайние луговые просторы, залитые тёплым светом, послышалось задорное «чуффыканье». Край Вечного тока открывал ворота, призывая собрата в свои владения. Застывшими рубинами осыпалась кровь. Расправив крылья, душа косача, подхваченная азартом, тенью устремилась вверх. Его Весна теперь не закончится. В том краю будет сыгран не один концерт.

Пётр ЦВЕТКОВ
г. Магадан
Цветков Пётр Николаевич родился в 1975 году в Магадане.
По трём образованиям и призванию автотранспортник. Свою жизнь неразрывно связывает с Колымой.

«Муравей»

(Ностальгическая зарисовка)

Поглядывая на неугомонных муравьёв, мы отмечаем их невероятное трудолюбие, воспетое в баснях и сказках. Тянут постоянно какие-то грузы, без остановки и устали, не ведая никаких преград. Таким был сделан в советские годы и мотороллер «Муравей» – настоящий трудяга тех лет. Он достался мне совершенно случайно. Томимый непреодолимым желанием похмелиться после очередного «события», сосед предложил купить, как он сказал, «эту рухлядь за сущие копейки». Документы на него были в порядке, и мы направились в гараж. В свете открытых ворот передо мной предстал ржавый, частично разобранный трёхколёсный грузовик. В нескольких местах были видны следы подкраски и сварки, но новая краска так же вздыбилась, как и заводская. В кузове зияли сквозные дыры. Досталось ему за его нелёгкую жизнь. Сосед когда-то слыл знатным рыбаком и часто ездил на нём зимой на бухту Гертнера ловить корюшку и навагу, соль морского льда съедала и не такие машины. Меня в большей степени интересовало состояние мотора и документы на него. Двигатель приятно удивил. Несмотря на длительный простой, после несложных манипуляций он легко завёлся и чисто работал.

Страницы популярных в восьмидесятые годы прошлого века журналов – «Техника – молодёжи», «Моделист-конструктор», «Юный техник» и многих других – пестрили моделями самодельных вездеходов. Иметь такой мечтали многие рыбаки и охотники, а купить готовый, в отличие от сегодняшних дней, было просто не реально. Оставалось лишь собирать его самому. Двигатель для вездехода раздобыть в советское время было совсем не просто, в свободной продаже их попросту не было, поэтому мотороллер соседа был отличной находкой. Решено было взять в компаньоны на строительство вездехода моего приятеля, в прошлом одноклассника Вовку. Он отлично владел всеми видами сварки, да и в общем человек, как люди говорят – «не с кривыми руками», я же, имея хорошие навыки автослесаря, брал на себя техническую часть проекта. Название нашему детищу было решено сохранить «Муравей», что мне казалось на тот момент очень символичным. За образ был выбран трёхколёсный мотовездеход на шинах низкого давления из статьи одного из номеров журнала «Моделист-конструктор». С мая по октябрь мы собирали нашего «зверюгу», большинство необходимых деталей подбирали из металлолома, некоторые ответственные части, такие как подшипники, покупали новыми в автомагазинах, что-то подгоняли и переваривали. В качестве ведущего моста, например, приспособили задний мост от старой «Волги», только вместо ведомой шестерни установили звёздочку для цепи. Кроме двигателя, от мотороллера использовали всё электрооборудование, топливный бак и сиденье. Мои коллеги по работе с интересом наблюдали за нашей работой. Многие помогали – кто недостающей деталью, кто дельным советом, ведь опыт-то у нас, недавних ПТУшников, в этом деле был небольшим. Шесть долгих месяцев кропотливых работ не прошли даром, на свежевыпавший снег выехал замечательный вездеход, выкрашенный в тёмно-зелёный хаки. Мы тщетно несколько раз пытались поставить «Муравья» на учёт в технадзоре: то им подавай проект на вездеход, то согласование с заводом-изготовителем мотороллера, жёсткость их требований тогда нам была совсем не понятна. В итоге мы бросили эту затею и решили ездить только по лесу, не выезжая на дороги общего пользования, наш район был на окраине города, и проблем с этим никаких не было. Конечно, с первых дней эксплуатации проявлялись некоторые недочёты в конструкции, часто возникали мелкие поломки, но они быстро устранялись и нисколько нас не расстраивали. Главное, что вездеход полностью оправдывал своё название. Наш «Муравей» не знал преград, преодолевая подъёмы и спуски магаданских заснеженных сопок, волок на себе до трёх пассажиров и груз до ста килограммов. С лёгкостью двигался по глубокому снегу, там, где даже пешком невозможно было пройти. Самым слабым его местом оказались колёса, собранные на самодельных дисках из двух слоёв камер грузовых автомобилей. Острые ветки и пеньки, торчащие из снега, с лёгкостью прокалывали тонкую резину, и мы не раз оказывались со спущенным колесом в зимнем лесу. Много времени и сил требовалось на ремонт и накачку такого колеса. В одной из поездок было несколько проколов колёс: на южном склоне снег был неглубоким, всюду торчали пеньки. Запасные камеры для ремонта закончились, на улице стремительно темнело, а до гаража было не меньше десяти километров пути. Пешком в ночи такой путь был опасным, да и помощи там ждать было не от кого, и мы решили заночевать у «Муравья». Из тента, закрывавшего кузов, соорудили загородку от ветра, развели костёр и заварили из талой воды чай. Соорудили из веток кедрового стланика мягкие лежаки, чтобы не мокнуть на снегу, так и скоротали морозную ночь за разговорами под звёздным небом, а днём доставили из города запасные камеры и уже затемно следующего дня вернулись домой. Оглянувшись назад, в прошлое, не перестаю удивляться, какими же отчаянными и бесшабашными мы тогда были, отправляясь за десятки километров зимой, когда столбик термометра часто опускался ниже тридцатиградусной отметки, в безлюдные места!!! Основным маршрутом нам стал мыс Островной и бухта острова Недоразумения, где мы зимой ловили краба и креветку. Людей туда добиралось немного, снегоходной техникой в то время владели

единицы, большой конкуренции там не было, и краб ловился хорошо. Много старались не ловить, всегда можно было поймать свежего краба и креветки. Варили их там же, прямо на льду в морской воде, на огне паяльной лампы, от чего улов получался наиболее вкусным. По пути ставили петли на зайца и рябчика, на снежных склонах сопок поднимали стайки белых куропаток и часто возвращались домой с добычей.

Не обходилось в наших поездках на «Муравье» и без приключений. В наших широтах зимой темнеет рано, не редко приходилось возвращаться в полной темноте. Один раз, спеша вернуться домой, мы направлялись к берегу, по ровному льду «Муравей» мог двигаться с большой скоростью, ничто не предвещало никакой опасности. Вдруг в тусклом свете мотоциклетной фары возникло большое чёрное пятно, тормозить или поворачивать было уже поздно, в мгновение мы оказались на чистой воде. В морских бухтах с течением часто разрушается лёд, образуются полыньи с открытой водой. Этому способствуют сильные ветра и большие перепады высот приливов и отливов, так, видимо, случилось и в тот раз. Мерно покачиваясь на небольших волнах, мы замерли и молчали, обдумывая произошедшее, казалось, что время просто остановилось, меня всего бросило в жар. Раньше нам и в голову не приходило проверить «Муравья» на плавучесть, а сейчас он держался на поверхности морской воды, глубиной не меньше пятнадцати метров, с двумя пассажирами и грузом в килограмм пятьдесят! Постепенно пришел в себя, было понятно, что мы не тонем, вездеход устойчиво держится на воде, а двигатель по-прежнему работает ровно. Вокруг была кромешная тьма, свет фары на свинцовой воде отражался тусклым жёлтым пятном, в котором был виден пар, поднимающийся с поверхности воды, как в закипающем котелке, и конец полыньи не просматривался. «Давай вперёд» – крикнул Вовка. Я включил первую передачу и добавил оборотов, колёса начали вращаться, и «Муравей» плавно двинулся вперёд по водной глади, как колёсный пароход. С моря порывами дул свежий южный попутный ветер, который гнал по небу серые тучи, в разрывах которых стал прорываться лунный свет. Проплыв метров сто, впереди в свете лунной дорожки показались высокие припайные льдины, мы шли в верном направлении. Преодолев ещё тридцать метров, вездеход упёрся передним колесом в край береговой льдины. Задние колеса продолжали крутиться, но Муравей стоял как вкопанный. Я начал толкать переднее колесо ногами, так мне удалось закатить его на кромку льда, и мы благополучно выбрались на припай. Впоследствии мы часто переправлялись через водные преграды, реки, глубокие лужи и весенние разливы, на море же считали выезжать опасным, боясь перевернуться на большой глубине. Три зимы «Муравей» возил нас без устали по сопкам и долинам, по искрящему на солнце январскому снегу и в слепые мартовские метели. Весной, в сезон гусиной охоты, мы забирались на нём в самые отдалённые места, имея огромное преимущество перед снегоходами, так как «Муравей» мог спокойно проехать по растаявшей тундре и воде.

Однажды летом, в районе, где находился наш гараж для хранения в межсезонье «Муравья», случился большой пожар, несколько гаражей выгорело полностью, в том числе и наш, деревянный, обитый кровельным железом. Огонь не пощадил ничего, сгорели не только резиновые и пластиковые детали, даже алюминиевые части двигателя – сердца нашего «Муравья» – были расплавлены, раму повело от высокой температуры. Я был в ужасе от увиденного там. Мы с приятелем не нашли в себе силы на постройку другого вездехода, да и новый период нашей жизни и жизни страны, взросление, «Перестройка» и развал Союза вносили коррективы в наши увлечения. Уделять столько времени охоте и рыбалке больше не получалось. Нужно было найти своё место в то нестабильное время. Но это уже совсем другая история...

25.04.19

Александр ГРАКОВ

станица Выселки, Краснодарский край

Граков Александр Дмитриевич родился в 1949 году в Ташкенте. Детство и отрочество прошли в Донбассе.
В жизни перепробовал много занятий на земле и под землёй, имея около тридцати специальностей. О творческих успехах говорит звание лауреата премии «Золотое перо Руси» (2009) и библиография изданных книг. Член Союза журналистов России, МСЖ.

«Трещал камыш…»

Отрывок из романа «Алёна, я с тобой!»

...Дед Фёдор сидел на лавке за калиткой, блаженно дымя сигаретой, и любовался закатными красками морского пейзажа. Проснувшаяся после зимней спячки природа щедро наполняла вечерний воздух коктейлем из запахов трав, цветущих кустарников и деревьев. Этот коктейль с каждым вздохом наполнял грудь такой приятной свежестью, что от неё голова шла кругом. А может, тому была и другая причина: на столе в комнате деда стояла наполовину опорожненная бутылка «Амаретто» – ликёра, к которому он последнее время питал особую слабость. Вообще-то до приезда сюда, на побережье, в родной кубанской станице, дед Федя не брезговал ни водочкой из сельского магазина, ни самогоном местного производства, ни даже брагой из молочного бидона. Которую отменно запаривала его бывшая супруга Анна, ныне увы, отошедшая в мир иной по причине

старости. После её смерти дед горевал страшно. Не так, конечно, было жаль Анютиного «первача», который она классно настаивала на чабреце, как того, что не с кем стало перемолвиться словом по вечерам и ночам. Которые, как известно, к старости становятся все длиннее и длиннее. Да что там – поругаться и то не с кем стало! Остался из друзей лишь кум Василий через дорогу. Но его супружница Евфросинья не очень-то привечала почти ежедневные собрания кумовьёв, которые, конечно же, не обходились без полулитры-другой. В общем, совсем гадкая настала жизнь... И дед Федор заскучал-затосковал. Его внук Славка, узнав из писем станичников, что дед после смерти бабы Ани места себе не находит, тут же прибыл в станицу и уговорил его перебраться сюда, на побережье Чёрного моря. Ведь что было терять одинокому бобылю? А кооперативу «Люкс» срочно требовался сторож. Хотя бы на первое время. Дед согласился попробовать и неожиданно прижился на новом месте безо всяких осложнений. Характер у него был компанейский, пенсию получал неплохую, ветеранскую... Жить он стал в приватизированном клубе, в одном из бывших кабинетов. А заодно сторожить сам клуб, переделанный теперь под фирму «Люкс» и школу рукопашного боя. Утром он рыбачил, днём недостатка в собеседниках не испытывал, а вечера коротал на лавочке или по очереди ходил в гости к ребятам. Они и приучили его к ликёру. Деду Фёдору «Амаретто» так понравился, что он его охотно менял на любое количество пойманной в море рыбы. А так как рыбак он был классный, то и запас сладкого ароматного пойла в его кабинетном сейфе был воистину неиссякаем. К нему-то и подкатился Лёшка, который совсем недавно окончил какие-то там курсы журналистов при краевой телерадиокомпании, а затем устроился обозревателем местной районной газеты. Лёхе для практики интервьюирования нужны были очень жизненные истории. Которых дед Фёдор имел в избытке.

– Дед, – обратился Лёха к нему, – давай поговорим, – и настроил было свой диктофон.

– Ты, ежли хошь поговорить по-человечьи, от души, сховай сперва свою хреновину к едреней Фене, – философски изрёк дед Федя, вытирая губы рукавом после очередной дозы ликёра.

Лёшка послушно сунул «Саньо» в карман.

– Таперича спрашивай, – великодушно разрешил дед, доставая из пачки новую сигаретину.

– Расскажи, будь добр, парочку баек из станичной рыбацкой практики, – попросил Лёшка. И, видимо, угадал-таки момент, когда подкатиться.

– Ага, можно! – враз оживился дед. – Ну, слухай и мотай на... – поглядел на безусую ещё Лёхину физиономию и выдал адрес поточнее.

Было етта годов сорок тому, летом. Мы тогда с кумом Васькой полстаницы, почитай, от голодухи рыбой выручали. Время-то послевоенное, сам понимаешь... Взяли как-то с ним бредешок метра на два, пару литров буряковки (самогону) для сугреву и полезли в камышовые протоки. А они за греблей (дамбой), шириной каждая не боле опять же двух метров. Всадим енто мы держаки бредня в дно, зайдём спереди и давай камыши по бокам трепать. Подымешь опосля резко мотню – бредня, не свою – а там и щука, и окунь... Ну дык вот, шлёпаем с бреднем по той протоке, вдруг кум как заблажит: «Федька, гляди, мать твою!». И тычет перстом в какое-то бревно спереди. Я глянул и за малым в воду не сел – прёт на нас сазан с метр длиной – прямым курсом. Видать, в протоке узко, не развернуться, вот он вперёд на «ура!» и рванул. Стали мы по бокам, держим бредень. А он, паскуда, его как шилом ботинок просквозил и дует себе дальше. Ну, чё тут делать будешь? Азарт, опять же, андрена... в общем, ты понял. Не, гад, думаю, не на таковского наехал. Да я тебя опосля двух стаканов первача и голыми руками задавлю! И – прыг ему на спину! Упал пузом, а руками за морду. Тут он мне так хвостом въехал промеж ног, што у меня протока в глазах двоиться начала. Чувствую, уйдёт, зар-раза. Гляжу, а у него зябры то откроются, то закроются – дышит, чёрт его маму. Ну, я и сунул туда свои кулаки. Тут он захлопнул зябры и руки мои зажало. И попёр я вперёд на ём, как на лихой коняке. А кум сзади ломится и орёт: «Держи его крепше, Федька, не отпущай!». Хотел я ему популярно объяснить, кто кого держит... но этот же ж гад, на котором я еду, прёт напрямки через камыш и осоку. И через это об мою фотографию уже не одно хорошее удилище из камышин поломалось. Где уж тут рот раззявлять – ещё лярву какую глотнёшь ненароком. И вдруг вижу: впереди протока расширяется и переходит в заводь. Я приблизительно точно знаю, что там глубина боле двух метров – сам мерял. А ну-ка этой скотине нырнуть как раз в этом месте захочется? И чем же он, гад, дышит, ежли больше не хлопает зябрами? Прям верблюд какой-то, а не сазан. Покуда такие мысли вертелись в моей исцарапанной напрочь башке, я ору куму из последних сил: «Заходи спереди, тудык твою мамашу!» А он мне в ответ: «Не боись, Федь, у меня там сетка на выходе стоит – никуда ентот карась-переросток не денется!» Я глядь и вправду: впереди поплавки от сети прыгают на воде. Ну, думаю, Федя, вот туточки ты и погиб самой что ни на есть бесславной смертью! На войне в разведке даже не царапнуло, а здеся какая-то чешуйчатая тварь в луже утопит. Но, видать, у борова этого то ли кислород закончился, то ли он меня пожалел... Только захлопал опять своими зябрами – тут я руки свои и выхватил. Поперла ента скотина дальше своей камышовой дорогой, а я лежу серед протоки, руки судорогой свело, мочи нету подняться – пузыри потихоньку пускаю. Слышу, кум впереди как заорёт: «Ага, храпоидол, попался! Чур, сетка моя и сазан – тоже мой». Ну, тут я всё же встал и объяснил ему доходчивым народным языком, какой он друг и кум, и стоит ли с ним в разведку ходить. Под конец сказал, шобы он забирал этого бегемота и катился с ним к чёртовой матери. И что я больше в рот сазанятины не возьму – хоть ставь четверть буряковки в придачу.

И не ем её с тех пор, гадом буду! – торжественно поклялся дед Фёдор, окончив на этом своё интервью.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Веколова Анастасия Юрьевна(Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Гутовская Елена Николаевна (Северомуйск, Бурятия)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Зяблова Елена Викторовна (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Каретникова Наталия Владимировна (Москва)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.)
Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Рославский Павел Викторович (Москва)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»
Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:
•всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
•укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
•участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
•оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
• создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
•развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:
•осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
•осуществлять издательскую деятельность;
•участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
•осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
•сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.